

Утверждён Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации 24 декабря 2014 года

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1 (2014)

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

1. Разрешение споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав

1. Несоблюдение претендентом на участие в открытом аукционе по продаже недвижимого имущества (физическим лицом) требований к оформлению копии документа, удостоверяющего его личность, является основанием для отказа ему в допуске к участию в таком аукционе.

К. обратился в суд с иском к федеральному государственному унитарному предприятию, обществу с ограниченной ответственностью о признании торгов, договора купли-продажи, регистрационной записи недействительными, применении последствий недействительности сделки, восстановлении положения, существовавшего до нарушения права, признании права собственности отсутствующим.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что копия паспорта, предоставленная истцом в составе пакета документов для участия в конкурсе, не соответствовала требованиям пп. 3^{3.3} и 3⁷ Информационного сообщения о проведении аукциона.

Так, согласно п. 3^{3.3} Информационного сообщения претенденты на участие в аукционе (физические лица) представляют в том числе копию паспорта (всех страниц). В п. 3⁷ Информационного сообщения указано, что документы, состоящие из нескольких листов, должны быть скреплены, прошиты, пронумерованы с указанием количества листов в документе, подписаны уполномоченным лицом и удостоверены печатью либо заверены нотариально. Печати и подписи, а также реквизиты и текст оригиналов и копий документов должны быть четкими и читаемыми.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции указал, что требование о представлении физическим лицом, претендующим на участие в аукционе, нотариально удостоверенной копии паспорта, скрепленной, прошитой и пронумерованной, является дополнительным, поскольку оно не предусмотрено п. 121 Правил проведения конкурсов или аукционов на право заключения договоров аренды, договоров безвозмездного пользования, договоров доверительного управления имуществом, иных договоров, предусматривающих переход прав в отношении государственного или муниципального имущества, утвержденных приказом Федеральной антимонопольной службы России от 10 февраля 2010 г. № 67 (далее – Правила). Учитывая, что Правила не допускают требовать от заявителя иное, за исключением документов и сведений, предусмотренных п. 121 Правил, суд апелляционной инстанции пришел к выводу об отсутствии законных оснований для отказа в допуске К. к аукциону. Кроме того, по мнению суда, приняв к рассмотрению заявку К. на участие в аукционе, организатор аукциона признал заявку соответствующей установленной форме и требованиям, указанным в Информационном сообщении. С выводами суда апелляционной инстанции согласился суд кассационной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что выводы судов апелляционной и кассационной инстанций сделаны с существенным нарушением норм материального права.

В соответствии со ст. 449 ГК РФ торги, проведенные с нарушением правил, установленных законом, могут быть признаны судом недействительными по иску заинтересованного лица. Признание торгов недействительными влечет недействительность договора, заключенного с лицом, выигравшим торги.

Согласно п. 4 ст. 447 ГК РФ торги проводятся в форме аукциона или конкурса. Общий порядок организации и проведения торгов установлен ст. 448 ГК РФ.

Специальные нормы, определяющие порядок продажи государственного или муниципального имущества на аукционе, закреплены в ст. 18 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» (далее – Федеральный закон № 178-ФЗ), п. 8 которой содержит перечень оснований для отказа претенденту в участии в аукционе, являющийся исчерпывающим. Так, претендент не допускается к участию в аукционе, в том числе если представлены не все документы в соответствии с перечнем, указанным в Информационном сообщении (за исключением предложений о цене государственного или муниципального имущества

на аукционе), или оформление указанных документов не соответствует законодательству Российской Федерации.

Согласно пп. 1, 2 ст. 16 Федерального закона № 178-ФЗ одновременно с заявкой претенденты – физические лица предъявляют документ, удостоверяющий личность, или представляют копии всех его листов. Все листы документов, представляемых одновременно с заявкой, либо отдельные тома данных документов должны быть прошиты, пронумерованы, скреплены печатью претендента (для юридического лица) и подписаны претендентом или его представителем. Соблюдение претендентом указанных требований означает, что заявка и документы, представляемые одновременно с заявкой, поданы от имени претендента. Не допускается устанавливать иные требования к документам, представляемым одновременно с заявкой, за исключением требований, предусмотренных данной статьей, а также требовать представление иных документов.

В Информационном сообщении о проведении аукциона содержался перечень документов, представляемых для участия в аукционе претендентами (пп. 3¹ – 3^{3.3}), требования к их оформлению (пп. 3⁴ – 3⁷) и основания, по которым претендент может быть не допущен к участию в аукционе (п. 6²).

Согласно п. 3^{3.3} Информационного сообщения претенденты на участие в аукционе (физические лица) представляют в том числе копию паспорта (всех страниц).

В п. 3⁷ Информационного сообщения указано, что документы, состоящие из нескольких листов, должны быть скреплены, прошиты, пронумерованы с указанием количества листов в документе, подписаны уполномоченным лицом и удостоверены печатью либо заверены нотариально. Печати и подписи, а также реквизиты и текст оригиналов и копий документов должны быть четкими и читаемыми.

Претендент не допускается к участию в аукционе, в том числе если представлен пакет документов, не соответствующий требованиям, содержащимся в данном информационном сообщении, а также включающий не все документы в соответствии с перечнем, указанным в разделе 3 названного информационного сообщения (п. 6²).

Таким образом, одним из оснований для отказа в допуске претендента к участию в аукционе является несоблюдение требований к оформлению документов.

Судом установлено, что представленная К. копия паспорта на девяти листах не была прошита и заверена надлежащим образом.

Следовательно, основанием для отказа послужило несоблюдение К. требований к оформлению документов, предусмотренных п. 2 ст. 16 Федерального закона № 178-ФЗ и п. 3⁷ Информационного сообщения.

При таких обстоятельствах вывод суда апелляционной инстанции о том, что организатор торгов, предъявляя требования к оформлению копии паспорта, фактически потребовал представления документов, не предусмотренных Правилами, ошибочен.

Кроме того, несостоятелен вывод суда апелляционной инстанции о том, что, приняв к рассмотрению заявку К. на участие в аукционе, организатор аукциона признал заявку соответствующей установленной форме и требованиям, указанным в Информационном сообщении. Информационное сообщение содержит требования как к оформлению самой заявки (п. 3^{2.1}), которая должна быть оформлена на бланке претендента по установленной продавцом форме, так и требования к оформлению документов, представляемых вместе с ней.

Учитывая изложенное Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала правомерным вывод суда первой инстанции о том, что нарушений процедуры (правил) проведения торгов, установленной законом, допущено не было.

Определение № 58-КГ14-7

2. Отсутствие разрешения на строительство само по себе не может служить основанием для отказа в иске о признании права собственности на самовольную постройку.

Местная администрация обратилась в суд с иском к Л. о признании жилого дома, возведённого ответчиком, самовольной постройкой. В обоснование заявленных требований истец указал, что хотя Л. и зарегистрировала право собственности на указанный объект недвижимости, он имеет все признаки самовольной постройки, поскольку разрешение на строительство в соответствии со ст. 51 Градостроительного кодекса Российской Федерации получено не было. Истец просил суд обязать ответчика снести возведённый ею объект, взыскать компенсацию морального вреда.

Разрешая спор и удовлетворяя заявленные требования в части признания жилого дома, возведённого Л., самовольной постройкой, суд первой инстанции исходил из того, что у ответчика отсутствовало разрешение на строительство дома. Поскольку ответчиком не заявлялись встречные требования о сохранении самовольной постройки, суд возложил на Л. обязанность её снести.

С выводами суда первой инстанции согласился суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные постановления в

части удовлетворения требований истца и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

При разрешении спора суд правильно установил, что жилой дом, возведённый Л., является самовольной постройкой, поскольку ответчиком не было получено разрешение на его строительство (ст. 222 ГК РФ).

Между тем суд не учёл, что самовольная постройка может быть сохранена, при этом закон связывает возможность признания судом права собственности на самовольную постройку с такими обстоятельствами, как принадлежность земельного участка, на котором строение возведено, наличие угрозы жизни и здоровью граждан, возможность нарушения прав и законных интересов других граждан, сохранением возведённой постройки.

Как предусмотрено п. 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», рассматривая иски о признании права собственности на самовольную постройку, суд устанавливает, допущены ли при её возведении существенные нарушения градостроительных и строительных норм и правил, создаёт ли такая постройка угрозу жизни и здоровью граждан. С этой целью суд при отсутствии необходимых заключений компетентных органов или при наличии сомнения в их достоверности вправе назначить экспертизу по правилам процессуального законодательства.

Отсутствие разрешения на строительство само по себе не может служить основанием для отказа в иске о признании права собственности на самовольную постройку. В то же время суду необходимо установить, предпринимало ли лицо, создавшее самовольную постройку, надлежащие меры к её легализации, в частности к получению разрешения на строительство и (или) акта ввода объекта в эксплуатацию, а также правомерно ли отказал уполномоченный орган в выдаче такого разрешения или акта ввода объекта в эксплуатацию.

Если иное не установлено законом, иск о признании права собственности на самовольную постройку подлежит удовлетворению при установлении судом того, что единственными признаками самовольной постройки являются отсутствие разрешения на строительство и (или) отсутствие акта ввода объекта в эксплуатацию, к получению которых лицо, создавшее самовольную постройку, предпринимало меры. В этом случае суд должен также установить, не нарушает ли сохранение самовольной постройки права и охраняемые законом интересы других лиц и не создаёт ли угрозу жизни и здоровью граждан.

Таким образом, законом возможность сноса самовольной постройки связывается не с формальным соблюдением требований о получении разрешения на её строительство, а с установлением обстоятельств, которые могли бы препятствовать использованию такой постройки ввиду её несоответствия требованиям безопасности и возможности нарушения прав третьих лиц.

При этом суду также надлежит установить, имелись ли у лица, осуществившего самовольное строительство, препятствия к получению разрешения на возведение такого строения. В случае если такие препятствия отсутствовали, решение о сносе постройки будет основываться лишь на формальном подходе суда к разрешению спора, не основанном на полном и всестороннем исследовании обстоятельств, имеющих значение для дела, что противоречит положениям ст. 195, 196 и 198 ГПК РФ.

Разрешая настоящий спор, суд пришёл к выводу, что самовольная постройка подлежит сносу лишь в связи с тем, что ответчиком не было получено разрешение на её возведение, при этом сама постройка, как установил суд, расположена на земельном участке с соответствующим целевым назначением и видом разрешённого использования, права и охраняемые законом интересы других лиц не нарушает и не создаёт угрозу жизни и здоровью граждан.

При таких обстоятельствах нельзя согласиться с выводом суда о том, что возведённая Л. постройка подлежит сносу лишь в связи с несоблюдением ответчиком порядка получения разрешения на строительство.

Впоследствии право собственности на строение было в установленном законом порядке зарегистрировано Л., воспользовавшейся процедурой, предусмотренной ст. 25³ Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним».

В связи с этим не представляется возможным согласиться и с выводом суда о необходимости обращения ответчика со встречным иском о сохранении самовольной постройки и признании права собственности.

В силу принципа диспозитивности гражданского процесса лица, участвующие в деле, самостоятельно выбирают способ защиты своих интересов, самостоятельно распоряжаются предоставленными им законом правами и обязанностями.

Как предусмотрено ч. 1 ст. 3 ГПК РФ, заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов.

Таким образом, обращение в суд с иском о защите нарушенного права является правом лица, но не его обязанностью.

При рассмотрении настоящего дела суд пришёл к выводу, что Л. должны были предприниматься меры к сохранению самовольной постройки путём предъявления в суд соответствующего встречного иска, тем самым вменил ответчику в обязанность реализацию права, предоставленного законом.

Между тем в силу диспозитивности гражданского судопроизводства такое право должно реализовываться лицом самостоятельно, вне зависимости от императивных предписаний суда, при этом гражданские права, подлежащие, по мнению суда, защите посредством предъявления встречного иска, будут действительны вне зависимости от реализации стороной процессуальных прав.

Так, судом установлено, что право Л. на спорный жилой дом было зарегистрировано территориальным органом государственной регистрации, кадастра и картографии.

В соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним – юридический акт признания и подтверждения государством возникновения, ограничения (обременения), перехода или прекращения прав на недвижимое имущество в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации.

Таким образом, право Л. на спорное жилое здание было признано государством в установленном законом порядке и не нуждалось в дополнительном признании в судебном порядке.

Определение № 19-КГ14-6

3. Занижение цены инвестиционного договора по сравнению с рыночной стоимостью недвижимости само по себе не свидетельствует о злоупотреблении гражданином-покупателем своим правом (ст. 10 ГК РФ).

ООО «Система-5» обратилось в суд с иском к ООО «Сибстроймонтаж», управлению федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по субъекту Российской Федерации, Г. и Ф. о признании договоров ничтожными, прекращении государственной регистрации права собственности, признании права собственности на квартиры.

Ответчики Г. и Ф. обратились в суд со встречным требованием к ООО «Система-5» о признании недействительным (ничтожным)

соглашения об уступке прав требования, признании за ними права собственности на квартиры.

Дело неоднократно рассматривалось судебными инстанциями.

Удовлетворяя исковые требования ООО «Система-5», суд первой инстанции исходил из того, что на момент заключения договоров с Г. и Ф. права владения на спорные квартиры, переданные ООО «Система-5» по акту приема-передачи, принадлежали данному обществу. Как указал суд, ООО «Сибстроймонтаж», заключив с ответчиками Г. и Ф. в 2005 году договоры об инвестиционной деятельности, фактически распорядилось не принадлежащими ему спорными квартирами, в связи с чем данные сделки являются ничтожными. Поскольку эти сделки послужили основанием для государственной регистрации перехода права собственности на спорные квартиры к ответчикам, постольку государственная регистрация права собственности Г. и Ф. в отношении указанных квартир подлежала прекращению; право собственности на спорные квартиры подлежало признанию за ООО «Система-5» на основании п. 2 ст. 218 ГК РФ.

Суд апелляционной инстанции, оставляя решение суда первой инстанции без изменения, также указал, что продажа спорных объектов была осуществлена ответчиками по первоначальному иску по многократно заниженной цене, и квалифицировала поведение ответчиков Г. и Ф. как злоупотребление правом, являющееся основанием для признания совершенных сделок не соответствующими требованиям закона.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя состоявшиеся по делу судебные постановления в части удовлетворенных исковых требований ООО «Система-5» и направляя дело в этой части на новое рассмотрение в суд первой инстанции, не согласилась с выводом суда апелляционной инстанции о злоупотреблении правами Г. и Ф.

Признавая незаконным вывод суда апелляционной инстанции о ничтожности заключенных с Г. и Ф. договоров об инвестиционной деятельности, как направленных на злоупотребление правом, Судебная коллегия указала следующее.

Установленный в ст. 10 ГК РФ запрет злоупотребления правом в любых формах направлен на реализацию принципа, закрепленного в ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации. Этот запрет не предполагает его произвольного применения судами, решения которых должны основываться на исследовании и оценке конкретных действий и поведения участников гражданско-правовых отношений с позиции возможных негативных последствий для этих отношений, для прав и законных интересов иных граждан и юридических лиц.

При решении вопроса о наличии в поведении того или иного лица признаков злоупотребления правом суд должен установить, в чем заключалась недобросовестность его поведения при заключении оспариваемых договоров, имела ли место направленность поведения лица на причинение вреда другим участникам гражданского оборота, их правам и законным интересам, учитывая и то, каким при этом являлось поведение и другой стороны заключенного договора.

Это судом апелляционной инстанции сделано не было, в связи с чем его вывод о том, что само по себе занижение цены инвестиционного договора по сравнению с рыночной ценой на недвижимость свидетельствует о злоупотреблении гражданином как покупателем недвижимости своим правом, признан незаконным.

Определение № 67-КГ14-5

II. Вопросы правопреемства

4. Факт обращения наследника с заявлением о принятии наследства сам по себе не может являться основанием для признания такого лица правопреемником выбывшего в связи со смертью должника по договору.

Решением суда от 11 декабря 2007 г. с С.Л. в пользу К. взысканы задолженность и расходы на уплату государственной пошлины.

К. обратился в суд с заявлением о замене должника по делу С.Л., смерть которой произошла 30 июля 2011 г.

Определением суда первой инстанции от 19 марта 2013 г., оставленным без изменения апелляционным определением от 13 июня 2013 г., заявление К. удовлетворено: должник по исполнительному производству С.Л. заменена на С.Р. (14 декабря 1995 года рождения) и С.А. (22 декабря 2001 года рождения), законным представителем которых до совершеннолетия является их отец С.М.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, обсудив доводы, изложенные в кассационной жалобе С.М., отменила вынесенные по делу судебные постановления о правопреемстве и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Как предусмотрено ч. 1 ст. 44 ГПК РФ, в случаях выбытия одной из сторон в спорном или установленном решением суда правоотношении (смерть гражданина, реорганизация юридического лица, уступка требования, перевод долга и другие случаи перемены лиц в обязательствах) суд допускает замену этой стороны ее

правопреемником. Правопреемство возможно на любой стадии гражданского судопроизводства.

В силу п. 1 ст. 1175 ГК РФ наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя солидарно (ст. 323).

Каждый из наследников отвечает по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества.

С учётом приведённых положений закона при установлении процессуального правопреемства суду надлежит установить, привлекались ли лица, полагаемые правопреемниками, к наследованию, были ли ими реализованы наследственные права, а также определить размер и стоимость наследственного имущества, в пределах которых наследник может отвечать по долгам наследодателя.

Возложение на наследника обязанности полностью исполнить долговые обязательства выбывшей стороны без учёта любого из приведённых обстоятельств ведёт к необоснованной замене стороны в долговом обязательстве.

Установив, что С.Р. и С.А. обращались к нотариусу с заявлением о принятии наследства после смерти С.Л., суд счёл, что данное обстоятельство является достаточным основанием для процессуального правопреемства.

Между тем судом не было учтено постановление об отказе в совершении нотариального действия, в соответствии с которым С.Р. и С.А. отказано в выдаче свидетельства о наследстве по закону после смерти С.Л. в связи с отсутствием какого-либо наследственного имущества.

Фактически суд ограничился лишь установлением факта обращения наследников с заявлением о принятии наследства.

Между тем, поскольку отсутствовало имущество, за счёт которого наследники могли нести ответственность по долгам наследодателя, долг С.Л. не мог быть переведён на её наследников.

Указанные обстоятельства не были учтены судами первой и апелляционной инстанций, что повлекло за собой вынесение незаконных судебных постановлений.

Определение № 14-КГ13-12

III. Разрешение споров, связанных с жилищными отношениями

5. Гражданам, переселяемым из аварийного жилья, гарантируется предоставление благоустроенных жилых помещений, равнозначных по общей площади ранее занимаемым, с сохранением за ними права состоять на учёте в качестве нуждающихся в жилых помещениях по нормам предоставления.

Местная администрация обратилась в суд с иском к гражданам (семье, состоящей из шести человек) о переселении их из квартиры, находящейся в муниципальной собственности и расположенной в доме, включенном в областную адресную программу по переселению граждан из аварийного жилищного фонда.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции пришёл к выводу о том, что предоставляемое жилое помещение не отвечает требованиям закона, поскольку ответчики состоят на учёте нуждающихся в улучшении жилищных условий, в связи с чем должны быть обеспечены жилой площадью по нормам предоставления. Вместо этого в рамках указанной выше адресной программы одному из ответчиков на состав семьи из шести человек предоставлена однокомнатная квартира. Решение суда первой инстанции оставлено без изменения судом апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации данные выводы судов признала незаконными по следующим основаниям.

В целях создания безопасных и благоприятных условий проживания граждан Федеральный закон от 21 июля 2007 г. № 185-ФЗ «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» (далее – Федеральный закон № 185-ФЗ) устанавливает правовые и организационные основы предоставления финансовой поддержки субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям, в том числе на переселение граждан из аварийного жилищного фонда.

Наличие региональной адресной программы по переселению граждан из аварийного жилищного фонда является одним из условий участия субъекта в реализации указанного федерального закона и получения финансовой поддержки на её реализацию за счёт средств Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства (п. 11 ч. 1 ст. 14, ст. 16 Федерального закона № 185-ФЗ).

Согласно паспорту областной адресной программы по переселению граждан из аварийного жилищного фонда целями и задачами этой программы являются: улучшение условий проживания граждан, переселение граждан из аварийного жилищного фонда, признанного в установленном порядке аварийным и подлежащим сносу в связи с физическим износом в процессе эксплуатации, ликвидация существующего аварийного жилищного фонда. Указанной программой установлены сроки переселения жильцов аварийных домов.

Частью 3 ст. 16 Федерального закона № 185-ФЗ определено, что переселение граждан из аварийного жилищного фонда осуществляется в соответствии с жилищным законодательством. Жилое помещение, предоставляемое гражданам при переселении их в соответствии с

данным федеральным законом из аварийного жилищного фонда, может находиться по месту их жительства в границах соответствующего населённого пункта или с согласия в письменной форме этих граждан в границах другого населённого пункта субъекта Российской Федерации, на территории которого расположено ранее занимаемое жилое помещение.

Порядок переселения граждан из аварийного жилищного фонда нормативно регламентирован ст. 86 - 89 ЖК РФ.

В силу ст. 86 ЖК РФ, если дом, в котором находится жилое помещение, занимаемое по договору социального найма, подлежит сносу, выселяемым из него гражданам органом государственной власти или органом местного самоуправления, принявшими решение о сносе такого дома, предоставляются другие благоустроенные жилые помещения по договорам социального найма.

Согласно ч. 1 ст. 89 ЖК РФ предоставляемое гражданам в связи с выселением по основаниям, которые предусмотрены ст. 86 - 88 названного кодекса, другое жилое помещение по договору социального найма должно быть благоустроенным применительно к условиям соответствующего населённого пункта, равнозначным по общей площади ранее занимаемому жилому помещению, отвечать установленным требованиям и находиться в черте данного населённого пункта. В случаях, предусмотренных федеральным законом, такое предоставляемое жилое помещение с согласия в письменной форме граждан может находиться в границах другого населённого пункта субъекта Российской Федерации, на территории которого расположено ранее занимаемое жилое помещение. В случаях, предусмотренных федеральным законом, гражданам, которые состоят на учёте в качестве нуждающихся в жилых помещениях или имеют право состоять на таком учёте, жилые помещения предоставляются по нормам предоставления.

Федеральный закон № 185-ФЗ не относится к числу законов, на которые указывает отсылочная норма ч. 1 ст. 89 ЖК РФ.

В соответствии с разъяснениями, изложенными в п. 37 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации», в случае выселения граждан из жилых помещений по основаниям, перечисленным в ст. 86 - 88 ЖК РФ, другое благоустроенное жилое помещение по договору социального найма, равнозначное по общей площади ранее занимаемому, предоставляется гражданам не в связи с улучшением жилищных условий, а потому иные обстоятельства (названные, например, в ч. 5 ст. 57, ст. 58 ЖК РФ), учитываемые при предоставлении жилых помещений гражданам, состоящим на учёте в качестве нуждающихся в жилых помещениях, во внимание не

принимаются. При этом граждане, которым в связи с выселением предоставлено другое равнозначное жилое помещение, сохраняют право состоять на учёте в качестве нуждающихся в жилых помещениях, если для них не отпали основания состоять на таком учёте (ст. 55 ЖК РФ).

Таким образом, предоставление гражданам в связи со сносом дома другого жилого помещения носит компенсационный характер и гарантирует им условия проживания, которые не должны быть ухудшены по сравнению с прежними с одновременным улучшением жилищных условий с точки зрения безопасности.

Жилое помещение, в которое ответчики отказывались переселяться, было предоставлено им в связи с расселением аварийного дома, а не в связи с улучшением жилищных условий в порядке ч. 1 ст. 57 ЖК РФ.

При таких обстоятельствах отказ суда в иске по мотиву необходимости обеспечения ответчиков жильем по нормам предоставления, противоречит указанным выше предписаниям закона.

Поскольку вопрос о равноценности жилого помещения, предоставляемого ответчикам в рамках реализации областной адресной программы по переселению граждан из аварийного жилищного фонда, применительно к положениям ст. 89 ЖК РФ судами не был рассмотрен, Судебная коллегия, отменив состоявшиеся по делу судебные постановления, направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 13-КГ14-2

6. Наличие права на выплату ежемесячной денежной компенсации за поднаём жилого помещения, предусмотренного законом субъекта Российской Федерации, не исключает право на обеспечение жилым помещением специализированного жилищного фонда детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из их числа, гарантированное федеральным законодательством.

Прокурор г. Александрова Владимирской области обратился в суд в интересах А. с исковым заявлением к администрации Александровского района, администрации Владимирской области об обеспечении А. жилым помещением по договору найма специализированного жилого помещения, отвечающего санитарным и техническим требованиям, общей площадью не менее 26 кв. м в границах Александровского района за счет средств бюджета Владимирской области.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении заявленного прокурором требования отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала вынесенные по делу судебные постановления незаконными, указав следующее.

Согласно ч. 1 ст. 109¹ ЖК РФ предоставление жилых помещений детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, по договорам найма специализированных жилых помещений осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации.

В п. 1 ст. 8 Федерального закона от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (в редакции Федерального закона от 29 февраля 2012 г. № 15-ФЗ) (далее – Федеральный закон № 159-ФЗ) предусмотрено, что детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые не являются нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений, а также детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые являются нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений, в случае, если их проживание в ранее занимаемых жилых помещениях признаётся невозможным, органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, на территории которого находится место жительства указанных лиц, в порядке, установленном законодательством этого субъекта Российской Федерации, однократно предоставляются благоустроенные жилые помещения специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений.

Жилые помещения предоставляются лицам, указанным в абзаце первом п. 1 названной статьи, по достижении ими возраста 18 лет, а также в случае приобретения ими полной дееспособности до достижения совершеннолетия. В случаях, предусмотренных законодательством субъектов Российской Федерации, жилые помещения могут быть предоставлены лицам, указанным в абзаце первом п. 1, ранее чем по достижении ими возраста 18 лет.

По заявлению в письменной форме лиц, указанных в абзаце первом п. 1 ст. 8 этого же закона и достигших возраста 18 лет, жилые помещения предоставляются им по окончании срока пребывания в образовательных организациях, учреждениях социального обслуживания населения, учреждениях системы здравоохранения и

иных учреждениях, создаваемых в установленном законом порядке для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также по завершении получения профессионального образования, либо окончании прохождения военной службы по призыву, либо окончании отбывания наказания в исправительных учреждениях.

Орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации, формирует список детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые подлежат обеспечению жилыми помещениями (далее – Список) в соответствии с п. 1 ст. 8 Федерального закона № 159-ФЗ.

В Список включаются лица, указанные в абзаце первом п. 1 этой статьи и достигшие возраста 14 лет. Предоставление детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилых помещений в соответствии с п. 1 ст. 8 данного закона является основанием для исключения указанных лиц из Списка (пп. 1, 3).

По договорам найма специализированных жилых помещений они предоставляются указанным лицам в виде жилых домов, квартир, благоустроенных применительно к условиям соответствующего населённого пункта, по нормам предоставления площади жилого помещения по договору социального найма (п. 7).

Из содержания приведённых правовых норм следует, что федеральный законодатель определил основания и условия предоставления жилых помещений по договорам найма специализированных жилых помещений лицам, указанным в абзаце первом п. 1 ст. 8 Федерального закона № 159-ФЗ.

К их числу относятся, в частности, невозможность проживания в ранее занимаемом жилом помещении ребёнка, который достиг возраста 18 лет и который включён в Список, а также окончание срока пребывания ребёнка в образовательной организации.

При этом ни ст. 8 Федерального закона № 159-ФЗ, ни иные статьи указанного закона не устанавливают очерёдность внутри Списка в качестве условия предоставления жилого помещения по договору найма специализированного жилого помещения соответствующей категории граждан.

Содержащееся в п. 3 ст. 8 Федерального закона № 159-ФЗ указание на то, что формирование списка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые подлежат обеспечению жилыми помещениями, осуществляется в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации, само по себе не означает, что предоставление жилых помещений специализированного жилищного

фонда по договорам найма специализированных жилых помещений должно осуществляться в соответствии с какой-либо очередностью.

В данном случае установление законом субъекта Российской Федерации порядка предоставления жилых помещений специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений предполагает установление процедурных правил по формированию Списка – определение перечня документов, которые должны быть представлены, органа, в который должны быть представлены соответствующие документы, и т.п.

По своей сути формирование субъектом Российской Федерации Списка означает констатацию уполномоченным на то органом наличия предусмотренных федеральным законом оснований для реализации указанной категорией лиц права на предоставление жилого помещения по договору найма специализированного жилого помещения.

Кроме того, формирование Списка может иметь своей целью определение потребности в соответствующих объёмах ежегодного финансирования (объём субвенций), выделяемого на цели обеспечения жильём детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Между тем, как установлено судом, формируемый на основании Закона Владимирской области от 3 декабря 2004 г. № 226-03 «О государственном обеспечении и социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (далее – Закон области) Список предполагает установление очередности при обеспечении указанной категории лиц специализированными жилыми помещениями.

При таких обстоятельствах судам следовало, руководствуясь ч. 5 ст. 76 и ч. 2 ст. 120 Конституции Российской Федерации, принять решение в соответствии с действующим федеральным законодательством. Однако этого сделано не было.

Ссылка суда на то, что удовлетворение заявления прокурора об обеспечении А. жилым помещением фактически приведёт к нарушению законных прав иных граждан, включённых в сводный список ранее А., Судебной коллегией не принята во внимание, поскольку граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права (ст. 9 ГК РФ).

Содержащийся в возражениях Департамента образования администрации Владимирской области довод о том, что согласно ч. 22 ст. 7 Закона области при невозможности обеспечения жилым помещением специализированного жилищного фонда детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, обладающих правом на обеспечение жилым помещением за счёт средств областного бюджета, им выплачивается ежемесячная денежная компенсация платы за

поднаём одного жилого помещения, также признан Судебной коллегией несостоятельным.

Кроме того, Судебная коллегия указала, что наличие права на выплату ежемесячной денежной компенсации за поднаём одного жилого помещения, предусмотренного законом субъекта Российской Федерации, не исключает и не может исключать право на обеспечение жилым помещением специализированного жилищного фонда детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, гарантированное федеральным законодательством.

Определение № 86-КГПР14-7

IV. Разрешение споров, связанных с трудовыми отношениями

7. При отсутствии мотивированного письменного отказа работодателя присоединиться к изменениям, которые вносятся в заключённое на федеральном уровне отраслевое тарифное соглашение, такое соглашение распространяется на него в полном объёме.

Х. обратилась в суд с иском к ООО «Водоканал» (работодателю) об установлении месячной тарифной ставки в соответствии с отраслевым тарифным соглашением, возложении обязанности заключить дополнительное соглашение к трудовому договору, взыскании недоначисленной заработной платы. В обоснование заявленных требований истец указала на то, что с 1 сентября 2010 г. работает у ответчика. Помимо обязанностей по основной должности, выполняет работу, соответствующую функциональным обязанностям по другой должности, однако дополнительная оплата за увеличенный объём работ ответчиком не производится. В нарушение действующего отраслевого тарифного соглашения в жилищно-коммунальном хозяйстве на 2008 – 2014 годы (далее – Отраслевое тарифное соглашение), которым предусмотрена минимальная тарифная ставка рабочего первого разряда в размере не ниже 4 200 рублей и начисление на неё отраслевого тарифного коэффициента 1,4, расчёт заработной платы производился в меньшем размере, а отраслевой коэффициент работодателем никогда не начислялся. Истец полагала, что поскольку работодатель в установленном порядке не отказался от присоединения к отраслевому соглашению, то оно распространяет своё действие на него и он обязан его исполнять.

Решением суда исковые требования удовлетворены частично. С работодателя в пользу Х. взыскана недоначисленная заработная плата. На ответчика возложена обязанность заключить с Х. дополнительное

соглашение к трудовому договору о поручении дополнительных работ с установлением ежемесячной доплаты в размере 30% от фактически отработанного времени и производить начисление заработной платы Х. из расчёта минимальной месячной тарифной ставки рабочего первого разряда умноженной на тарифный коэффициент.

Отменяя решение суда первой инстанции в части взыскания с ответчика недоначисленной заработной платы, возложении обязанности производить начисления заработной платы Х. из расчёта минимальной месячной тарифной ставки рабочего первого разряда, умноженной на тарифный коэффициент, суд апелляционной инстанции исходил из того, что организация (работодатель) была зарегистрирована в ЕГРЮЛ уже после принятия Отраслевого тарифного соглашения на 2008 – 2010 годы, предложения присоединиться к соглашениям о продлении его действия и внесении изменений в раздел «Оплата труда» в адрес работодателей, не участвовавших в заключении данных соглашений, со стороны уполномоченного органа в соответствии со ст. 48 ТК РФ не поступало, а соглашение о внесении изменений в раздел «Оплата труда» не размещено на сайте Минздравсоцразвития России и официально не опубликовано.

В связи с этим суд апелляционной инстанции пришёл к выводу, что на работодателя не может быть возложена обязанность применять условия пролонгированного Отраслевого тарифного соглашения, в том числе при установлении размера заработной платы работникам предприятия.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшееся по делу апелляционное определение по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 48 ТК РФ соглашение вступает в силу со дня его подписания сторонами либо со дня, установленного соглашением. Срок действия соглашения определяется сторонами, но не может превышать трёх лет. Стороны имеют право один раз продлить действие соглашения на срок не более трёх лет.

Соглашение действует в отношении: – всех работодателей, являющихся членами объединения работодателей, заключившего соглашение. Прекращение членства в объединении работодателей не освобождает работодателя от выполнения соглашения, заключённого в период его членства. Работодатель, вступивший в объединение работодателей в период действия соглашения, обязан выполнять обязательства, предусмотренные этим соглашением; – работодателей, не являющихся членами объединения работодателей, заключившего соглашение, которые уполномочили указанное объединение от их имени участвовать в коллективных переговорах и заключить соглашение либо присоединились к соглашению после его заключения; – органов

государственной власти и органов местного самоуправления в пределах взятых ими на себя обязательств.

Соглашение действует в отношении всех работников, состоящих в трудовых отношениях с работодателями, указанными в частях третьей и четвертой ст. 48 ТК РФ.

В тех случаях, когда в отношении работников действует одновременно несколько соглашений, применяются условия соглашений, наиболее благоприятные для работников.

По предложению сторон заключённого на федеральном уровне отраслевого соглашения руководитель федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере труда, имеет право после опубликования соглашения предложить работодателям, не участвовавшим в заключении данного соглашения, присоединиться к этому соглашению. Указанное предложение подлежит официальному опубликованию и должно содержать сведения о регистрации соглашения и об источнике его опубликования.

Если работодатели, осуществляющие деятельность в соответствующей отрасли, в течение 30 календарных дней со дня официального опубликования предложения о присоединении к соглашению не представили в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере труда, мотивированный письменный отказ присоединиться к нему, то соглашение считается распространённым на этих работодателей со дня официального опубликования этого предложения. К указанному отказу должен быть приложен протокол консультаций работодателя с выборным органом первичной профсоюзной организации, объединяющей работников данного работодателя.

В соответствии со ст. 49 ТК РФ изменение и дополнение соглашения производится в порядке, предусмотренном данным кодексом для заключения соглашения, либо в порядке, определённом соглашением.

Судом установлено, что организация (работодатель) зарегистрирована в ЕГРЮЛ 19 февраля 2010 г., то есть в период действия Отраслевого тарифного соглашения, принятого 22 июня 2007 г. и прошедшего уведомительную регистрацию в Федеральной службе по труду и занятости 5 сентября 2007 г., опубликованного в установленном порядке в журнале «Труд и страхование» 2007 год, №10/11.

Соглашением от 19 февраля 2010 г. срок действия Отраслевого тарифного соглашения продлён с 1 января 2011 г. по 1 января 2014 г. Данное соглашение прошло уведомительную регистрацию в

Федеральной службе по труду и занятости 2 апреля 2010 г. (регистрационный № 145/11-14), опубликовано не было.

Соглашением от 24 марта 2011 г. в Отраслевое тарифное соглашение, продлённое на период с 1 января 2011 г. по 1 января 2014 г., в раздел «Оплата труда» внесены изменения.

В соответствии с изменениями, внесёнными в п. 2³ Отраслевого тарифного соглашения, базовая месячная тарифная ставка рабочих первого разряда в организациях жилищно-коммунального комплекса с 1 января 2011 г. устанавливается в размере не ниже 4 473 рублей.

Указанное соглашение от 24 марта 2011 г. прошло уведомительную регистрацию в Федеральной службе по труду и занятости 15 апреля 2011 г. (регистрационный № 177/11-14), опубликовано в журнале «Ваше право» июнь 2011 год, № 11.

Письмом за подписью министра здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 20 сентября 2011 г. № 22-5/10/2-9333 работодателям организаций жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, не участвовавшим в заключении соглашения, в соответствии со ст. 48 ТК РФ предложено присоединиться к нему либо в течение 30 календарных дней со дня официального опубликования данного предложения представить мотивированный письменный отказ от присоединения к соглашению. Указано, что Отраслевое тарифное соглашение размещено на официальном сайте Минздравсоцразвития России (www.minzdravsoc.ru).

Письмо Минздравсоцразвития России опубликовано в «Российской газете», 2011 год, 30 сентября, № 219, от в журнале «Ваше право», 2011 год, № 20, Бюллетене трудового и социального законодательства Российской Федерации, 2011 год, № 10.

Таким образом, поскольку соглашение от 24 марта 2011 г. о внесении изменений в Отраслевое тарифное соглашение и предложение Минздравсоцразвития России работодателям организаций жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации о присоединении к Отраслевому тарифному соглашению официально опубликованы уже после создания организации, ответчик в течение 30 календарных дней со дня официального опубликования предложения о присоединении к соглашению должен был представить в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере труда, мотивированный письменный отказ присоединиться к нему, в противном случае соглашение считается распространённым на него со дня официального опубликования этого предложения.

При указанных обстоятельствах Судебная коллегия признала вывод суда апелляционной инстанции о нераспространении на ответчика

действия Отраслевого тарифного соглашения, продлённого на период с 1 января 2011 г. по 1 января 2014 г., незаконным.

Определение № 72-КГ14-1

V. Разрешение споров, связанных с назначением социальных выплат

8. Право членов семей военнослужащих, погибших (умерших) при исполнении обязанностей военной службы, на получение ежемесячной денежной компенсации, предусмотренной ч. 9 ст. 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», возникает с 1 января 2012 г. (даты вступления в силу данного федерального закона) и не связано с датой гибели (смерти) военнослужащего.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, удовлетворены требования Б.А. к учреждению социальной защиты о назначении ей ежемесячной денежной компенсации как члену семьи погибшего при исполнении обязанностей военной службы военнослужащего.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, обсудив доводы, изложенные в кассационной жалобе представителя Федеральной службы по труду и занятости, привлечённой к участию в деле в качестве третьего лица, признала состоявшиеся по делу судебные постановления законными по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 9 ст. 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» (далее – Федеральный закон № 306-ФЗ) в случае гибели (смерти) военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, наступившей при исполнении им обязанностей военной службы, либо смерти, наступившей вследствие военной травмы, каждому члену его семьи выплачивается ежемесячная денежная компенсация, которая рассчитывается путём деления ежемесячной денежной компенсации, установленной ч. 13 данной статьи для инвалида I группы, на количество членов семьи (включая погибшего (умершего) военнослужащего или гражданина, проходившего военные сборы).

Членами семьи военнослужащего, гражданина, призванного на военные сборы, или инвалида вследствие военной травмы, имеющими право на получение ежемесячной денежной компенсации, установленной ч. 9 ст. 3 Федерального закона № 306-ФЗ, независимо от нахождения на иждивении погибшего (умершего) кормильца или

трудоспособности считаются лица, указанные в ч. 11 ст. 3 этого закона, в том числе родители военнослужащего, гражданина, призванного на военные сборы, или инвалида вследствие военной травмы. При этом право на ежемесячную денежную компенсацию, установленную ч. 9 ст. 3 Федерального закона № 306-ФЗ, имеют родители, достигшие возраста 50 и 55 лет (соответственно женщина и мужчина) или являющиеся инвалидами (подп. 2 ч. 11 ст. 3 Федерального закона № 306-ФЗ).

Федеральный закон № 306-ФЗ вступил в силу с 1 января 2012 г. (ст. 7 данного закона).

Согласно подп. «б» п. 4 Правил выплаты ежемесячной денежной компенсации, установленной чч. 9, 10 и 13 ст. 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», военнослужащим, гражданам, призванным на военные сборы, и членам их семей, пенсионное обеспечение которых осуществляется Пенсионным фондом Российской Федерации, утверждённых постановлением Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2012 г. № 142 (далее – Правила выплаты ежемесячной денежной компенсации), члены семьи военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, погибших (умерших) при исполнении обязанностей военной службы, для назначения ежемесячной денежной компенсации подают в уполномоченный орган по месту жительства заявление с указанием места жительства либо реквизитов счёта, открытого в организации (филиале, структурном подразделении) Сберегательного банка Российской Федерации, а также копию документа, удостоверяющего личность, копию документа, подтверждающего гибель (смерть) военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, при исполнении ими обязанностей военной службы, либо копию заключения военно-врачебной комиссии, подтверждающего, что смерть военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, наступила вследствие военной травмы; документы, подтверждающие право членов семьи на ежемесячную денежную компенсацию (для родителей, в частности, копия свидетельств о рождении детей), справку, подтверждающую факт получения членом семьи пенсии в территориальном органе Пенсионного фонда Российской Федерации.

Разрешая спор, суд, руководствуясь положениями ст. 3 Федерального закона № 306-ФЗ и Правилами выплаты ежемесячной денежной компенсации, пришёл к выводу о том, что факт гибели Б.П. при исполнении обязанностей военной службы подтверждается собранными по делу доказательствами (архивной справкой, извещением о гибели Б.П., телеграммой Б.Л. (отцу) о гибели сына при исполнении обязанностей военной службы, актом судебно-медицинского исследования), в связи с чем признал за Б.А., достигшей возраста 50 лет,

являющейся инвалидом, право на получение ежемесячной денежной компенсации как члена семьи военнослужащего, погибшего при исполнении обязанностей военной службы, обязав ответчика назначить ей данную ежемесячную выплату с 1 января 2012 г. с индексацией суммы в установленном законом порядке.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции, указав, что доводы ответчика о нераспространении на Б.А. положений Федерального закона № 306-ФЗ в связи с гибелью её сына до принятия данного закона основаны на неправильном толковании норм материального права, поскольку дата вступления в силу Федерального закона № 306-ФЗ – 1 января 2012 г. – определяет, с какого момента у матери военнослужащего, погибшего при исполнении обязанностей военной службы, возникает право на получение ежемесячной денежной компенсации, а не связывает возникновение такого права с датой наступления гибели (смерти) военнослужащего.

Удовлетворяя иск Б.А. о признании за ней права на назначение ежемесячной денежной компенсации как члена семьи военнослужащего, погибшего при исполнении обязанностей военной службы до 1 января 2012 г., суд правильно истолковал подлежащие применению нормы материального права, а именно положения ч. 9 ст. 3 во взаимосвязи с ч. 1 ст. 7 Федерального закона № 306-ФЗ, что соответствует конституционным принципам равенства граждан перед законом, гарантированного ст. 19 Конституции Российской Федерации, равному положению лиц, принадлежащих к одной и той же категории (члены семьи военнослужащего, погибшего (умершего) при исполнении обязанностей военной службы) и оказавшихся в сходных ситуациях.

По смыслу подлежащих применению к спорным отношениям норм материального права, члены семей военнослужащих, погибших (умерших) при исполнении обязанностей военной службы до введения в действие Федерального закона № 306-ФЗ, то есть до 1 января 2012 г., так же как и члены семей военнослужащих, погибших (умерших) при исполнении обязанностей военной службы после 1 января 2012 г., имеют право на получение ежемесячной денежной компенсации, предусмотренной ч. 9 ст. 3 данного закона. Иное толкование указанных нормативных положений привело бы к необоснованным различиям в объёме социальных прав граждан, относящихся к одной и той же категории (члены семьи военнослужащего, погибшего (умершего) при исполнении обязанностей военной службы), в зависимости от даты гибели (смерти) военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы.

Определение № 75-КГ14-4

9. При определении размера ежемесячной страховой выплаты, назначаемой в связи с профессиональным заболеванием, по выбору застрахованного расчёт производится из заработной платы, которую он получал до наступления страхового случая или должен был получить после соответствующего изменения оплаты труда.

К. по заключению медико-социальной экспертизы от 7 апреля 2008 г. с 3 марта 2008 г. определена степень утраты профессиональной трудоспособности в размере 40 % в связи с полученным 12 апреля 2006 г. профессиональным заболеванием (акт о случае профессионального заболевания от 11 мая 2006 г.).

Приказом органа социального страхования от 4 мая 2008 г. К. назначены ежемесячные страховые платежи в сумме 8 079,2 рубля с 1 мая 2008 г., расчёт выплат произведён на основе заработной платы за период с апреля 2006 года по февраль 2008 года с заменой не полностью отработанных месяцев.

К. обратился в суд с иском к органу социального страхования о взыскании недоплаченных страховых выплат и об индексации, ссылаясь на то, что ежемесячные платежи исчислены неверно, поскольку ответчик не проверил и не выяснил наличие в его зарплате устойчивого изменения, улучшающего его имущественное положение. С 1 декабря 2007 г. произошло увеличение заработной платы, в связи с чем ответчик при расчёте страховой выплаты обязан был принять во внимание только период с 1 декабря 2007 г. по февраль 2008 года. В результате неправильного исчисления размера среднемесячного заработка размер получаемой истцом страховой выплаты занижен.

С учётом уточнённых требований К. просил расчёт страховой выплаты произвести из заработной платы за декабрь 2007 года, февраль 2008 года, исключив не полностью отработанный месяц – январь 2008 года, взыскать недоплату по ежемесячным страховым выплатам за период с 3 марта 2008 г. по 1 августа 2013 г., сумму индексации данных выплат с апреля 2008 года по май 2013 года, обязать ответчика с 1 августа 2013 г. выплачивать ежемесячные страховые выплаты в размере 13 549,56 рубля с последующей индексацией в соответствии с действующим законодательством.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что в зарплате истца до наступления страхового случая произошли устойчивые изменения, улучшающие его имущественное положение, что привело к увеличению с 1 декабря 2007 г. размера получаемой им заработной платы на основании совместного постановления работодателя и первичной профсоюзной организации от 30 ноября 2007 г., согласно которому с 1 декабря 2007 г. произведено увеличение заработной платы на 3,59 % и применён повышающий

коэффициент 1,125 к часовым тарифным ставкам и должностным окладам.

Учитывая данное постановление, суд первой инстанции пришёл к выводу о том, что право истца на назначение ежемесячной страховой выплаты в соответствии с п. 6 ст. 12 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» нарушено и это привело к уменьшению размера назначенной ответчиком страховой суммы.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении требований, суд апелляционной инстанции указал на то, что сам по себе факт принятия названного выше совместного постановления не свидетельствует об увеличении заработной платы у конкретного работника, суду не представлены сведения об увеличении тарифной ставки по профессии истца в течение 2007 года, изменения в оплату труда были внесены только с 1 января 2008 г.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала приведённые выводы суда апелляционной инстанции ошибочными, основанными на неправильном толковании положений действующего законодательства по следующим основаниям.

В соответствии с п. 3 ст. 12 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» среднемесячный заработок застрахованного, на основании которого устанавливается размер ежемесячной страховой выплаты, исчисляется исходя из его заработка за 12 месяцев повлёкшей повреждение здоровья работы, предшествовавших месяцу, в котором с ним произошёл несчастный случай на производстве, установлен диагноз профессионального заболевания или (по выбору застрахованного) установлена утрата (снижение) его профессиональной трудоспособности.

Пункт 6 ст. 12 указанного федерального закона предусматривает, что если в заработке застрахованного до наступления страхового случая произошли устойчивые изменения, улучшающие его имущественное положение (повышена заработная плата по занимаемой должности, он переведён на более высокооплачиваемую работу, поступил на работу после окончания учебного учреждения по очной форме обучения и в других случаях, когда доказана устойчивость изменения или возможности изменения оплаты труда застрахованного), при подсчёте его среднего месячного заработка учитывается только заработок, который он получил или должен был получить после соответствующего изменения.

Следовательно, при доказанности устойчивого изменения или возможности изменения, улучшающих имущественное положение потерпевшего (застрахованного), при подсчёте среднего заработка необходимо учитывать только заработок, который он получил или должен был получить после соответствующего изменения.

Согласно подп. 8 п. 1 ст. 16 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ застрахованный имеет право на получение от страхователя и страховщика бесплатной информации о своих правах и обязанностях по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

При этом подп. 9 п. 2 ст. 18 названного федерального закона предусмотрена обязанность страховщика по разъяснению пострадавшему его прав и обязанностей, а также порядка и условий обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Как разъяснено в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 марта 2011 г. № 2 «О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», разрешая спор о перерасчёте размера назначенных страховых выплат, судам необходимо выяснять, было ли обеспечено право истца на выбор периода для расчёта среднемесячного заработка и была ли исполнена страхователем и страховщиком их обязанность по разъяснению пострадавшему его прав и обязанностей, а также порядка и условий обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (подп. 16 п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 1 ст. 18 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ).

Между тем ответчик при получении справки о зарплате истца не проверил, имело ли место устойчивое изменение заработной платы истца в период, взятый им для расчёта среднего заработка, не разъяснил истцу все возможные варианты выбора наиболее выгодного периода для расчёта страховой выплаты, тем самым не обеспечил право К. на выбор периода и назначение ежемесячных страховых выплат в соответствии с требованиями закона.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия, признав незаконным и отменив определение, вынесенное судом апелляционной инстанции, оставила без изменения решение суда первой инстанции.

Определение № 81-КГ14-7

VI. Разрешение споров, связанных с семейными отношениями

10. Высокий уровень доходов у родителя, обязанного уплачивать алименты, сам по себе не относится к установленным ст. 83 СК РФ обстоятельствам, при которых возможно взыскание алиментов в твёрдой денежной сумме, а не в долевом отношении к заработку.

В. обратилась в суд к А. с иском о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего ребёнка, указав, что ответчик является отцом её несовершеннолетнего сына Х., однако в добровольном порядке денежные средства на его содержание не выплачивает, иной материальной помощи не оказывает, в течение трёх лет, предшествовавших предъявлению иска, от предоставления сыну материальной поддержки уклонялся. В. просила взыскать с ответчика алименты в размере $\frac{1}{4}$ части заработка (дохода) ежемесячно, начиная с 4 июля 2010 г.

Представитель А. полагал, что размер алиментов, подлежащих уплате, должен быть установлен в твёрдой денежной сумме.

Решением мирового судьи с А. в пользу В. взысканы алименты на содержание несовершеннолетнего ребёнка ежемесячно в твёрдой денежной сумме, пропорциональной 2,5 установленной законом величины прожиточного минимума в субъекте Российской Федерации для детей и подлежащей последующей индексации, до совершеннолетия ребёнка, в удовлетворении остальной части исковых требований отказано.

Апелляционным определением решение мирового судьи изменено, постановлено взыскивать с А. алименты в размере $\frac{1}{4}$ части заработка (дохода) ежемесячно и до совершеннолетия ребёнка.

Постановлением президиума областного суда апелляционное определение отменено, оставлено в силе решение мирового судьи.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление президиума, как незаконное, оставив в силе апелляционное определение, по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 80 СК РФ родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей. Порядок и форма предоставления содержания несовершеннолетним детям определяются родителями самостоятельно. Если родители не предоставляют содержание своим несовершеннолетним детям, средства на содержание несовершеннолетних детей (алименты) взыскиваются с родителей в судебном порядке.

В силу ст. 81 СК РФ при отсутствии соглашения об уплате алиментов алименты на несовершеннолетних детей взыскиваются судом с их родителей ежемесячно в размере: на одного ребенка – одной четверти, на двух детей – одной трети, на трёх и более детей – половины заработка и (или) иного дохода родителей.

Размер этих долей может быть уменьшен или увеличен судом с учётом материального или семейного положения сторон и иных заслуживающих внимания обстоятельств.

По смыслу ст. 83 СК РФ, взыскание алиментов на содержание несовершеннолетних детей в твёрдой денежной сумме является правом, а не обязанностью суда и возможно лишь в случаях, прямо предусмотренных законом.

Взыскание алиментов в твёрдой денежной сумме в соответствии с законом возможно лишь в случае, когда родитель, обязанный уплачивать алименты, имеет нерегулярный, меняющийся заработок и (или) иной доход, либо если этот родитель получает заработок и (или) иной доход полностью или частично в натуре или в иностранной валюте, либо если у него отсутствует заработок и (или) иной доход, а также в других случаях, если взыскание алиментов в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителя невозможно, затруднительно или существенно нарушает интересы одной из сторон.

В соответствии с п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 октября 1996 г. № 9 (в редакции от 6 февраля 2007 г.) «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов» при взыскании алиментов в твёрдой денежной сумме судам необходимо учитывать, что размер алиментов, взыскиваемых на несовершеннолетних детей с родителей (ст. 83 СК РФ), должен быть определён исходя из максимально возможного сохранения ребёнку прежнего уровня его обеспечения с учётом материального и семейного положения сторон и других заслуживающих внимания обстоятельств.

Изменяя решение мирового судьи, суд апелляционной инстанции согласился с выводами о том, что на А. должна быть возложена обязанность по содержанию несовершеннолетнего Х., при этом указал, что каких-либо убедительных и неоспоримых доказательств того, что сумма ежемесячных алиментных платежей значительно превышает уровень потребностей Х., а степень его материального обеспечения отцом до прекращения перечисления истцу денежных средств на содержание ребёнка была существенно ниже, не имеется, тогда как в силу положений ст. 56 ГПК РФ бремя доказывания обстоятельств, связанных с возможностью взыскания алиментов на содержание несовершеннолетнего ребёнка в твёрдой денежной сумме в случае, когда

взыскание соответствующих алиментных платежей в твёрдой денежной сумме существенно нарушает интересы плательщика алиментов, лежит на последнем. Напротив, как установил суд апелляционной инстанции, прежний уровень обеспечения Х. был «очень высоким по сравнению со среднестатистическим» и А. перечислял на счёт В. алиментные платежи в гораздо большем размере, чем сумма, эквивалентная 2,5 установленной для детей величины прожиточного минимума в субъекте Российской Федерации.

Факт значительного размера подлежащих ежемесячной выплате алиментных платежей на содержание ребёнка бесспорно не свидетельствует о том, что взыскание в данном случае алиментов в долевом отношении к заработку родителя существенно нарушает интересы плательщика алиментов, а сам по себе размер заработка ответчика не может служить основанием для определения размера алиментов в твёрдой денежной сумме.

Данных о том, что взыскание с А. в пользу В. алиментов на содержание сына с учётом материального положения ответчика настолько нарушает его права, что требует установления твёрдой суммы алиментных платежей, мировому судье в ходе рассмотрения дела представлено не было, как не имелось и доказательств того, в чём конкретно выражалось в данном случае существенное нарушение интересов имеющего место работы и регулярный заработок А., имущественное положение которого позволяет более достойно содержать ребёнка, нежели предоставление последнему алиментных платежей, эквивалентных 2,5 величины прожиточного минимума, установленной для детей в субъекте Российской Федерации. Возложение же в данном случае на В., обратившуюся с иском о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка в размере 1/4 доли заработка ответчика, обязанности по обоснованию соответствия взыскиваемой суммы потребностям несовершеннолетнего ребёнка не соответствует смыслу пп. 1, 2 ст. 81 СК РФ, а также составительным началам гражданского судопроизводства.

Иных обстоятельств, дающих основание для взыскания алиментов в твёрдой денежной сумме, о чём просил ответчик, в ходе судебного разбирательства судом апелляционной инстанции установлено не было.

Президиум областного суда, отменяя определение суда апелляционной инстанции, согласился с выводами мирового судьи, указав, что в силу прямой нормы закона суд вправе определить размер алиментов в твёрдой денежной сумме в случае, если взыскание алиментов в долевом отношении к заработку существенно нарушает интересы одной из сторон. Такое существенное нарушение интересов родителя, обязанного уплачивать алименты, имеет место, когда он получает сверхвысокие доходы и вынужден платить значительные

суммы в виде их доли, намного превышающие разумные потребности ребёнка. Поскольку судом первой инстанции установлено, что взыскание с ответчика алиментов в долевом отношении к его заработку существенно нарушает интересы ответчика и приведёт к выплате сумм, превышающих разумный предел, необходимый для удовлетворения потребностей ребёнка, президиум областного суда счёл, что решение мирового судьи, обеспечивающее баланс интересов обеих сторон алиментных отношений, основано на правильно применённых нормах материального права.

Между тем, отменяя апелляционное определение, президиум областного суда не учёл, что обстоятельство, с которыми закон связывает возможность установления алиментных платежей в твёрдой денежной сумме, при рассмотрении дела ни судом первой инстанции, ни судом апелляционной инстанции установлено не было.

Получение одним из родителей сверхвысоких доходов, в связи с чем во исполнение алиментных обязательств им будут выплачиваться суммы, намного превышающие разумные потребности ребёнка, не свидетельствует о нарушении интересов какой-либо из сторон алиментных обязательств, а потому не относится к установленному ст. 83 СК РФ перечню обстоятельств, при которых возможно определение размера алиментов в твёрдой денежной сумме.

Определение № 36-КГ14-2

VII. Разъяснения по вопросам, возникающим в судебной практике

ВОПРОС. С какого лица подлежит взысканию необоснованно полученная компенсационная выплата, предусмотренная Указом Президента Российской Федерации от 26 декабря 2006 г. № 1455 «О компенсационных выплатах лицам, осуществляющим уход за нетрудоспособными гражданами»?

ОТВЕТ. В целях усиления социальной защищённости нетрудоспособных граждан Указом Президента Российской Федерации от 26 декабря 2006 г. № 1455 «О компенсационных выплатах лицам, осуществляющим уход за нетрудоспособными гражданами» установлены ежемесячные компенсационные выплаты неработающим трудоспособным лицам, осуществляющим уход за инвалидом I группы (за исключением инвалидов с детства I группы), а также за престарелым, нуждающимся по заключению лечебного учреждения в постоянном постороннем уходе либо достигшим возраста 80 лет.

Порядок осуществления компенсационных выплат определён Правилами осуществления ежемесячных компенсационных выплат неработающим трудоспособным лицам, осуществляющим уход за инвалидом I группы (за исключением инвалидов с детства I группы), а также за престарелым, нуждающимся по заключению лечебного учреждения в постоянном постороннем уходе либо достигшим возраста 80 лет, утверждёнными постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июня 2007 г. № 343 (далее – Правила).

Согласно пп. 2 и 3 Правил указанная компенсационная выплата назначается неработающему трудоспособному лицу, осуществляющему уход за инвалидом I группы (за исключением инвалидов с детства I группы), а также за престарелым, нуждающимся по заключению лечебного учреждения в постоянном постороннем уходе либо достигшим возраста 80 лет, а её выплата производится к назначенной нетрудоспособному гражданину пенсии и осуществляется в порядке, установленном для выплаты соответствующей пенсии.

Пенсионное законодательство предусматривает, что лица, которым назначена пенсия, несут ответственность за недостоверность сведений, содержащихся в заявлениях, представляемых ими в пенсионный орган, для назначения и выплаты пенсии. В случае, если представление недостоверных сведений или несвоевременное представление сведений повлекло за собой перерасход средств на выплату пенсий, виновные лица возмещают пенсионному органу причиненный ущерб в порядке, установленном законодательством Российской Федерации (ст. 25 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», п. 4 ст. 24 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», часть десятая ст. 56 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей»).

Обязательства вследствие неосновательного обогащения регулируются гл. 60 ГК РФ.

В соответствии со ст. 1102 ГК РФ лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счёт другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретённое или сбережённое имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных ст. 1109 Кодекса.

В целях определения лица, с которого подлежит взысканию необоснованно полученное имущество, суду необходимо установить наличие самого факта неосновательного обогащения (то есть приобретения или сбережения имущества без установленных законом оснований), а также того обстоятельства, что именно это лицо, к которому предъявлен иск, является неосновательно обогатившимся лицом за счёт лица, обратившегося с требованием о взыскании неосновательного обогащения.

Таким образом, взыскание необоснованно полученной компенсационной выплаты, предусмотренной Указом Президента Российской Федерации от 26 декабря 2006 г. № 1455 «О компенсационных выплатах лицам, осуществляющим уход за нетрудоспособными гражданами», должно производиться с того лица, которое фактически получало и пользовалось указанной выплатой в отсутствие предусмотренных законных оснований.

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

1. Разрешение споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав

1. Передача исполнительным органом муниципального образования недвижимого имущества в оперативное управление учреждению сама по себе не является основанием для отказа в передаче субъекту малого или среднего предпринимательства данного имущества в собственность на основании ст. 3 Федерального закона от 22 июля 2008 г. № 159-ФЗ, если из обстоятельств дела следует, что установление права оперативного управления совершено лишь с целью воспрепятствовать субъекту малого и среднего предпринимательства реализовать установленное законом преимущественное право на приобретение арендуемого имущества.

Общество – субъект малого предпринимательства – обратилось в арбитражный суд с заявлением к администрации муниципального образования о признании незаконным отказа в передаче арендуемого истцом нежилого помещения в собственность и об обязанности администрации устранить нарушения прав истца путем разработки и направления обществу проекта договора купли-продажи спорного объекта.

Общество обосновывало свои требования тем, что оно соответствует условиям отнесения к категории субъектов малого и среднего предпринимательства, установленным ст. 4 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 209-ФЗ), и выполнило требования ст. 3 Федерального закона от 22 июля 2008 г. № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 159-ФЗ), что даёт ему преимущественное право приобрести в собственность арендуемое ранее нежилое помещение.

Судом первой инстанции установлено, что спорное имущество передано в оперативное управление муниципальному учреждению. Руководствуясь положениями п. 3 ч. 2 ст. 1 Федерального закона № 159-ФЗ, согласно которым действие данного закона не распространяется на недвижимое имущество, принадлежащее государственным и муниципальным учреждениям на праве оперативного управления, суд отказал в удовлетворении требований общества.

Суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменил, заявление общества удовлетворил, квалифицировав действия администрации как нарушающие права и законные интересы общества, препятствующие реализации имеющегося у него права на выкуп арендуемого им помещения. При получении заявления общества о реализации преимущественного права на приобретение арендуемого имущества администрация обязана была совершить предусмотренные ч. 3 ст. 9 Федерального закона № 159-ФЗ действия, а именно обеспечить заключение договора на проведение оценки рыночной стоимости арендуемого имущества, принять решение об условиях его приватизации в двухнедельный срок с даты принятия отчета оценки, направить обществу проект договора купли-продажи арендуемого имущества в десятидневный срок с даты принятия решения об условиях его приватизации.

Арбитражный суд округа отменил постановление суда апелляционной инстанции, оставив в силе решение суда первой инстанции.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда кассационной инстанции, постановление суда апелляционной инстанции оставила в силе по следующим основаниям.

Согласно пп. 1, 5 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 5 ноября 2009 г. № 134 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Информационное письмо № 134) перечень условий, при наличии которых арендатор обладает преимущественным правом на приобретение арендованного имущества, определён в Федеральном законе № 159-ФЗ исчерпывающим образом. Субъекты Российской Федерации и муниципальные образования не вправе своими нормативными правовыми актами устанавливать какие-либо иные ограничения либо дополнительные условия реализации права на приобретение недвижимости. Суд может признать наличие у арендатора права на приобретение арендуемого имущества и в том случае, если после опубликования Федерального закона № 159-ФЗ субъектом Российской Федерации или органом местного самоуправления были совершены иные действия, имеющие своей целью воспрепятствование реализации субъектами малого или среднего предпринимательства права на приобретение.

На момент обращения общества с заявлением о реализации преимущественного права на выкуп помещения им соблюдены все условия, установленные ст. 3 Федерального закона № 159-ФЗ.

Между тем муниципальное учреждение, на праве оперативного управления у которого находилось спорное помещение, было создано на основании постановления главы муниципального образования от 29 сентября 2008 г., то есть после вступления в силу Федерального закона № 159-ФЗ.

Право оперативного управления муниципального учреждения на арендуемое обществом помещение зарегистрировано, а следовательно, возникло как вещное право 29 февраля 2012 г., то есть также после вступления в законную силу названного закона. При этом закрепление имущества в оперативное управление муниципального учреждения произведено без его фактического изъятия из владения и пользования общества.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о совершении администрацией и комитетом действий, направленных на воспрепятствование обществу в реализации имеющегося у него преимущественного права на выкуп арендуемого им помещения. При этом обращение за государственной регистрацией права оперативного управления муниципального учреждения на спорное помещение явилось

следствием указанных неправомерных действий администрации и комитета, осуществление которой позволило сослаться на наличие препятствия для общества – субъекта малого предпринимательства – в реализации права на приобретение арендуемого имущества.

Поскольку до вступления в законную силу Федерального закона № 159-ФЗ арендуемое обществом помещение не принадлежало на праве оперативного управления другим муниципальным учреждениям иные ограничения для реализации обществом права на приобретение недвижимости отсутствовали, у администрации не имелось правовых оснований для отказа обществу в предоставлении испрашиваемого имущества в собственность.

В соответствии с п. 1 ст. 10 ГК РФ не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах.

С учётом установленных по делу обстоятельств, подтверждающих совершение администрацией действий, направленных на воспрепятствование реализации обществом права на приобретение нежилого помещения в собственность, выводы судов первой и кассационной инстанций о наличии основания для отказа в выкупе арендуемого помещения в связи с передачей его в оперативное управление муниципального учреждения признаны необоснованными.

Определение № 305-ЭС14-101

II. Разрешение споров, связанных с корпоративными отношениями

2. В случае установления обстоятельств, свидетельствующих о злоупотреблении лицом своим правом при оспаривании крупной сделки (п. 6 ст. 79 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»), в частности использовании корпоративных правил об одобрении исключительно в целях причинения вреда контрагенту по этой сделке, арбитражный суд на основании пп. 1 и 2 ст. 10, п. 4 ст. 1 ГК РФ отказывает в удовлетворении иска о признании такой сделки недействительной.

Акционер общества обратился в арбитражный суд с иском о признании недействительным договора поручительства, заключенного между обществом (поручитель) и фирмой (кредитор) в обеспечение исполнения обязательств компании (покупатель) перед фирмой (продавец) по оплате поставленного товара, поскольку при заключении оспариваемой сделки не был соблюден установленный Федеральным

законом от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» порядок одобрения крупных сделок.

Как установлено судами, определением арбитражного суда по другому делу в отношении основного должника – компании – по его заявлению возбуждено дело о несостоятельности по упрощенной процедуре банкротства ликвидируемого должника.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что спорный договор был совершён в рамках обычной хозяйственной деятельности общества, он не требовал одобрения, а признание этой сделки недействительной приведёт к бесосновательному нарушению прав и законных интересов фирмы, поставившей дорогостоящий товар и не получившей за него встречного предоставления.

Отменяя решение суда первой инстанции и признавая договор поручительства недействительным, суд апелляционной инстанции указал на недоказанность факта заключения обеспечительной сделки в рамках обычной хозяйственной деятельности общества, констатировал наличие у этой сделки признаков крупной сделки и отсутствие свидетельств ее одобрения.

Арбитражный суд округа согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, решение суда первой инстанции оставила в силе по следующим основаниям.

По смыслу ст. 10 ГК РФ, для защиты нарушенных прав потерпевшего от злоупотребления арбитражный суд может не принять доводы лица, злоупотребившего правом, ссылающегося на соответствие своих действий по осуществлению принадлежащего ему права формальным требованиям законодательства.

В рассматриваемом случае расположенные по одному адресу должник и поручитель имели общих акционеров (участников) – истца и другое физическое лицо, каждый из которых обладал 50 процентами общего количества голосов, приходящихся на акции, доли данных юридических лиц. Указанные организации преследовали общую хозяйственную цель по реализации продукции с использованием одного комбинированного товарного знака.

При этом истец, исходя из объема его участия в уставном капитале компании, не мог не знать о крупных поставках товаров фирмой на значительные суммы. Сами поставки истец не оспаривал, не ставил под сомнение их целесообразность, не извещал поставщика о нарушении его прав и законных интересов, соглашаясь с приемкой товаров.

Истец, будучи заинтересованным в получении товаров на условиях коммерческого кредита от фирмы, имел реальный экономический интерес и в выдаче поручительства обществом, от наличия которого зависела сама возможность фактического приобретения продукции, что, в свою очередь, определяло предпринимательскую деятельность юридических лиц, подконтрольных истцу и второму участнику этих организаций, общая суть которой сводилась к розничной продаже полученных товаров.

Ранее общество, а также лично истец уже выдавали поручительства фирме на случай неисполнения или ненадлежащего исполнения компанией обеспеченного обязательства по оплате аналогичных товаров.

В ходе рассмотрения этого дела истец не ссылаясь на возникновение корпоративного конфликта между ним и вторым акционером, являвшимся, помимо прочего, руководителем общества. Истец, общество и компания заняли по спору консолидированную позицию.

При изложенных обстоятельствах оспаривание акционером поручительства в ситуации, когда, по сути, неплатежеспособный основной должник, в значительной части контролируемый истцом, уже получил товары без внесения оплаты, направлено на освобождение подконтрольного истцу и обладающего реальными активами общества-поручителя от исполнения договорных обязательств по обеспечительной сделке, что представляет собой использование корпоративных правил об одобрении крупных сделок исключительно в целях причинения вреда фирме.

Такие интересы не подлежат судебной защите в силу п. 4 ст. 1 ГК РФ, не допускающего возможность извлечения выгоды из недобросовестного поведения.

Определение № 305-ЭС14-68

3. Суд отказывает в удовлетворении иска об исключении участника из общества с ограниченной ответственностью (ст. 10 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью») в случае, когда нормальной хозяйственной деятельности общества препятствуют равнозначные взаимные претензии как истца, так и ответчика и при этом не доказано грубое нарушение обязанностей, связанных с участием в обществе, одного из них.

Один из участников общества, состоящего из двух участников, каждый из которых владел долей в 50 процентов уставного капитала, обратился в арбитражный суд с иском к другому об исключении из

общества на основании ст. 10 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об обществах с ограниченной ответственностью), ссылаясь на то, что ответчик, являясь участником и генеральным директором общества, ни разу не проводил очередных собраний общества, действовал в ущерб интересам общества, причиняя тем самым убытки.

Ответчик по первоначальному иску обратился к истцу со встречным иском с аналогичным требованием, ссылаясь на неоднократное уклонение последнего от участия в общих собраниях общества, а также действия, направленные на затруднение деятельности общества.

Удовлетворяя первоначальный иск и отказывая в удовлетворении встречного иска, суд первой инстанции счел, что ответчик совершил действия (бездействие), противоречащие интересам общества, которые повлекли для общества неблагоприятные последствия и существенно затруднили его деятельность. В действиях истца такого установлено не было.

Отменяя решение суда первой инстанции в части удовлетворения первоначального искового требования и отказывая в его удовлетворении, суд апелляционной инстанции пришел к выводу об отсутствии достаточных оснований для исключения ответчика из состава участников общества, поскольку его действия (бездействие) не свидетельствуют о грубом нарушении обязанностей, повлекших причинение значительного ущерба обществу и затрудняющих его деятельность; сложившаяся ситуация обусловлена наличием корпоративного конфликта между участниками общества.

Отменяя постановление суда апелляционной инстанции и оставляя в силе решение суда первой инстанции, арбитражный суд округа согласился с выводами, изложенными в решении о том, что действия (бездействие) ответчика повлекли для общества такие неблагоприятные последствия, которые являются достаточными для его исключения из числа участников общества.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда кассационной инстанции, постановление суда апелляционной инстанции оставила в силе по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 10 Закона об обществах с ограниченной ответственностью участники общества, доли которых в совокупности составляют не менее чем десять процентов уставного капитала общества, вправе требовать в судебном порядке исключения из общества участника, который грубо нарушает свои обязанности либо своими действиями (бездействием) делает невозможной деятельность общества или существенно ее затрудняет.

Отличительной особенностью данного корпоративного спора является наличие равного количества долей у участников общества, что увеличивает риск возникновения ситуации невозможности принятия решения по вопросам, связанным с деятельностью общества.

Исключение участника представляет собой специальный корпоративный способ защиты прав, целью которого является устранение вызванных поведением одного из участников препятствий к осуществлению нормальной деятельности общества.

Вместе с тем при указанном соотношении долей, названный механизм защиты может применяться только в исключительных случаях при доказанности грубого нарушения участником общества своих обязанностей либо поведения участника, делающего невозможной или затрудняющей деятельность общества.

Однако в указанном деле нормальной хозяйственной деятельности общества препятствуют равнозначные взаимные претензии его участников, что свидетельствует о ярко выраженном конфликте интересов в управлении обществом. Действительной причиной обращения в суд с взаимными требованиями об исключении из общества являются утрата участниками единой цели при осуществлении хозяйственной деятельности и желание за счет интересов другого участника разрешить внутрикорпоративный конфликт, а не действия (бездействие) участников по причинению вреда обществу.

Судебная коллегия по экономическим спорам указала, что в ситуации, когда уровень недоверия между участниками общества, владеющими равными его долями, достигает критической, с их точки зрения, отметки, при этом позиция ни одного из них не является заведомо неправомерной, целесообразно рассмотреть вопрос о возможности продолжения корпоративных отношений, результатом чего может стать принятие участниками решения о ликвидации общества либо принятие одним из участников решения о выходе из него с соответствующими правовыми последствиями, предусмотренными Законом об обществах с ограниченной ответственностью и учредительными документами общества. Иски об исключении из общества другого участника в такой ситуации удовлетворению не подлежат.

Определение № 306-ЭС14-14

III. Разрешение споров, возникающих из обязательственных правоотношений

4. В случае передачи квартир, находящихся в собственности муниципального образования, гражданам по договору социального найма обязанность по внесению платы за содержание и ремонт

общего имущества в многоквартирном доме и платы за коммунальные услуги товариществу собственников жилья в силу ч. 4 ст. 155 ЖК РФ лежит на нанимателе. Требования товарищества собственников жилья к муниципальному образованию в таких ситуациях не подлежат удовлетворению.

Из положений Гражданского кодекса Российской Федерации и Жилищного кодекса Российской Федерации не следует возможность суда удовлетворить исковое требование об обязанности собственников жилых помещений заключить договор на техническое обслуживание и предоставление коммунальных услуг с управляющей организацией или товариществом собственников жилья.

Товарищество собственников жилья обратилось в арбитражный суд с иском к администрации муниципального образования о взыскании платы за жилые помещения и коммунальные услуги, об обязанности ответчика заключить договор на техническое обслуживание и предоставление коммунальных услуг, о возложении на ответчика обязанности вносить обязательные платежи ежемесячно до десятого числа.

Товарищество обосновывало свои требования тем, что на муниципальном образовании как на собственнике ряда квартир в многоквартирном жилом доме лежит обязанность по оплате задолженности по обязательным платежам.

В свою очередь муниципальное образование ссылалось на то, что эти квартиры предоставлены физическим лицам по договорам социального найма жилого помещения, следовательно, на них лежит обязанность по оплате спорных платежей.

Полностью удовлетворяя иск в части взыскания задолженности, суд первой инстанции исходил из положений ст. 210, 249 и 290 ГК РФ и ст. 39, ч. 6 ст. 155 ЖК РФ.

Согласно ч. 6 ст. 155 ЖК РФ не являющиеся членами товарищества собственников жилья либо жилищного кооператива или иного специализированного потребительского кооператива собственники помещений в многоквартирном доме, в котором созданы товарищество собственников жилья либо жилищный кооператив или иной специализированный потребительский кооператив, вносят плату за содержание и ремонт общего имущества в многоквартирном доме и плату за коммунальные услуги в соответствии с договорами, заключёнными с товариществом собственников жилья либо жилищным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом, в том числе уплачивают взносы на капитальный ремонт в соответствии со ст. 171 Кодекса.

Изменяя решение суда первой инстанции в части взыскания задолженности в полном объёме и взыскивая обязательные платежи только за период до заселения квартир нанимателями, суд апелляционной инстанции исходил из того, что ч. 4 ст. 155 ЖК РФ обязанность вносить плату за содержание общего имущества жилого дома и коммунальные платежи непосредственно управляющей организации возложена на нанимателя.

Арбитражный суд округа поддержал этот вывод суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации оставила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций без изменения по следующим основаниям.

Статьёй 155 ЖК РФ регламентируется внесение платы за жилое помещение и коммунальные услуги в зависимости от статуса лица, пользующегося помещением, выбранного способа управления и вида платы.

Согласно ч. 4 ст. 155 ЖК РФ наниматели жилых помещений по договору социального найма и договору найма жилых помещений государственного или муниципального жилищного фонда в многоквартирном доме, управление которым осуществляется управляющей организацией, вносят плату за содержание и ремонт жилого помещения, а также плату за коммунальные услуги этой управляющей организации, за исключением случая, предусмотренного ч. 7¹ названной статьи. Если размер вносимой нанимателем жилого помещения платы меньше, чем размер платы, установленный договором управления, оставшаяся часть платы вносится наймодателем этого жилого помещения в согласованном с управляющей организацией порядке.

По мнению товарищества, поскольку собственники жилых помещений в многоквартирном доме выбрали иной способ управления – товариществом собственников жилья, оснований для применения в данном случае ч. 4 ст. 155 ЖК РФ у судов апелляционной и кассационной инстанций не имелось.

Между тем неприменение этой нормы в отношении нанимателей жилых помещений по договору социального найма и договору найма жилых помещений государственного или муниципального жилищного фонда в многоквартирном доме, управление которым осуществляется товариществом собственников жилья, создаёт ничем не обусловленные различия в правах и обязанностях нанимателей и наймодателей, с одной стороны, и организаций, занимающихся управлением, с другой – в зависимости от выбранного способа управления.

Объём прав и обязанностей нанимателей и наймодателей, предусмотренный гл. 8 ЖК РФ, не поставлен в зависимость от

выбранного собственниками способа управления многоквартирным жилым домом.

Отсутствие в ч. 6 ст. 155 ЖК РФ указания на нанимателей жилых помещений по договору социального найма и по договору найма жилых помещений государственного или муниципального жилищного фонда в многоквартирном доме как на субъектов, обязанных вносить плату за содержание и ремонт жилого помещения, а также плату за коммунальные услуги товариществу собственников жилья, не исключает этой обязанности, основанной на ч. 4 ст. 155 Кодекса.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации также поддержала выводы судов нижестоящих инстанций об отказе в удовлетворении требований об обязанности ответчика заключить договор на техническое обслуживание и предоставление коммунальных услуг и о возложении на ответчика обязанности вносить обязательные платежи ежемесячно до десятого числа.

Как следует из п. 1 ст. 421 ГК РФ, граждане и юридические лица свободны в заключении договора.

Понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена Кодексом, законом или добровольно принятым обязательством.

В соответствии с п. 4 ст. 445 ГК РФ, если сторона, для которой в соответствии с Кодексом или иными законами заключение договора обязательно, уклоняется от его заключения, другая сторона вправе обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор.

Из положений ЖК РФ не следует, что на наймодателя по договору социального найма и по договору найма жилых помещений государственного или муниципального жилищного фонда в многоквартирном доме возлагается обязанность заключить с управляющей организацией (товариществом собственников жилья) договор на техническое обслуживание и предоставление коммунальных услуг.

Напротив, положениями ст. 161 ЖК РФ обязанность заключить соответствующие договоры, обеспечивающие исполнение договора управления, благоприятные и безопасные условия проживания граждан, надлежащее содержание общего имущества в многоквартирном доме, решение вопросов пользования указанным имуществом, а также предоставление коммунальных услуг гражданам, проживающим в таком доме, возлагается на управляющую организацию.

Незаключение собственниками помещений в многоквартирных жилых домах договоров с управляющей организацией не освобождает их от исполнения обязанностей, предусмотренных законодательством

либо решениями общего собрания собственников помещений (если законодательством общее собрание наделено правом устанавливать такие условия).

Определение № 306-ЭС14-63

IV. Процессуальные вопросы

Обеспечительные меры

5. В случае отсутствия доказательств причинения стороне спора убытков приостановлением исполнения судебного акта при принятии постановления по существу спора суд кассационной инстанции отменяет данную меру и возвращает другой стороне денежные средства с депозита суда, внесённые в качестве встречного обеспечения в порядке ст. 283 АПК РФ.

Партнерство обратилось с иском к обществу о взыскании арендной платы.

Решением суда первой инстанции исковые требования удовлетворены. Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Одновременно с подачей кассационной жалобы общество заявило ходатайство о приостановлении обжалуемых судебных актов, представив суду встречное обеспечение в возмещение другой стороне возможных убытков. Встречное обеспечение внесено на депозитный счёт суда.

Суд кассационной инстанции принял к производству жалобу общества, удовлетворил его ходатайство и приостановил исполнение судебных актов по данному делу до окончания кассационного производства.

Постановлением суда кассационной инстанции состоявшиеся по делу судебные акты оставлены без изменения, а кассационная жалоба общества – без удовлетворения. Приостановление исполнения решения суда первой инстанции и постановления суда апелляционной инстанции отменено и произведён возврат обществу с депозитного счёта суда денежных средств, внесённых в качестве встречного обеспечения.

Партнерство обратилось с жалобой в Верховный Суд Российской Федерации, в которой просило отменить постановление суда кассационной инстанции в части возврата с депозитного счёта суда денежных средств. Партнерство ссылалось на нарушение норм процессуального права, поскольку встречное обеспечение вносится в качестве обеспечения исполнения судебного акта, если тот будет оставлен без изменения по результатам рассмотрения дела. Эта мера

сохраняет своё действие до фактического исполнения решения согласно ч. 4 ст. 96, ст. 100 АПК РФ. Для возврата встречного обеспечения суд должен был проверить, исполнено ли решение обществом.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации оставила без изменения постановление суда кассационной инстанции, а жалобу партнерства – без удовлетворения.

Согласно ч. 2 ст. 283 АПК РФ исполнение решения, постановления арбитражного суда приостанавливается арбитражным судом кассационной инстанции при предоставлении лицом, ходатайствующим о таком приостановлении, обеспечения возмещения другой стороне по делу возможных убытков (встречного обеспечения) путём внесения на депозитный счёт арбитражного суда кассационной инстанции денежных средств в размере оспариваемой суммы либо предоставления банковской гарантии, поручительства или иного финансового обеспечения на ту же сумму.

Внесение денежных средств на депозитный счёт арбитражного суда производится ответчиком не в качестве меры по обеспечению иска, о применении которой истец не ходатайствовал, а в целях обеспечения (в данном случае истцу) возможных убытков, вызванных приостановлением исполнения судебных актов при подаче кассационной жалобы.

Следовательно, п. 4 ст. 96 и ст. 100 АПК РФ при таких обстоятельствах применению не подлежат, поскольку ответчик вносит средства на депозитный счёт суда не в порядке исполнения определения арбитражного суда об обеспечительных мерах, принятого по заявлению истца в целях будущего исполнения судебного решения по существу спора, а для реализации своего права при заявлении ходатайства о приостановлении исполнения судебного акта.

Таким образом, в силу п. 126 Регламента арбитражных судов, утверждённого постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 5 июня 1996 г. № 7, при принятии постановления судом кассационной инстанции об оставлении без изменения обжалуемых судебных актов суд отменяет приостановление исполнения судебных актов и производит возврат заявителю денежных средств, зачисленных на депозитный счёт суда.

Определение № 307-ЭС14-759

V. Практика рассмотрения дел, возникающих из административных и иных публичных отношений

6. Акт органа власти, содержащий правила поведения, которые рассчитаны на неоднократное применение и влекут юридические

последствия для неопределённого круга лиц, носит нормативный правовой характер независимо от формы его издания, прохождения процедур государственной регистрации и официального опубликования. Указанные требования к процедуре принятия нормативного правового акта необходимы для признания его имеющим юридическую силу. Нарушение хотя бы одного из них является достаточным основанием для признания нормативного правового акта недействующим.

Общество обратилось в суд с заявлением о признании Методических рекомендаций по проведению Федеральной антимонопольной службой и её территориальными органами плановых и внеплановых выездных проверок по контролю за соблюдением требований антимонопольного законодательства, направленных письмом Федеральной антимонопольной службы от 26 декабря 2011 г. № ИА/48530 (далее – Рекомендации), недействующими, как не соответствующих ряду норм федерального законодательства.

Суд первой инстанции пришёл к выводу, что Рекомендации являются нормативным правовым актом, поскольку содержат правила поведения, не предусмотренные федеральным законодательством, рассчитанные на неоднократное применение и влекущие юридические последствия для неопределённого круга лиц. Суд также установил, что оспариваемое письмо не направлялось для регистрации в Минюст России и официально не опубликовано. Поскольку издание нормативного правового акта федерального органа исполнительной власти в виде письма, отсутствие его регистрации и официального опубликования противоречат Указу Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти» (далее – Порядок опубликования) и Правилам подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утверждённым постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009, суд признал Рекомендации недействующими с момента их принятия.

Федеральная антимонопольная служба (далее – ФАС России) обратилась с заявлением о пересмотре решения суда первой инстанции, указывая на ненормативный характер оспариваемого акта, а следовательно, на отсутствие необходимости в его регистрации и опубликовании, на неприменение судами Рекомендаций в качестве нормативного акта, а также на то, что права и законные интересы общества Рекомендациями не нарушены, поскольку оспариваемые им

положения воспроизводят нормы Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» и Административного регламента Федеральной антимонопольной службы по исполнению государственной функции по проведению проверок соблюдения требований антимонопольного законодательства Российской Федерации, утверждённого приказом ФАС России от 25 мая 2012 г. № 340, и им не противоречат.

В отзыве общество поддержало вывод ФАС России о незаконности принятого решения, но по иным основаниям. По мнению общества, суд уклонился от рассмотрения существа его доводов и неправомерно ограничился констатацией нарушения порядка регистрации и опубликования нормативного правового акта.

Оставляя решение суда первой инстанции без изменения, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации согласилась с выводами суда первой инстанции о нормативном характере оспариваемого акта, кроме того, указала следующее.

Как следует из ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации и п. 10 Порядка опубликования, нормативные акты, не прошедшие государственную регистрацию и (или) не опубликованные в установленном порядке, не влекут правовых последствий, как не вступившие в силу. Такими актами не могут регулироваться соответствующие правоотношения независимо от их содержания.

Суд вправе принять решение об удовлетворении заявления без исследования других обстоятельств по делу, в том числе содержания оспариваемого акта, если установит, что при издании оспариваемого нормативного правового акта были нарушены требования законодательства хотя бы по одному из оснований, влекущих признание акта недействующим (п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2007 г. № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части»). Нарушение правил введения нормативных правовых актов в действие, в том числе правил их опубликования, отнесено к таким основаниям.

Определение № 400-ЭС14-2879

VI. Разъяснения по вопросам, возникающим в судебной практике

ВОПРОС 1. К компетенции судов общей юрисдикции или арбитражных судов относится рассмотрение дел по спорам о результатах определения кадастровой стоимости, заявителями по

которым выступают юридические лица либо индивидуальные предприниматели?

ОТВЕТ. В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 4 июня 2014 г. № 143-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с изменением подведомственности некоторых категорий дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции и арбитражными судами» (далее – Федеральный закон № 143-ФЗ) в части первую и пятую ст. 24¹⁹ Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон об оценочной деятельности) внесены изменения, направленные на исключение дел по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости из компетенции арбитражных судов.

В пояснительной записке, прилагаемой к Федеральному закону № 143-ФЗ в стадии проекта, это было прямо указано в качестве цели, которую преследовал законодатель при внесении изменений в данную норму Федерального закона об оценочной деятельности.

Федеральный закон № 143-ФЗ установил также родовую подсудность указанных споров, дополнив ч. 1 ст. 26 ГПК РФ п. 8 о рассмотрении дел об оспаривании результатов определения кадастровой оценки верховным судом республики, краевым, областным судом, судом города федерального значения, судом автономной области и судом автономного округа по первой инстанции.

На основании Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 225-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», вступившего в силу с 22 июля 2014 г., которым была изменена редакция главы III¹ «Государственная кадастровая оценка» Федерального закона об оценочной деятельности, вопросы о порядке рассмотрения споров о результатах определения кадастровой оценки стали предметом регулирования ст. 24¹⁸. Однако в данной норме терминология ст. 24¹⁹ Федерального закона об оценочной деятельности в редакции Федерального закона № 143-ФЗ, определяющая суд как юрисдикционный орган по рассмотрению указанных выше споров, была сохранена.

Часть первая ст. 13 Федерального закона об оценочной деятельности допускает возможность рассмотрения споров о достоверности величины или иной стоимости объекта оценки судом, арбитражным судом в соответствии с установленной подведомственностью, а также третейским судом по соглашению сторон спора или договора.

Следуя логике приведённой нормы с точки зрения последовательности применения названных терминов в различных статьях указанного закона (ст. 9, 14, 19, 23, 24, 24⁴ - 24⁶, 24⁸, 24¹⁰, 24¹⁸,

24²⁰), можно сделать вывод о том, что, употребляя термин «суд», законодатель подразумевает именно суд общей юрисдикции в качестве надлежащего судебного органа по рассмотрению данных споров.

Таким образом, в силу действующей редакции ст. 24¹⁸ Федерального закона об оценочной деятельности в её совокупном толковании с положением части первой ст. 13 этого же закона, а также п. 8 ч. 1 ст. 26 ГПК РФ судебным органом, уполномоченным на рассмотрение и разрешение споров о результатах определения кадастровой стоимости независимо от субъектного состава заявителей, является суд общей юрисдикции, в качестве которого выступает верховный суд республики, краевой и областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области и автономного округа.

ВОПРОС 2. С какой даты дела по спорам о результатах определения кадастровой стоимости исключены из сферы ведения арбитражных судов?

ОТВЕТ. Изменения, направленные на исключение дел по спорам о результатах определения кадастровой стоимости объектов оценки из компетенции арбитражных судов, впервые были внесены в части первую и пятую ст. 24¹⁹ Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон об оценочной деятельности) ст. 3 Федерального закона от 4 июня 2014 г. № 143-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с изменением подведомственности некоторых категорий дел» (далее – Федеральный закон № 143-ФЗ) посредством замены слов «арбитражными судами» словом «судами».

Федеральный закон № 143-ФЗ установил также родовую подсудность указанных споров, дополнив ч. 1 ст. 26 ГПК РФ п. 8 о рассмотрении дел об оспаривании результатов определения кадастровой оценки верховным судом республики, краевым, областным судом, судом города федерального значения, судом автономной области и судом автономного округа по первой инстанции.

Согласно ст. 16 Федерального закона № 143-ФЗ дата вступления в силу данного федерального закона была установлена по истечении ста восьмидесяти дней после дня вступления в силу Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» и соответствовала дате – 6 августа 2014 г.

21 июля 2014 г. был принят Федеральный закон № 225-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оценочной деятельности

в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 225-ФЗ), в соответствии с которым редакция главы III¹ «Государственная кадастровая оценка» Федерального закона об оценочной деятельности была изменена, а вопросы о порядке рассмотрения споров о результатах определения кадастровой оценки стали предметом регулирования ст. 24¹⁸ этого закона.

Однако в данной норме законодатель сохранил терминологию ст. 24¹⁹ Федерального закона об оценочной деятельности в редакции Федерального закона № 143-ФЗ посредством указания на суд как на юрисдикционный орган по рассмотрению названных выше споров.

Согласно ст. 3 Федерального закона № 225-ФЗ данный закон вступил в силу со дня его официального опубликования, которое состоялось 22 июля 2014 г.

Вместе с тем, поскольку норма, содержащаяся в п. 8 ч. 1 ст. 26 ГПК РФ и устанавливающая подсудность дел по спорам об определении результатов кадастровой стоимости объектов оценки, была введена в действие с 6 августа 2014 г. (с даты вступления в силу Федерального закона № 143-ФЗ), именно с этой даты дела указанной категории исключены из сферы ведения арбитражных судов.

ВОПРОС 3. Каким образом следует поступать с делами по спорам о результатах определения кадастровой стоимости, производство по которым не завершено арбитражными судами до 6 августа 2014 г. – даты вступления в силу Федерального закона от 4 июня 2014 г. № 143-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с изменением подведомственности некоторых категорий дел»?

Каким образом следует поступать с заявлениями об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости, которые были оставлены без движения определениями арбитражных судов в период до 6 августа 2014 г., а обстоятельства, послужившие основанием для оставления их без движения, были устранены заявителями уже после указанной даты?

ОТВЕТ. Согласно ч. 4 ст. 3 АПК РФ судопроизводство в арбитражных судах осуществляется в соответствии с федеральными законами, действующими во время разрешения спора и рассмотрения дела, совершения отдельного процессуального действия или исполнения судебного акта.

Следовательно, в случае, если дела по спорам о результатах определения кадастровой стоимости объектов оценки были возбуждены на основании заявлений, поданных в арбитражные суды до 6 августа 2014 г. – даты вступления в силу Федерального закона от 4 июня 2014 г.

№ 143-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с изменением подведомственности некоторых категорий дел», и производства по ним на эту дату завершены не были, такие дела подлежат рассмотрению арбитражными судами по правилам Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Прекращение производства по этим делам на основании п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ повлечёт нарушение гарантированных ст. 46 и 47 Конституции Российской Федерации прав заявителей на судебную защиту и на рассмотрение дела тем судом, к подсудности которого оно отнесено законом.

Заявления об оспаривании результатов кадастровой стоимости объектов оценки, которые были поданы в арбитражные суды до 6 августа 2014 г. и по которым в соответствии с ч. 1 ст. 128 АПК РФ до указанной даты арбитражными судами были вынесены определения об оставлении их без движения в связи с нарушением требований, установленных ст. 125 и 126 АПК РФ, а обстоятельства, послужившие основанием для оставления без движения, устранены заявителями уже после 6 августа 2014 г., должны приниматься арбитражными судами к своему производству и рассматриваться по правилам Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Изложенный вывод основан на положении, содержащемся в ч. 3 ст. 128 АПК РФ, согласно которому, если обстоятельства, послужившие основанием для оставления заявления без движения, устранены в срок, установленный в определении арбитражного суда, заявление считается поданным в день его первоначального поступления.

ВОПРОС 4. В каких случаях гражданин, не имеющий статуса индивидуального предпринимателя, может быть стороной в деле, рассматриваемом арбитражным судом, если спор носит экономический характер?

ОТВЕТ. Согласно положениям ст. 27 АПК РФ арбитражному суду подведомственны дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности. Арбитражные суды разрешают экономические споры и рассматривают иные дела с участием юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а в случаях, предусмотренных АПК РФ и иными федеральными законами, с участием Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц, образований, не имеющих статуса юридического лица, и граждан, не

имеющих статуса индивидуального предпринимателя. Иные дела могут быть отнесены к подведомственности арбитражных судов федеральным законом.

На основании ст. 28 АПК РФ арбитражные суды рассматривают в порядке искового производства возникающие из гражданских правоотношений экономические споры и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, а в случаях, предусмотренных АПК РФ и иными федеральными законами, другими организациями и гражданами.

Экономические споры и иные дела, отнесённые законом к ведению арбитражных судов, суды общей юрисдикции не рассматривают (ч. 3 ст. 22 ГПК РФ).

В силу абзаца первого п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 августа 1992 г. № 12/12 «О некоторых вопросах подведомственности дел судам и арбитражным судам» гражданские дела подлежат рассмотрению в суде, если хотя бы одной из сторон является гражданин, не имеющий статуса предпринимателя, либо в случае, когда гражданин имеет такой статус, но дело возникло не в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности.

Как разъяснено в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», гражданин, занимающийся предпринимательской деятельностью, но не прошедший государственную регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя, не приобретает в связи с занятием этой деятельностью статуса предпринимателя, споры с участием таких лиц, в том числе связанные с осуществлением ими предпринимательской деятельности, подведомственны суду общей юрисдикции.

С момента прекращения действия государственной регистрации гражданина в качестве индивидуального предпринимателя, в частности в связи с истечением срока действия свидетельства о государственной регистрации, аннулированием государственной регистрации и т.п., дела с участием указанных граждан, в том числе и связанные с осуществлявшейся ими ранее предпринимательской деятельностью, подведомственны судам общей юрисдикции, за исключением случаев, когда такие дела были приняты к производству арбитражным судом с соблюдением правил о подведомственности до наступления указанных выше обстоятельств.

Из смысла норм процессуального законодательства с учётом разъяснений высших судебных инстанций следует, что гражданин может быть лицом, участвующим в арбитражном процессе в качестве стороны, исключительно в случаях, если на момент обращения в арбитражный суд он имеет государственную регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя либо если участие гражданина без статуса индивидуального предпринимателя в арбитражном процессе предусмотрено федеральным законом (например, ст. 33 и 225¹ АПК РФ).

Иной подход к решению данного вопроса противоречил бы общему принципу разграничения юрисдикционных полномочий судов общей юрисдикции и арбитражных судов, согласно которому в основе данного разграничения должны быть заложены критерии характера спора и его субъектного состава, применяемые в совокупности.

ВОПРОС 5. В каком порядке подлежат заверению копии судебных актов, принятых арбитражными судами первой и апелляционной инстанций, а также арбитражными судами кассационной инстанции, образованными в соответствии с Федеральным конституционным законом от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации», с целью их дальнейшего обжалования в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации по правилам, предусмотренным ст. 291¹ – 291¹⁵ АПК РФ?

ОТВЕТ. Согласно п. 1 ч. 5 ст. 291³ АПК РФ при обращении в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации к кассационной жалобе, представлению прилагаются копии обжалуемого судебного акта и других судебных актов, принятых по делу, которые должны быть заверены соответствующим судом.

Статья 177, ч. 7 ст. 271, а также ч. 4 ст. 289 АПК РФ, регулирующие порядок направления лицам, участвующим в деле, копий судебных актов арбитражных судов первой и апелляционной инстанций, а также арбитражного суда кассационной инстанции, образованного в соответствии с Федеральным конституционным законом от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации», не содержат указаний о том, каким образом такие копии должны быть заверены.

Вместе с тем порядок заверения копий судебных актов арбитражных судов установлен в пп. 10¹ - 10³ Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций), которая утверждена постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской

Федерации от 25 декабря 2013 г. № 100 (далее – Инструкция по делопроизводству).

Согласно названным пунктам Инструкции по делопроизводству по общему правилу копии судебных актов арбитражных судов при направлении лицам, участвующим в деле, заверяются специалистом по делопроизводству соответствующего судебного состава путём проставления штампа суда «Копия верна» и печати суда. Гербовая печать арбитражного суда или её дубликаты для названных целей применяются в случаях, указанных в Инструкции по делопроизводству, в том числе если лицами, участвующими в деле, заявлена просьба об использовании такого способа заверения.

С учётом положений ч. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона от 4 июня 2014 г. № 8-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и ст. 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации сохраняют свою силу до принятия соответствующих решений Пленумом Верховного Суда Российской Федерации.

Следовательно, установленный Инструкцией по делопроизводству порядок заверения копий судебных актов арбитражных судов первой и апелляционной инстанций, а также суда кассационной инстанции, образованного в соответствии с Федеральным конституционным законом от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации», сохраняет свою силу и подлежит применению вплоть до принятия Пленумом Верховного Суда Российской Федерации соответствующего постановления, изменяющего данный порядок.

Поэтому при обращении в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в соответствии со ст. 291¹ – 291¹⁵ АПК РФ к кассационной жалобе, представлению по общему правилу прилагаются копии судебных актов арбитражных судов, заверенные согласно порядку, предусмотренному Инструкцией по делопроизводству, – специалистом по делопроизводству соответствующего судебного состава путём проставления штампа суда «Копия верна» и печати суда.

Данный порядок заверения копий судебных актов арбитражных судов следует считать соответствующим требованиям п. 1 ч. 5 ст. 291³ АПК РФ. Гербовая печать арбитражного суда или её дубликаты могут применяться в случае, если от лица, обращающегося с заявлением о выдаче копии судебного акта арбитражного суда, поступит такая просьба.

ВОПРОС 6. В каком порядке подлежат выдаче лицам, участвующим в деле, копии судебных актов арбитражных судов с целью их дальнейшего обжалования в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации по правилам, предусмотренным ст. 291¹ - 291¹⁵ АПК РФ?

ОТВЕТ. В соответствии со ст. 177, ч. 7 ст. 271, ч. 4 ст. 289 АПК РФ копии судебных актов направляются лицам, участвующим в деле, в пятидневный срок со дня их принятия заказным письмом с уведомлением о вручении или вручаются им под расписку.

Повторная выдача копий судебных актов согласно п. 10¹² Инструкции по делопроизводству по общему правилу производится тем судом, в котором в момент обращения находится судебное дело. Копия соответствующего судебного акта изготавливается этим судом путём ксерокопирования подписанного судьёй судебного акта и его заверения в соответствии с Инструкцией по делопроизводству – специалистом по делопроизводству соответствующего судебного состава путём проставления штампа суда «Копия верна» и печати суда.

По заявлению лиц, участвующих в деле, повторная выдача копий судебных актов может осуществляться также и иным судом, рассматривавшим дело, в котором на момент поступления заявления материалы дела отсутствуют. В таком случае выдача копий судебных актов производится путём распечатывания текста судебного акта из системы автоматизации судопроизводства (САС) или из информационной системы «Картотека арбитражных дел» (КАД) и удостоверения указанным выше способом.

Лица, не участвовавшие в деле, о правах и об обязанностях которых принят судебный акт (ст. 42 АПК РФ), обращаются за выдачей копий судебных актов арбитражных судов в том же порядке.

ВОПРОС 7. На какой момент определяется стоимость земельного участка при рассмотрении иска о его выкупе для государственных или муниципальных нужд?

ОТВЕТ. В силу п. 1 ст. 279 ГК РФ земельный участок может быть изъят у собственника для государственных или муниципальных нужд путём выкупа. Земельным кодексом Российской Федерации (далее – ЗК РФ) предусмотрены случаи выкупа земельных участков для государственных или муниципальных нужд (ст. 49).

Для целей первоначального предложения о выкупе земельного участка при принятии решения органом публично-правового образования об изъятии этого участка для государственных или муниципальных нужд размер возмещения убытков собственника (пользователя)

определяется с учётом стоимости его имущества на день, предшествующий принятию решения об изъятии земельного участка (п. 4 ст. 57 ЗК РФ).

В соответствии со ст. 282 ГК РФ, если собственник не согласен с решением об изъятии у него земельного участка для государственных или муниципальных нужд либо с ним не достигнуто соглашение о выкупной цене или других условиях выкупа, орган публично-правового образования, принявший такое решение, может предъявить иск о выкупе земельного участка в суд.

В этом случае согласно ст. 55 ЗК РФ выкупная цена земельного участка определяется в порядке, установленном гражданским законодательством. При этом в силу с п. 1 ст. 62 ЗК РФ убытки, причинённые нарушением прав собственника (пользователя) земельного участка, подлежат возмещению в полном объёме в порядке, предусмотренном гражданским законодательством.

Пунктом 2 ст. 281 ГК РФ предусмотрено, что при определении выкупной цены в неё включаются рыночная стоимость земельного участка и находящегося на нём недвижимого имущества, а также все убытки, причинённые собственнику изъятием земельного участка, включая убытки, которые он несёт в связи с досрочным прекращением своих обязательств перед третьими лицами, в том числе упущенную выгоду.

Поэтому в тех случаях, когда собственник не согласен со стоимостью объекта, установленной в решении уполномоченного органа об изъятии земельного участка, или когда выкупная цена в нём не указана и сторонами после принятия решения об изъятии не достигнуто соглашение о выкупной цене, суд определяет стоимость объекта, исходя из его рыночной стоимости на момент рассмотрения спора.

ВОПРОС 8. Каким видом разрешённого использования (или категории земель) следует руководствоваться при определении стоимости земельного участка, изымаемого для государственных или муниципальных нужд: тем видом, на основании которого участок использовался собственником (например, сельскохозяйственные земли), или тем видом, который установлен для дальнейшего пользования участком после изъятия (например, земли транспорта)?

ОТВЕТ. Согласно п. 4 ст. 279 ГК РФ решение федерального органа исполнительной власти, органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления об изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд подлежит государственной регистрации в органе, осуществляющем

регистрацию прав на земельный участок. Собственник земельного участка должен быть извещён о произведённой регистрации с указанием её даты.

С момента государственной регистрации решения соответствующего органа исполнительной власти об изъятии земельного участка в Государственный кадастр недвижимости могут вноситься сведения об изменении вида разрешённого использования (или категории земель) в целях использования участка в будущем для государственных или муниципальных нужд (ч. 3¹ ст. 20 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости»).

По смыслу п. 2 ст. 281 ГК РФ с учётом положений ст. 280 ГК РФ, собственник изымаемого земельного участка вправе претендовать на получение возмещения, необходимого для восстановления его имущественных потерь, которое рассчитывается таким образом, как будто бы изъятия не было.

В связи с этим при наличии разногласий между органом публично-правового образования и собственником (пользователем) земельного участка при определении рыночной стоимости земельного участка, подлежащего изъятию для государственных или муниципальных нужд, необходимо руководствоваться тем видом разрешённого использования, который был установлен в отношении такого участка до начала процедуры его изъятия для государственных или муниципальных нужд.

ВОПРОС 9. Можно ли признать управляющую организацию исполнителем коммунальных услуг в отсутствие заключённого с ресурсоснабжающей организацией договора о приобретении коммунального ресурса?

ОТВЕТ. Согласно п. 14 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утверждённых постановлением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 354 (далее – Правила), управляющая организация, выбранная в установленном жилищным законодательством Российской Федерации порядке для управления многоквартирным домом, приступает к предоставлению коммунальных услуг потребителям в многоквартирном доме с даты, указанной в решении общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме о выборе управляющей организации, или с даты заключения договора управления многоквартирным домом, в том числе с управляющей организацией, выбранной органом местного самоуправления по итогам проведения открытого конкурса, но не ранее даты начала поставки коммунального ресурса по договору о

приобретении коммунального ресурса, заключённому управляющей организацией с ресурсоснабжающей организацией.

Таким образом, в силу п. 14 Правил предоставление управляющей организацией коммунальных услуг потребителям не осуществляется без заключения соответствующего договора с ресурсоснабжающей организацией. Подобное регулирование, в частности, направлено на обеспечение стабильности оказания коммунальных услуг при смене по решению общего собрания собственников помещений одной управляющей организации на другую.

Вместе с тем, если управляющая организация фактически приступила к управлению общим имуществом многоквартирного дома во исполнение решения общего собрания собственников помещений и из представленных письменных доказательств следует, что собственники помещений вносят плату за коммунальные услуги управляющей организации, а ресурсоснабжающая организация выставляет последний счет за поставку соответствующего ресурса, отношения между управляющей организацией и ресурсоснабжающей организацией в соответствии с п. 1 ст. 162 ГК РФ могут быть квалифицированы как фактически сложившиеся договорные отношения по снабжению ресурсом по присоединённой сети. Поэтому в подобной ситуации управляющая организация может быть признана выполняющей функции исполнителя коммунальных услуг в соответствии с п. 14 Правил.

При наличии спора о том, какая из управляющих организаций осуществляет функции управления многоквартирным домом, вопрос о наличии договорных отношений с ресурсоснабжающей организацией и моменте их возникновения определяется судами исходя из конкретных обстоятельств дела.

ВОПРОС 10. При каких условиях рассмотрение жалоб на постановления административных органов по делам об административных правонарушениях, совершённых юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, относится к компетенции арбитражных судов?

ОТВЕТ. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает, что арбитражные суды рассматривают в порядке административного судопроизводства возникающие из административных и иных публичных правоотношений экономические споры и иные дела, связанные с осуществлением организациями и гражданами предпринимательской и иной экономической деятельности, в частности дела об административных правонарушениях, если

федеральным законом их рассмотрение отнесено к компетенции арбитражного суда (п. 3 ст. 29).

Компетенция арбитражных судов по делам об обжаловании постановлений административных органов о привлечении к административной ответственности установлена нормами параграфа 2 главы 25 АПК РФ и ч. 3 ст. 30¹ КоАП РФ.

Из положения ч. 3 ст. 30¹ КоАП РФ следует, что в арбитражный суд в соответствии с арбитражным процессуальным законодательством обжалуется любое постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное административным органом, при условии, что это правонарушение связано с осуществлением совершившим его юридическим лицом или лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, предпринимательской или иной экономической деятельности.

При установлении такой связи необходимо учитывать, что в государственном регулировании предпринимательской и иной экономической деятельности используются как правовые средства, так и средства административного регулирования – разрешение совершения определенных действий (в том числе лицензирование); обязательные предписания совершения каких-либо действий; установление квот и других ограничений; применение мер административного принуждения; применение материальных санкций; контроль и надзор и т.д.

Неисполнение или ненадлежащее исполнение установленных государством в нормативных правовых актах правил, норм и стандартов влечет за собой применение к юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, занимающимся предпринимательской и иной экономической деятельностью, административной ответственности.

Таким образом, для отнесения дел об обжаловании постановлений административных органов о привлечении юридического лица или индивидуального предпринимателя к административной ответственности к компетенции арбитражных судов законодатель в данной норме установил необходимость в каждом конкретном случае учитывать следующие критерии:

1) административное правонарушение совершено определенным в КоАП РФ субъектом (юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем), выступающим участником хозяйственного оборота;

2) административное правонарушение совершено этим лицом в процессе осуществления им предпринимательской или иной экономической деятельности, то есть административное правонарушение связано с осуществлением такой деятельности и выражается в несоблюдении законодательства, нормативных правовых актов, регулирующих отношения в том числе в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности и

устанавливающих правила, запреты, ограничения и административную ответственность в этой сфере для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Вместе с тем, если объективная сторона административного правонарушения, совершенного юридическим лицом или лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, выражается в действиях (бездействии), направленных на нарушение или невыполнение норм действующего законодательства в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения, в области охраны окружающей среды и природопользования, безопасности дорожного движения, пожарной безопасности, законодательства о труде и охране труда, жалобы на постановления административных органов о привлечении к административной ответственности, исходя из положений, закрепленных в ч. 3 ст. 30¹ КоАП РФ и п. 3 ч. 1 ст. 29 АПК РФ, в любом случае подлежат рассмотрению в судах общей юрисдикции. Указанный вывод прямо следует из содержания п. 33 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. Вопросы квалификации

1. Убийство потерпевшей в присутствии её малолетних детей обоснованно квалифицировано по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство, совершённое с особой жестокостью.

Согласно приговору в ходе совместного распития спиртных напитков у М. на почве ревности возник умысел на убийство своей сожительницы Щ. С этой целью он в присутствии её малолетних детей нанёс Щ. множественные удары ногами, руками, табуретом и деревянной палкой по голове, телу, верхним и нижним конечностям, причиняя особые страдания потерпевшей.

Смерть Щ. последовала от закрытой черепно-мозговой травмы.

Указанные действия виновного квалифицированы по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство, совершённое с особой жестокостью.

В надзорной жалобе осуждённый М. просил, помимо прочего, смягчить наказание, ссылаясь на то, что в его действиях, связанных с убийством потерпевшей, отсутствует особая жестокость.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осуждённого М., оставил приговор в части осуждения по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ без изменения, поскольку, совершая преступные действия в присутствии детей Щ., осуждённый сознавал, что проявляет особую жестокость, убивая мать на глазах её малолетних детей.

*Постановление Президиума
Верховного Суда РФ № 114П14*

2. Убийство квалифицируется как совершённое по найму независимо от того, получено ли исполнителем преступления обещанное заказчиком вознаграждение.

По приговору суда А. признан виновным в совершении убийства потерпевшей К. по найму, а М. – в организации этого преступления.

Действия А. квалифицированы по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а М. - по ч. 3 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В апелляционных жалобах адвокат в защиту интересов осуждённого А. просил об отмене приговора, поскольку вердиктом коллегии присяжных заседателей исключено утверждение о том, что неустановленное лицо выплатило А. за совершение убийства денежное вознаграждение.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор суда без изменения, мотивировав своё решение следующим.

По смыслу закона, убийство, обусловленное получением исполнителем преступления материального или иного вознаграждения, следует квалифицировать по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство по найму. При этом окончательным такое убийство будет в момент наступления смерти потерпевшего, даже если при этом обещанное заказчиком вознаграждение не было получено. Факт получения вознаграждения в любой форме находится за рамками состава преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Вердиктом коллегии присяжных заседателей установлено, что М., согласившись с предложением не установленного следствием лица организовать за денежное вознаграждение лишение жизни К., в свою очередь предложил своему знакомому А. лишить потерпевшую жизни за денежное вознаграждение. А. согласился с этим предложением.

То обстоятельство, что присяжные заседатели в вердикте не признали доказанным факт получения денег осуждёнными М. и А., не влияет на правильность квалификации совершённого ими преступления как убийство по найму.

Определение № 44-АПУ14-42СП

3. Действия осуждённого, нанёсшего потерпевшей удары ножом в жизненно важные органы, правильно квалифицированы судом как убийство.

Установлено, что П., будучи в состоянии алкогольного опьянения, с целью одолжить деньги пришёл в квартиру своего знакомого. Дверь открыла жена последнего - Б., с которой П. ранее знаком не был. Неожиданно П. имевшимся у него ножом нанёс Б. удар в живот и левую часть груди. На крики Б. в коридор вышла Л., и П., увидев на ней золотые украшения, угрожая ножом, потребовал передать их ему. Испугавшись угроз, потерпевшая Л. отдала осуждённому четыре золотых кольца. Воспользовавшись тем, что П. отвлёкся, Л. убежала из квартиры.

От полученных ножевых ранений Б. скончалась в больнице.

Действия П. квалифицированы судом по ч. 2 ст. 162 и п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В апелляционных жалобах осуждённый П. и его адвокат оспаривали выводы суда о наличии у П. умысла на лишение жизни потерпевшей Б. Просили переквалифицировать действия П. в этой части на ч. 4 ст. 111 УК РФ, мотивируя тем, что он нанёс только два удара ножом, имея возможность продолжить свои действия и довести умысел на лишение жизни Б. до конца, однако покинул место происшествия.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения, а доводы жалоб без удовлетворения, указав следующее.

Суд пришёл к обоснованному выводу, что нанесение осуждённым ударов в жизненно важные органы и выбор для этого в качестве орудия преступления предмета с колюще-режущими свойствами, которым возможно нарушить анатомическую целостность тканей человека, свидетельствуют о наличии умысла на лишение жизни.

Нанесённые удары являлись достаточными для лишения жизни, что с учётом характера причинённых им ранений являлось очевидным для осуждённого. Поэтому у него не было необходимости в продолжении нанесения ударов для осуществления умысла на убийство, который был им уже реализован фактически совершёнными действиями.

Доводы о том, что вина П. в отношении наступления смерти Б. характеризуется неосторожностью, являются несостоятельными.

По смыслу закона (ч. 2 ст. 26 УК РФ), при неосторожности расчёт виновного лица, ожидающего, что последствия не наступят, должен опираться на реальные обстоятельства, которые дают основание предполагать такой исход.

В данном случае таких обстоятельств не усматривается. При нанесении ударов ножом в жизненно важные органы у осуждённого П.

не было оснований рассчитывать на то, что смерть Б. от его действий не наступит. Осуждённый осознавал общественную опасность своих действий и предвидел возможность наступления общественно опасных последствий в результате своих действий, то есть смерть Б. причинил умышленно.

Определение № 88-АПУ14-4

4. Как единое продолжаемое преступление, предусмотренное ст. 132 УК РФ, содеянное следует квалифицировать только в тех случаях, когда в течение непродолжительного времени виновным было совершено несколько насильственных действий сексуального характера и обстоятельства содеянного свидетельствуют о едином умысле виновного на совершение указанных тождественных действий.

По приговору суда К. осуждён за каждое из трёх преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ (совершённых 1-2 октября 2011 г., 1-3 апреля и 6-7 июля 2013 г.).

В апелляционных жалобах осуждённый К. и его адвокат, полагая, что все действия сексуального характера, совершённые в отношении потерпевшей, являются единым продолжаемым преступлением, просили о квалификации содеянного по одной статье (п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ).

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила апелляционные жалобы без удовлетворения, указав следующее.

По смыслу закона, как единое продолжаемое преступление, подлежащее квалификации по ст. 132 УК РФ, содеянное следует квалифицировать только в тех случаях, когда в течение непродолжительного времени виновным было совершено несколько насильственных действий сексуального характера и обстоятельства их совершения свидетельствовали о едином умысле виновного на совершение указанных тождественных действий.

В судебном заседании установлено, что преступления были совершены трижды: в октябре 2011 года, апреле и июле 2013 года.

Из показаний осуждённого следует, что после октября 2011 года до апреля 2013 года и между апрелем и июлем 2013 года он в отношении потерпевшей С. никаких противоправных действий не совершал. Это подтверждает и сама потерпевшая.

При таких обстоятельствах полагать, что все преступные действия К. охватывались единым умыслом, нельзя, поскольку между преступными деяниями имеются значительные временные интервалы, свидетельствующие о том, что каждый раз у осуждённого умысел на совершение действий сексуального характера возникал заново. В таких

случаях исключается возможность признания содеянного продолжаемым преступлением.

Определение № 48-АПУ14-41

5. Если в ходе совершения кражи действия виновного обнаруживаются собственником имущества и виновный, сознавая это, продолжает совершать незаконное изъятие имущества и применяет при этом насилие, опасное для жизни или здоровья, содеянное следует квалифицировать как разбой.

Действия К. квалифицированы судом по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Осуждённый К. в апелляционной жалобе оспаривал квалификацию его действий по ст. 162 УК РФ. Утверждал, что он проник в дом потерпевшей М. с целью тайного хищения её денежных средств.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения, а жалобу осуждённого без удовлетворения, мотивировав своё решение следующим.

По смыслу положений ст. 162 УК РФ, если в ходе совершения кражи действия виновного обнаруживаются собственником или иным владельцем имущества либо другими лицами, однако виновный, сознавая это, продолжает совершать незаконное изъятие имущества или его удержание, в случае применения насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы применения такого насилия содеянное следует квалифицировать как разбой.

Обстоятельства дела, установленные судом, свидетельствуют, что К. с целью хищения денежных средств потерпевшей М. незаконно проник в её жилище. Когда во время поиска денег потерпевшая обнаружила К., он, желая лишить её жизни, напал на неё и при помощи электропровода и подушки задушил М. Убедившись в наступлении смерти потерпевшей, К. продолжил действия по реализации умысла на завладение денежными средствами М.

При таких данных суд обоснованно расценил действия К. как нападение в целях хищения чужого имущества с применением насилия, опасного для жизни, с незаконным проникновением в жилище, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшей, квалифицировав содеянное им в данной части по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ.

Установив, что убийство совершено К. в ходе разбойного нападения, суд правильно квалифицировал его действия также по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, то есть как убийство, сопряжённое с разбоем.

Определение № 24-АПУ14-3

6. Действия лица, оказавшего во время побега сопротивление представителям власти, сопряжённое с применением насилия, обоснованно квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 313 и 318 УК РФ.

Б., находясь под стражей по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 131 УК РФ, решил совершить побег. На служебной автомашине, предназначенной для транспортировки лиц, заключённых под стражу, Б. доставлялся из следственного изолятора в суд для участия в судебном заседании.

Когда автомашина остановилась у здания суда и сотрудник полиции К. открыл дверь камеры, Б. имеющимся у него ножом нанёс ему удар в паховую область, причинив лёгкий вред здоровью. После этого Б., пытаясь покинуть автомашину, нанёс сотруднику полиции С. удары ножом в грудь и плечо, причинив тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни. Несмотря на полученные ранения, сотрудники полиции задержали Б.

Указанные действия Б. квалифицированы судом по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 313 и ч. 2 ст. 318 УК РФ как покушение на побег из-под стражи, совершённый лицом, находящимся в предварительном заключении, с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, с применением предметов, используемых в качестве оружия, и как применение насилия, опасного для жизни и здоровья, в отношении представителей власти в связи с исполнением ими своих должностных обязанностей.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по апелляционной жалобе осуждённого Б., оставила приговор без изменения по следующим основаниям.

Доводы жалобы осуждённого Б. о том, что его действия должны квалифицироваться только по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 313 УК РФ, были предметом рассмотрения суда первой инстанции, который обоснованно признал, что одни и те же действия содержат признаки преступлений, предусмотренных двумя статьями УК РФ, что в соответствии со ст. 17 УК РФ образует совокупность преступлений.

Суд первой инстанции обоснованно сослался на то, что ст. 313 УК РФ и ст. 318 УК РФ различаются по объекту преступного посягательства: побег относится к преступлениям, направленным против правосудия, а применение насилия, опасного для жизни и здоровья, в отношении представителей власти направлено против порядка управления.

Так как покушение на побег из-под стражи было сопряжено с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, в отношении именно представителей власти, которым в результате действий Б. был

причинён вред здоровью, в том числе тяжкий по признаку опасности для жизни, применение насилия, опасного для жизни, в отношении представителей власти, повлёкшее причинение тяжкого вреда здоровью, не охватывается ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 313 УК РФ, и содеянное следует квалифицировать по совокупности ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 313 и ч. 2 ст. 318 УК РФ.

Оснований к изменению правовой оценки действий Б. в отношении представителей власти в связи с исполнением ими своих должностных обязанностей не имеется.

Определение № 73-АПУ14-8

II. Назначение наказания

7. В случае, когда санкция статьи уголовного закона предусматривает возможность применения или неприменения дополнительного наказания, суды обязаны обсуждать вопрос о его назначении и указывать в приговоре мотивы принятого решения.

По приговору суда Г. и А. осуждены в том числе по п. «а» ч. 2 ст. 163 УК РФ к 4 годам лишения свободы со штрафом в размере 150 000 рублей, с ограничением свободы на 1 год. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путём частичного сложения наказаний Г. и А. окончательно назначено соответственно 16 и 15 лет лишения свободы со штрафом в размере 150 000 рублей, с ограничением свободы на 2 года.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор и исключила назначение осуждённым по п. «а» ч. 2 ст. 163 УК РФ дополнительных наказаний в виде штрафа в размере 150 000 рублей и ограничения свободы сроком на 1 год, указав следующее.

При назначении осужденным по п. «а» ч. 2 ст. 163 УК РФ дополнительных наказаний в виде штрафа и ограничения свободы, которые не носят обязательного характера, суд не привёл мотивов своего решения.

Однако, по смыслу закона, в случаях, когда санкция статьи уголовного закона предусматривает возможность применения или неприменения дополнительного наказания, суды обязаны обсуждать вопрос о его назначении и указывать в приговоре мотивы принятого решения.

Определение № 20-АПУ14-18

8. Лицам мужского пола, ранее отбывавшим лишение свободы, при отсутствии рецидива или опасного рецидива преступлений, в

случае осуждения к лишению свободы за тяжкое преступление отбывание наказания назначается в исправительной колонии общего режима.

По приговору суда от 27 июля 2012 г. В. (ранее судимый) осуждён по ч. 2 ст. 210 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ), по ч. 3 ст. 240 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ). Наказание назначено на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ.

Для отбывания наказания В. направлен в исправительную колонию строгого режима.

В надзорной жалобе осуждённый В. указывал, что назначение ему отбывания наказания в исправительной колонии строгого режима противоречит требованиям п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил приговор в части назначенного В. вида исправительной колонии по следующим основаниям.

На момент совершения преступлений по последнему приговору (в январе-марте 2005 г.) В. был судим по приговору суда от 12 февраля 2001 г. за преступления, предусмотренные пп. «а», «б», «в», «г» ч. 2 ст. 158, ч. 3 ст. 30, пп. «а», «б», «в», «г» ч. 2 ст. 161, ч. 4 ст. 222 УК РФ, которые были совершены им в несовершеннолетнем возрасте.

По данному уголовному делу В. осуждён за преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 210 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ) и ч. 3 ст. 240 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г.), которые относятся к категории тяжких преступлений.

Наличие в действиях В. рецидива преступлений судом не установлено.

Согласно закону в случае осуждения к лишению свободы за тяжкое преступление лица мужского пола, ранее отбывавшего лишение свободы, но действия которого не содержали рецидива или опасного рецидива преступлений (например, если лишение свободы отбывалось за преступление, совершённое по неосторожности или в несовершеннолетнем возрасте), вид исправительного учреждения назначается ему в соответствии с п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ, так как обязательным условием назначения исправительной колонии строгого режима является совершение преступления при рецидиве или опасном рецидиве преступлений.

На основании изложенного Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил приговор и кассационное определение в отношении В. и назначил ему отбывание наказания в исправительной колонии общего режима.

*Постановление Президиума Верховного
Суда Российской Федерации № 27-П14*

9. В соответствии с ч. 2 ст. 63 УК РФ, если отягчающее наказание обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания.

По приговору суда З. (ранее судимый по п. «в» ч. 3 ст. 131, п. «в» ч. 3 ст. 132 УК РФ) осуждён по ч. 5 ст. 132 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев дело по апелляционным жалобам осуждённого и его адвоката, изменила приговор в части назначенного З. наказания.

Согласно приговору З. признан виновным в совершении действий сексуального характера в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и его действия с учётом квалифицирующего признака совершения преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, квалифицированы по ч. 5 ст. 132 УК РФ, санкция которой предусматривает более строгое наказание, чем за действия сексуального характера, совершённые при иных квалифицирующих признаках.

Признавая в действиях З. наличие указанного квалифицирующего признака, суд исходил из того, что ранее по приговору от 27 июля 2000 г. он был осуждён по п. «в» ч. 3 ст. 131, п. «в» ч. 3 ст. 132 УК РФ за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, при этом судимость за эти преступления не погашена.

Одновременно с этим суд, установив в судебном заседании, что З. совершил особо тяжкое преступление, имея судимость за ранее совершённое особо тяжкое преступление, признал в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, наличие рецидива преступлений и назначил ему наказание с учётом данного отягчающего обстоятельства.

Таким образом, судимость по приговору от 27 июля 2000 г. суд учёл в качестве квалифицирующего признака преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 132 УК РФ, и как отягчающее наказание обстоятельство, предусмотренное п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ, то есть одно и то же обстоятельство суд дважды учёл при назначении наказания З.

Между тем в соответствии с ч. 2 ст. 63 УК РФ в случае, если отягчающее наказание обстоятельство предусмотрено соответствующей

статьёй Особенной части УК РФ в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания.

Это требование уголовного закона нарушено судом, что повлекло ухудшение положения осуждённого.

С учётом изложенного Судебная коллегия исключила из приговора указание суда о признании рецидива преступлений отягчающим наказанием обстоятельством, смягчила наказание, назначенное 3. по ч. 5 ст. 132 УК РФ, и назначила наказание по совокупности преступлений по правилам ч. 5 ст. 69 УК РФ.

Определение № 44-АПУ14-36

10. Суд ошибочно повторно применил положения ст. 70 УК РФ, чем ухудшил положение осуждённого.

По приговору суда от 6 марта 2013 г. А., ранее судимый 27 февраля 2012 г. по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, осуждён по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ) к 12 годам лишения свободы с ограничением свободы на 1 год. В соответствии со ст. 70 УК РФ частично присоединена неотбытая часть наказания по приговору от 27 февраля 2012 г. и окончательно назначено 12 лет 4 месяца лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы сроком на 1 год.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 мая 2013 г. оставила приговор без изменения.

В надзорном представлении заместитель Генерального прокурора Российской Федерации поставил вопрос об исключении из приговора указания о назначении А. наказания на основании ст. 70 УК РФ. В обоснование этого указывалось, что, принимая решение о назначении окончательного наказания, суд не располагал информацией об осуждении А. по приговору от 4 октября 2012 г.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорному представлению, изменил приговор суда и апелляционное определение, исключил назначение А. наказания на основании ст. 70 УК РФ.

Постановляя приговор в отношении А. 6 марта 2013 г., суд к вновь назначенному наказанию частично присоединил наказание, не отбытое по приговору от 27 февраля 2012 г., и назначил окончательное наказание по правилам ст. 70 УК РФ.

Между тем из материалов дела усматривается, что 4 октября 2012 г., то есть до постановления последнего приговора, А. был осуждён по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ к 1 году 11 месяцам лишения свободы и к данному наказанию суд присоединил частично неотбытое наказание по

приговору от 27 февраля 2012 г., назначив наказание по совокупности приговоров.

Таким образом, суд повторно применил положения ст. 70 УК РФ, чем было ухудшено положение лица, совершившего преступление.

При этом Президиум указал, что вопрос исполнения приговоров от 4 октября 2012 г. и от 6 марта 2013 г. может быть разрешен в порядке, предусмотренном главой 47 УПК РФ.

*Постановление Президиума Верховного
Суда Российской Федерации № 71П14ПР*

III. Процессуальные вопросы

11. Проект вопросного листа, формулируемый судьёй в письменном виде, не относится к числу судебных документов, подлежащих обязательному вручению подсудимому и переводу на его родной язык.

По приговору суда на основе обвинительного вердикта коллегии присяжных заседателей А. признан виновным и осуждён за совершение убийства по найму, а М. - за организацию этого преступления.

В апелляционных жалобах адвокат в защиту интересов осуждённого А. просил об отмене приговора в связи с нарушением права осуждённого на защиту, выразившимся в том, что А., как не владеющему русским языком, не был предоставлен вопросный лист на его родном языке.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, проверив материалы дела, обсудив доводы апелляционных жалоб, оставила приговор без изменения по следующим основаниям.

Председательствующим вопросный лист сформулирован в соответствии с положениями ст. 338, 339 УПК РФ, с учётом результатов судебного следствия, поддержанного государственным обвинителем обвинения и прений сторон.

Вопросы, подлежащие разрешению присяжными заседателями, судья зачитывает и передаёт сторонам. Стороны вправе высказать свои замечания по содержанию и формулировке вопросов и внести предложения о постановке новых вопросов. С учётом замечаний и предложений сторон судья в совещательной комнате окончательно формулирует вопросы, подлежащие разрешению присяжными заседателями, и вносит их в вопросный лист, который подписывается им. Вопросный лист оглашается в присутствии присяжных заседателей и передаётся старшине присяжных.

Указанные правила постановки вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями, по данному уголовному делу соблюдены.

Проект вопросного листа, формулируемый судьёй в письменном виде, не относится к числу судебных документов, подлежащих обязательному вручению подсудимому, и поэтому в силу ч. 3 ст. 18 УПК РФ не подлежал письменному переводу на его родной язык.

Как видно из материалов дела, в судебном заседании принимал участие переводчик, услугами которого в части перевода вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями, А. имел возможность воспользоваться.

Согласно протоколу судебного заседания, осуждённый А. и его защитник принимали участие в обсуждении проекта вопросного листа, предлагали свои замечания и предложения.

Определение № 44-АПУ14-42СП

12. Проведение дополнительной экспертизы при возникновении новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств уголовного дела не противоречит положениям ч. 1 ст. 207 УПК РФ.

М. признан виновным в совершении четырёх действий сексуального характера в отношении потерпевшей О., не достигшей четырнадцатилетнего возраста, с использованием её беспомощного состояния, при этом в двух случаях с применением к ней насилия, и осуждён по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ.

На основании п. «д» ч. 1 ст. 97, ч. 2 ст. 99 УК РФ М. назначена принудительная мера медицинского характера в виде принудительного лечения и наблюдения у врача-психиатра в амбулаторных условиях.

В апелляционной жалобе адвокаты осуждённого просили об отмене приговора, обращая внимание на то, что в материалах дела имеются противоречивые акты экспертиз, в одном из которых содержится информация, что у осуждённого не обнаружено признаков расстройства сексуального предпочтения, в том числе и педофилии, а в другом сказано, что такие признаки установлены.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор в части осуждения М. без изменения, указав следующее.

Как усматривается из материалов дела, в отношении М. назначались две амбулаторные комплексные судебные сексолого-психиатрические экспертизы, в проведении которых участвовали одни и те же эксперты.

В соответствии с актом экспертизы от 27 августа 2013 г. экспертам были представлены материалы дела только по событию в ночь с 15 на 16

марта 2013 года. Специалистом – сексологом в заключении указано, что, по представленным материалам, с учётом однократности инкриминируемого осуждённому деяния, а также недостаточности информации (отрицание М. сексуального влечения к малолетним детям и обусловленных им фантазий, сноведений и поведения, отсутствие самоописания на момент инкриминируемого деяния) признаков расстройств сексуального предпочтения, в том числе и педофилии, у М. не обнаружено.

Таким образом, эксперты делают вывод не об отсутствии у осуждённого соответствующего заболевания (педофилии) как такового, а о том, что с учётом представленных следствием материалов у М. признаков данного заболевания не обнаружено.

В ходе дальнейшего расследования уголовного дела было установлено, что М. неоднократно совершал действия сексуального характера в отношении потерпевшей, поэтому ему было предъявлено обвинение еще по трём преступлениям, предусмотренным п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ.

С учётом этих новых фактических обстоятельств была назначена дополнительная амбулаторная комплексная судебная сексолого-психиатрическая экспертиза. При её производстве специалистам были представлены дополнительные материалы, в частности протоколы допросов потерпевшей, её законного представителя и другие материалы, которые не были предметом исследования при производстве основной экспертизы.

Согласно заключению экспертов от 17 декабря 2013 г. приведённое в материалах дела описание поведения М. в ситуациях инкриминируемых ему деяний соответствует поведению, характерному для расстройства сексуального предпочтения в виде гетеросексуальной педофилии. В связи с наличием у осуждённого гетеросексуальной педофилии эксперты пришли к выводу о том, что он нуждается в применении к нему амбулаторного лечения и наблюдения у психиатра в соответствии с п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ, ч. 2 ст. 99 УК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 207 УПК РФ основаниями для проведения дополнительной экспертизы, поручаемой тому же или другому эксперту, являются недостаточная ясность или полнота заключения эксперта либо возникновение новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств уголовного дела.

По смыслу закона, неполным является такое заключение, в котором, в частности, не учтены обстоятельства, имеющие значение для разрешения поставленных вопросов. При этом эти обстоятельства могли появиться (о них стало известно) и после проведения основной экспертизы.

Поскольку в ходе проведения основной экспертизы не были известны все факты насильственных действий сексуального характера в отношении потерпевшей, имевшие место на протяжении нескольких лет и имеющие значение для правильного разрешения вопроса о наличии у М. расстройства сексуального предпочтения (педофилии), заключение от 27 августа 2013 г. было неполным. Проведение дополнительной экспертизы в отношении осуждённого не противоречит требованиям ч. 1 ст. 207 УПК РФ.

Определение № 82-АПУ14-22

13. Судебное разбирательство проводится в соответствии с требованиями ст. 252 УПК РФ в пределах предъявленного лицу обвинения, и изменение обвинения допускается в судебном разбирательстве, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту.

Органами предварительного расследования Ч. было предъявлено обвинение в том, что он в июне 2007 года создал устойчивую вооружённую группу (банду) в целях нападения на граждан, руководил такой группой (бандой) и участвовал в совершённых ею нападениях. Для этих целей Ч. и другие лица не позднее 23 января 2008 г. незаконно приобрели охотничье ружьё «ИЖ-17» 16 калибра, из которого изготовили обрез, а также 16 патронов калибра 9 мм к пистолету Макарова, которые хранили в подвале гаража Ч., допуская их использование при совершении преступлений.

Указанные действия Ч. были квалифицированы по чч. 1 и 2 ст. 209 УК РФ.

В ходе судебного разбирательства прокурор отказался от обвинения Ч. по ч. 2 ст. 209 УК РФ, указав, что это обвинение было вменено излишне.

При постановлении приговора суд, сославшись на то, что при совершении преступлений в отношении потерпевших оружие не использовалось, достаточных оснований для признания организованной группы, в которую входили осуждённые, бандой не имеется, переквалифицировал действия Ч. с ч. 1 ст. 209 УК РФ на ч. 3 ст. 222 и ч. 3 ст. 223 УК РФ.

По приговору суда Ч. также осуждён по п. «а» ч. 3 ст. 126, пп. «а», «б» ч. 3 ст. 163, п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осуждённого, изменил судебные решения на основании ч. 1 ст. 409, п. 3 ч. 1 ст. 379 УПК РФ в связи с неправильным применением уголовного закона, указав следующее.

По смыслу закона, ст. 209 УК РФ, устанавливающая ответственность за создание банды, руководство и участие в ней или совершаемых ею нападениях, хотя и включает в себя обязательный признак «вооружённость», однако не предусматривает ответственность за совершение членами банды преступных действий, образующих самостоятельные составы преступлений, за которые лица несут ответственность за каждое преступление по соответствующей статье или части статьи УК РФ.

Поскольку органами предварительного расследования обвинение Ч. в незаконных действиях с огнестрельным оружием в виде самостоятельных преступлений предъявлено не было, переквалификация действий осуждённого с ч. 1 ст. 209 УК РФ на ч. 3 ст. 222 УК РФ и ч. 3 ст. 223 УК РФ не основана на законе и противоречит положениям ст. 252 УПК РФ, устанавливающим пределы судебного разбирательства.

При таких обстоятельствах Президиум отменил судебные решения в части осуждения Ч. по ч. 3 ст. 222 УК РФ и ч. 3 ст. 223 УК РФ и производство по делу прекратил.

*Постановление Президиума Верховного
Суда Российской Федерации № 268-П13*

14. Согласно ч. 4 ст. 413 УПК РФ новыми обстоятельствами являются такие фактические обстоятельства, которые не были ранее предметом исследования по делу в силу объективных причин, а не в результате упущения со стороны органов предварительного расследования.

По приговору суда от 9 августа 2012 г. З. и Ф. осуждены по ч. 2 ст. 159 УК РФ.

З. и Ф. осуждены за совершение группой лиц по предварительному сговору в период с декабря 2008 года по апрель 2011 года хищения путём обмана денежных средств федерального бюджета и бюджета области на общую сумму 2 232 448 рублей 50 копеек.

Президиум областного суда 27 января 2014 г. удовлетворил заключение прокурора и возобновил производство по уголовному делу ввиду новых обстоятельств. Президиум отменил приговор в отношении З. и Ф., уголовное дело возвратил прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом и организации предварительного расследования в связи с необходимостью расследования новых обстоятельств, свидетельствующих о возможном наличии оснований для предъявления З. и Ф. обвинения в более тяжком преступлении.

Отменяя приговор и возвращая уголовное дело прокурору, президиум сослался на то, что органы предварительного следствия и суд не располагали данными о причастности З. и Ф. к фактам хищения путём обмана денежных средств на сумму 292 223 рубля, выявленными в ходе проведения дополнительных проверок в мае 2012 года. Поскольку эти сведения не были известны суду во время вынесения приговора от 9 августа 2012 г., то они, в соответствии со ст. 413 УПК РФ, являются новыми, то есть возникшими после постановления приговора.

В жалобах адвокаты осуждённых просили постановление президиума отменить, а заключение прокурора отклонить, поскольку новое обвинение фактически является расширением предыдущего обвинения, по которому уже вынесен обвинительный приговор.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление президиума и отклонила заключение прокурора о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств, указав следующее.

Согласно п. 2 ч. 2 ст. 413 УПК РФ (в редакции Федерального закона от 26 апреля 2013 г. № 64-ФЗ) новыми являются указанные в ч. 4 ст. 413 УПК РФ обстоятельства, не известные суду на момент вынесения судебного решения, устраняющие преступность и наказуемость деяния или подтверждающие наступление в период рассмотрения уголовного дела судом или после вынесения судебного решения новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления.

По смыслу закона, новыми обстоятельствами являются такие фактические обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, которые в силу объективных причин ранее не могли входить в предмет исследования по делу.

По данному делу в заключении прокурора указано, что в ходе проведённой проверки по возбуждённому производству ввиду новых обстоятельств допрошенные представитель потерпевшего и ряд свидетелей показали, что результаты проведённой в мае 2011 года комплексной проверки Отдела социальной защиты населения, в ходе которой выявлены факты мошенничества З. и Ф., были сразу же направлены в правоохранительные органы для решения вопроса об уголовном преследовании данных лиц. Вместе с тем охватить весь период преступной деятельности и установить иные факты хищения бюджетных средств З. и Ф. в ходе проведённой проверки не представилось возможным, поскольку необходимо было проверить значительный объём документов, на основании которых проводились выплаты пособий.

Только после проведения окончательной и полной проверки информация, содержащая новые факты преступной деятельности З. и Ф., в мае 2012 года была направлена в правоохранительные органы, после чего было возбуждено уголовное дело.

Таким образом, новые факты преступной деятельности З. и Ф., полученные в ходе расследования, не были ранее предметом исследования по делу не в силу каких-либо объективных причин, а в результате упущения со стороны органов предварительного следствия, которые, как следует из заключения прокурора, «не могли охватить весь период преступной деятельности и установить иные факты хищений З. и Ф. из-за необходимости проверки значительного объема документов».

Тем самым результатом отмены президиумом областного суда приговора фактически является восполнение неполноты предварительного следствия, что недопустимо.

Определение № 82-Д14-4

15. В силу положений ст. 15 Конституции Российской Федерации и ч. 3 ст. 1 УПК РФ, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законодательством Российской Федерации, то применяются правила международного договора.

Органами следствия Республики Беларусь П. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ст. 422 УК Республики Беларусь. С целью уклонения от превентивного надзора П. самовольно покинул избранное им место жительства на территории Республики Беларусь, в связи с чем он был объявлен в розыск и в отношении его избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Впоследствии П. был задержан на территории Российской Федерации.

Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации вынес постановление о выдаче П. для привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 422 УК Республики Беларусь.

Постановлением Московского городского суда от 9 августа 2013 г. постановление заместителя Генерального прокурора РФ о выдаче П. признано незаконным и отменено.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2013 г. постановление Московского городского суда оставлено без изменения.

Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации в надзорном представлении просил об отмене постановления суда и апелляционного определения и передаче дела на новое судебное

рассмотрение. Автор представления утверждал, что, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Следовательно, при решении вопроса о выдаче П. правоохранным органам Республики Беларусь для уголовного преследования подлежали применению нормы международного права, что не было принято во внимание судами первой и апелляционной инстанций.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации отменил постановление суда и апелляционное определение, а дело передал на новое судебное рассмотрение по следующим основаниям.

Признавая незаконной выдачу П. правоохранным органам Республики Беларусь для привлечения его к уголовной ответственности по ст. 422 УК Республики Беларусь и отменяя постановление заместителя Генерального прокурора РФ, суд сослался на то, что по российскому законодательству ответственность за такие деяния установлена ст. 314 УК РФ, санкция которой предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до одного года, а выдача лица другому государству для уголовного преследования, исходя из содержания п. 1 ч. 3 ст. 462 УПК РФ, может быть произведена только в случае, если уголовный закон предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, оставляя без изменения постановление суда, в апелляционном определении также указала на приоритет положений п. 1 ч. 3 ст. 462 УПК РФ по отношению к положениям Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г.

Однако с такими выводами судов первой и апелляционной инстанций согласиться нельзя.

В международном праве решение о выдаче иностранного гражданина или лица без гражданства, находящихся на территории государства и обвиняемых в совершении преступления, осуществляется либо на основании международного договора, либо на основе принципа взаимности. Аналогичное положение закреплено и в ч. 1 ст. 462 УПК РФ.

Между Российской Федерацией и Республикой Беларусь выдача лиц для уголовного преследования осуществляется на основании международного договора, в качестве которого выступает Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г., где отражены договорённости двух государств по всем существенным вопросам, касающимся выдачи, в том числе и о минимальном наказании в виде лишения свободы,

предусмотренном за деяние, за совершение которого допускается выдача.

В соответствии с ч. 2 ст. 56 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г., участниками которой являются Российская Федерация и Республика Беларусь, выдача лиц для привлечения к уголовной ответственности производится за такие деяния, за совершение которых предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года или более тяжкое наказание.

В силу ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Данное конституционное предписание нашло своё отражение и в уголовно-процессуальном законодательстве. В соответствии с ч. 3 ст. 1 УПК РФ (законы, определяющие порядок уголовного судопроизводства) общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные названным кодексом, то применяются правила международного договора.

Отдавая приоритет положениям национального уголовно-процессуального законодательства, суды не учли также и то, что отдельные нормы главы 54 УПК РФ, включая и положения п. 1 ч. 3 ст. 462 УПК РФ, регламентируют лишь основания и порядок судебного контроля за законностью и обоснованностью решений прокурора о выдаче, но не подменяют и не могут подменять собой договорённости, достигнутые между государствами по основным условиям выдачи.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколы к ней не гарантируют человеку и гражданину право быть не выданным иностранному государству для уголовного преследования и не устанавливают минимальный размер уголовного наказания, допускающий выдачу. Конвенция и Протоколы к ней гарантируют защиту и восстановление конвенционных прав и свобод при осуществлении процедуры экстрадиции (право на жизнь, право на справедливое судебное разбирательство, право не подвергаться пыткам и бесчеловечному обращению и другие). В связи с этим выводы суда о том, что положения п. 1 ч. 3 ст. 462 УПК РФ предоставляют больший

уровень гарантий по сравнению с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколами к ней, нельзя признать обоснованными, равно как и ссылку на статью 53 названной Конвенции.

Иное толкование соотношения положений п. 1 ч. 3 ст. 462 УПК РФ и ч. 2 ст. 56 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. с неизбежностью сопровождалось бы неисполнением Российской Федерацией своих международных обязательств перед Республикой Беларусь, с которой договор о выдаче заключён на условии выдачи за деяния, наказуемые лишением свободы на срок не менее одного года.

*Постановление Президиума Верховного
Суда Российской Федерации № 14-П14ПР*

Гражданский иск

16. Приговор в части решения вопроса по гражданскому иску отменён ввиду нарушений положений ст. 54 и 268 УПК РФ.

К. признан виновным в совершении иных действий сексуального характера с угрозой применения насилия, с использованием беспомощного состояния потерпевшего, совершённые в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и осуждён по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ.

По приговору суда с осуждённого К. в пользу потерпевшего в счёт компенсации морального вреда постановлено взыскать 5000 рублей с зачислением денежных средств на лицевой счёт потерпевшего.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело и проверив доводы апелляционной жалобы адвоката в защиту осуждённого К., отменила приговор в части разрешения гражданского иска и дело в этой части направила на новое судебное рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства.

В соответствии со ст. 54 УПК РФ в качестве гражданского ответчика может быть привлечено физическое или юридическое лицо, которое в соответствии с Гражданским кодексом РФ несёт ответственность за вред, причинённый преступлением. Решение о привлечении физического лица об этом оформляется постановлением судьи.

Однако из протокола судебного заседания следует, что суд не разъяснил К. его права, предусмотренные ст. 54 УПК РФ, не выяснил вопрос о его отношении к иску, не вынес соответствующее

процессуальное решение о признании его гражданским ответчиком и, в нарушение требований ст. 54 и 268 УПК РФ, не разъяснил ему права гражданского ответчика.

Определение № 45-АПУ14-17

17. Размер компенсации морального вреда уменьшен, поскольку действия осужденного переквалифицированы с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 108 УК РФ (убийство, совершённое при превышении необходимой обороны).

Действия осуждённого Л. квалифицированы судом по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Президиум областного суда переквалифицировал действия Л. с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 108 УК РФ как убийство, совершённое при превышении пределов необходимой обороны.

В кассационной жалобе осуждённый Л., выражая несогласие с состоявшимися судебными решениями в части разрешения гражданских исков, указывал, что суд кассационной инстанции, переквалифицировав его действия на ч. 1 ст. 108 УК РФ, в то же время размер компенсации морального вреда необоснованно оставил без изменения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор в части гражданского иска по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 151, 1101 ГК РФ размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причинённых потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости. Характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учётом фактических обстоятельств, при которых был причинён моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего.

Согласно приговору суда с осуждённого Л. в пользу потерпевших П. и М. в счёт компенсации морального вреда постановлено взыскать 300 000 рублей и 200 000 рублей соответственно в связи с признанием его виновным в убийстве Ш., то есть в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Суд кассационной инстанции переквалифицировал действия осуждённого на ч. 1 ст. 108 УК РФ, предусматривающую уголовную ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны.

Таким образом, действия осуждённого Л. получили юридическую оценку как совершение им менее тяжкого преступления.

На основании изложенного Судебная коллегия уменьшила размер подлежащего взысканию с осуждённого в счёт компенсации морального вреда в пользу потерпевшего П. до 150 000 рублей, а в пользу М. - до 100 000 рублей.

Определение № 83-УД14-3

18. Отсутствие у гражданского истца процессуального статуса потерпевшего не препятствует рассмотрению судом гражданского иска о взыскании с осуждённого компенсации морального вреда, причинённого преступлением.

П. признан виновным в совершении убийства потерпевшей Б. из хулиганских побуждений и осуждён по п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Судом удовлетворён гражданский иск Д. (матери убитой), в пользу которой с осуждённого П. взыскана компенсация морального вреда в сумме 2 000 000 рублей.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения, а апелляционные жалобы адвоката осуждённого без удовлетворения.

Суд обоснованно удовлетворил гражданский иск Д. о возмещении морального вреда на основании ст. 151, 1099 - 1101 ГК РФ, размер компенсации морального вреда определён в соответствии с требованиями закона.

Право на возмещение ущерба от преступления гарантируется государством в соответствии со ст. 52 Конституции РФ и возникает в силу самого факта причинения вреда.

В силу ч. 1 ст. 42 УПК РФ лицо, которому преступлением причинён вред, приобретает предусмотренные уголовно-процессуальным законом права и обязанности с момента вынесения дознавателем, следователем, руководителем следственного органа или судом постановления о признании его потерпевшим.

Вместе с тем, по смыслу закона, правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им, поскольку обеспечение гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве обусловлено не формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, в частности потерпевшим, а наличием определённых существенных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующих прав.

Определение № 88-АПУ14-4

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Оспаривание нормативных правовых актов

1. Субъект Российской Федерации вправе установить повышенный размер арендной платы за земельные участки, находящиеся в его собственности, и земельные участки, государственная собственность на которые не разграничена, предоставляемые для строительства нежилых помещений, если объекты недвижимости на данном земельном участке не введены в эксплуатацию по истечении трёх лет с даты заключения договора аренды земельного участка.

О. и Ж. обратились в Волгоградский областной суд с заявлением о признании недействующим п. 2^{1.5} Порядка расчёта арендной платы за земельные участки, государственная собственность на которые не разграничена, и земельные участки, находящиеся в собственности Волгоградской области, утверждённого постановлением администрации Волгоградской области от 22 августа 2011 г. № 469-п (далее – Порядок).

Согласно оспариваемому пункту размер арендной платы за земельные участки, предоставленные для строительства, за исключением земельных участков, указанных в абзаце первом подп. 2^{1.4}, увеличивается в два раза в случае, если объекты недвижимости на данном земельном участке не введены в эксплуатацию по истечении трёх лет с даты заключения договора аренды земельного участка. В абзаце первом подп. 2^{1.4} Порядка говорится об арендной плате за земельные участки, предоставленные в соответствии с п. 15 ст. 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ) для жилищного строительства, комплексного освоения в целях жилищного строительства.

Заявители считали, что оспариваемая норма противоречит пп. 1 и 3 ст. 65 Земельного кодекса Российской Федерации и п. 7 Правил определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы за земли, находящиеся в собственности Российской Федерации, утверждённых постановлением Правительства РФ от 16 июля 2009 г. № 582 (далее – Правила), и нарушает их права и законные интересы. Они являются арендаторами земельного участка под незавершённым строительством зданием птичника, находящимся в их общей долевой собственности в г. Волжском Волгоградской области, срок действия договора аренды установлен с 16 января 2006 г. по 16

января 2055 г. В связи с введением рассматриваемого регулирования в 4,5 раза увеличен размер арендной платы за данный земельный участок.

Отказывая в удовлетворении заявления, Волгоградский областной суд исходил из вывода о том, что п. 2^{1.5} Порядка не противоречит федеральному законодательству, имеющему большую юридическую силу.

Оспариваемая норма и акты большей юридической силы, на которые ссылались О. и Ж., имеют различные правовые основания для их издания и различные предметы правового регулирования. Пункт 2^{1.5} Порядка принят в соответствии с п. 10 ст. 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ и касается объектов незавершённого строительства из категории нежилых помещений, а п. 7 Правил – в соответствии с п. 3 ст. 65 ЗК РФ и относится к объектам жилищного строительства.

Верховный Суд Российской Федерации, рассматривая дело по апелляционной жалобе О. и Ж., признал, что вывод суда первой инстанции, изложенный в решении, основан на анализе действующего законодательства и оснований для признания его неправильным не имеется.

Согласно п. 1 ст. 65 ЗК РФ использование земли в Российской Федерации является платным. Формами платы за использование земли являются земельный налог (до введения в действие налога на недвижимость) и арендная плата.

На основании п. 3 этой же статьи за земли, переданные в аренду, взимается арендная плата. Порядок определения размера арендной платы, порядок, условия и сроки внесения арендной платы за земли, находящиеся в собственности субъектов Российской Федерации, устанавливаются органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Размер арендной платы является существенным условием договора аренды земельного участка. В случае, если по истечении трёх лет с даты предоставления в аренду земельного участка, находящегося в государственной собственности, для жилищного строительства, за исключением случаев предоставления земельных участков для индивидуального жилищного строительства, не введён в эксплуатацию построенный на таком земельном участке объект недвижимости, арендная плата за такой земельный участок устанавливается в размере не менее двукратной налоговой ставки земельного налога на соответствующий земельный участок, если иное не установлено земельным законодательством.

Аналогичное правовое предписание отражено в п. 7 Правил.

В соответствии с п. 10 ст. 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ порядок определения размера арендной платы за использование земельных участков, государственная собственность на

которые не разграничена, устанавливается органами государственной власти субъектов Российской Федерации, если иное не предусмотрено Федеральным законом «О государственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Подпунктом «д» п. 2 ст. 21 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» высшим исполнительным органам государственной власти субъектов Российской Федерации предоставлено право управлять и распоряжаться собственностью субъекта Российской Федерации.

Введение оспариваемой нормы, не касающейся арендной платы для объектов незавершённого жилищного строительства, составляет предмет полномочий высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации и не противоречит актам большей юридической силы.

Определение № 16-АПГ14-5

2. Многоквартирным признаётся дом, состоящий из двух и более квартир, а также принадлежащего собственникам этих квартир на праве общей долевой собственности общего имущества, в состав которого входят помещения в данном доме, не являющиеся частями квартир и предназначенные для обслуживания более одного помещения в данном доме.

В ст. 3 Закона Архангельской области от 2 июля 2013 г. № 701-41-ОЗ «Об организации проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, расположенных на территории Архангельской области» (далее – Закон) приведены основные понятия, используемые в данном законе. Так, согласно подп. 3 п. 1 ст. 3 Закона многоквартирный дом – совокупность двух и более квартир, имеющих самостоятельные выходы в помещения общего пользования в таком доме.

Заместитель прокурора Архангельской области обратился в суд с заявлением о признании недействующим подп. 3 п. 1 ст. 3 Закона, ссылаясь на его противоречие действующему законодательству, поскольку он исключает возможность проведения капитального ремонта многоквартирных жилых домов, жилые помещения в которых имеют самостоятельные выходы на земельные участки, прилегающие к таким домам. Прокурор также указывал, что федеральным законодательством к многоквартирным жилым домам отнесены не только дома, состоящие из двух и более квартир, имеющих самостоятельные выходы в помещения общего пользования, но и дома, жилые помещения в

которых имеют самостоятельные выходы на земельные участки, прилегающие к таким домам.

Решением Архангельского областного суда от 27 января 2014 г. заявление заместителя прокурора Архангельской области удовлетворено, подп. 3 п. 1 ст. 3 Закона, в редакции, действовавшей на момент рассмотрения дела, признан недействующим со дня вступления решения суда в законную силу.

Проверив материалы дела по апелляционным жалобам Архангельского областного Собрания депутатов и губернатора Архангельской области, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к следующему.

Согласно п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации жилищное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

По предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации. Законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не могут противоречить федеральным законам. В случае противоречия между федеральным законом и иным актом, изданным в Российской Федерации, действует федеральный закон (чч. 2 и 5 ст. 76 Конституции Российской Федерации).

В соответствии с п. 6¹ ст. 2 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ) органы государственной власти и органы местного самоуправления в пределах своих полномочий обеспечивают условия для осуществления гражданами права на жилище, в том числе организуют обеспечение своевременного проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах за счет взносов собственников помещений в таких домах на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах, бюджетных средств и иных не запрещённых законом источников финансирования.

Пунктом 8³ ст. 13 указанного кодекса к полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации в области жилищных отношений отнесено определение порядка установления необходимости проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирном доме.

Разделом IX ЖК РФ урегулированы вопросы организации проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах. Так, ст. 167 ЖК РФ определено, что органы государственной власти субъекта Российской Федерации принимают нормативные правовые акты, которые направлены на обеспечение своевременного проведения капитального ремонта общего имущества в

многоквартирных домах, расположенных на территории субъекта Российской Федерации.

Частью 1 ст. 15 и ч. 1 ст. 16 ЖК РФ установлено, что объектами жилищных прав являются жилые помещения, к которым относятся жилой дом, часть жилого дома, квартира, часть квартиры, комната. Часть 2 ст. 16 ЖК РФ признаёт жилым домом индивидуально-определённое здание, которое состоит из комнат, а также помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в таком здании. В соответствии с ч. 3 ст. 16 ЖК РФ квартирой признаётся структурно обособленное помещение в многоквартирном доме, обеспечивающее возможность прямого доступа к помещениям общего пользования в таком доме и состоящее из одной или нескольких комнат, а также помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в таком обособленном помещении.

В силу ст. 289 ГК РФ собственнику квартиры в многоквартирном доме наряду с принадлежащим ему помещением, занимаемым под квартиру, принадлежит также доля в праве собственности на общее имущество дома.

Состав общего имущества собственников квартир в многоквартирном доме, а также их права и обязанности в отношении данного имущества определены в ст. 290 ГК РФ, ст. 36 - 40 ЖК РФ.

Суд первой инстанции, удовлетворяя заявленные требования, пришёл к правильному выводу о том, что оспариваемый подп. 3 п. 1 ст. 3 Закона противоречит нормам федерального законодательства. Из приведённых законоположений следует, что под многоквартирным домом понимается дом, который имеет не менее двух квартир, отвечающих требованиям ч. 3 ст. 16 ЖК РФ, а также принадлежащее собственникам этих квартир на праве общей долевой собственности общее имущество, в состав которого согласно ч. 1 ст. 36 названного кодекса входят помещения в данном доме, не являющиеся частями квартир и предназначенные для обслуживания более одного помещения в данном доме, в том числе межквартирные лестничные площадки, лестницы, лифты, лифтовые и иные шахты, коридоры, технические этажи, чердаки, подвалы, в которых имеются инженерные коммуникации, иное обслуживающее более одного помещения в данном доме оборудование (технические подвалы); иные помещения в данном доме, не принадлежащие отдельным собственникам и предназначенные для удовлетворения социально-бытовых потребностей собственников помещений в данном доме, включая помещения, предназначенные для организации их досуга, культурного развития, детского творчества, занятий физической культурой и спортом и подобных мероприятий;

крыши, ограждающие несущие и ненесущие конструкции данного дома, механическое, электрическое, санитарно-техническое и иное оборудование, находящееся в данном доме за пределами или внутри помещений и обслуживающее более одного помещения; земельный участок, на котором расположен данный дом, с элементами озеленения и благоустройства, иные предназначенные для обслуживания, эксплуатации и благоустройства данного дома и расположенные на указанном земельном участке объекты.

Законодатель Архангельской области без учёта требований федерального законодательства произвольно ограничил круг многоквартирных домов, в которых разделом IX ЖК РФ предусмотрена организация проведения капитального ремонта общего имущества.

Федеральным законодательством при определении основных признаков объектов правоотношений в жилищной сфере, в том числе связанных с проведением капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, не предусмотрен критерий организации выходов из такого дома (в помещение общего пользования либо без такового). Смысл правового регулирования правоотношений по определению объектов капитального ремонта также не связывается в федеральном законодательстве с указанным критерием. Как следует из приведённых норм жилищного и гражданского законодательства, субъекту Российской Федерации не предоставлены полномочия по установлению критериев отнесения жилых домов к категории многоквартирных, более того, произвольных и дискриминационных критериев, не связанных с целями правового регулирования данного конкретного нормативного правового акта, поскольку необходимость проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах не может зависеть от особенностей конструктивной планировки многоквартирного дома, в том числе от способа организации выходов из квартир такого дома.

Определение № 1-АПГ14-7

3. Уменьшение размера платы за услуги холодного и горячего водоснабжения и водоотведения в связи с временным отсутствием жильца в жилом помещении, не оборудованном индивидуальным или общим (квартирным) прибором учёта воды, не является основанием для перерасчёта размера платы за указанные услуги другим жильцам дома, не имеющим индивидуальных или общих (квартирных) приборов учёта воды.

Пунктом 32 постановления Правительства Москвы от 10 февраля 2004 г. № 77-ПП «О мерах по улучшению системы учёта

водопотребления и совершенствованию расчётов за холодную, горячую воду и тепловую энергию в жилых зданиях и объектах социальной сферы города Москвы» в редакции постановления Правительства Москвы от 25 февраля 2014 г. №75-ПП утверждена Методика распределения между абонентами и потребителями объёмов и стоимости холодной и горячей воды и услуг водоотведения на основе показаний приборов учёта воды (далее – Методика).

Разделом 3 Методики определён порядок расчёта объёмов холодной и горячей воды и водоотведения, подлежащих оплате потребителями услуг в жилых зданиях при отсутствии квартирных приборов учёта холодной и горячей воды.

Согласно п. 322 Методики при временном отсутствии потребителя в жилом помещении осуществляется перерасчёт размера платы всем жильцам за услуги холодного и горячего водоснабжения и водоотведения.

Далее по тексту данного пункта установлен порядок определения размера дополнительных платежей, подлежащих оплате жильцами каждой квартиры (на примере перерасчёта за период временного отсутствия потребителя, равный трём расчётным периодам (кварталам)).

Пункт 422.2 Методики гласит, что при временном отсутствии потребителя в жилом помещении, не оборудованном индивидуальным или общим (квартирным) прибором учёта, всем жильцам, не имеющим индивидуальных или общих (квартирных) приборов учёта, осуществляется перерасчёт размера платы за услуги холодного и горячего водоснабжения и водоотведения. Размер дополнительных платежей, подлежащих оплате жильцами каждой квартиры, определяется в соответствии с п. 322 Методики.

С. обратился в Московский городской суд с заявлением о признании недействующими пп. 322 и 422.2 Методики, ссылаясь на то, что содержащиеся в них положения противоречат Правилам предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утверждённым постановлением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 354 (далее – Правила), которыми не предусмотрена возможность перерасчёта и взимания дополнительных платежей с потребителей коммунальных услуг при временном отсутствии жильцов.

Решением Московского городского суда от 6 мая 2014 г. заявление С. оставлено без удовлетворения.

Изучив доводы апелляционной жалобы С., проверив материалы дела, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации нашла данное решение подлежащим отмене, как основанное на неправильном применении норм материального права, регулирующего спорное правоотношение.

В частности, отказывая в удовлетворении заявленных требований, суд исходил из того, что органы государственной власти субъекта Российской Федерации, имея полномочия по утверждению тарифов и нормативов на услуги организаций коммунального комплекса, не лишены возможности определить порядок перерасчёта платы всем жильцам за услуги холодного и горячего водоснабжения и водоотведения при временном отсутствии потребителя в жилом помещении. Оспариваемые региональные нормы федеральному законодательству не противоречат и не нарушают каких-либо прав и законных интересов заявителя, иного механизма определения платы за холодное и горячее водоснабжение и водоотведение, отличного от порядка, предусмотренного федеральным законодателем, не устанавливают. Освобождение потребителей от оплаты коммунальных услуг в связи с их отсутствием в жилом помещении и предоставление им действующим жилищным законодательством права на перерасчёт размера платежей не освобождают иных потребителей, пользовавшихся соответствующими коммунальными услугами, от обязанности их оплаты в полном объёме.

Судебная коллегия с такими выводами не согласилась.

По смыслу ч. 1 ст. 153, ч. 4 ст. 154, ч. 11 ст. 155, чч. 1 и 2 ст. 157 ЖК РФ, федеральный законодатель, возлагая на граждан и организации обязанность своевременно и полностью вносить плату за жилое помещение и коммунальные услуги и определяя в связи с этим структуру платы за коммунальные услуги, одновременно предписывает, что размер платы за коммунальные услуги при отсутствии приборов учёта рассчитывается исходя из нормативов потребления коммунальных услуг, утверждаемых органами государственной власти субъектов Российской Федерации, в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Неиспользование собственниками, нанимателями и иными лицами помещений не является основанием для невнесения платы за жилое помещение и коммунальные услуги. При временном отсутствии граждан внесение платы за отдельные виды коммунальных услуг, рассчитываемой исходя из нормативов потребления, осуществляется с учётом перерасчёта платежей за период временного отсутствия граждан в порядке, утверждаемом Правительством Российской Федерации.

В настоящее время порядок расчёта и внесения платы за жилое помещение и коммунальные услуги, в том числе и порядок перерасчёта размера платы за отдельные виды коммунальных услуг за период временного отсутствия потребителей в занимаемом жилом помещении, не оборудованном индивидуальным или общим (квартирным) прибором учёта, определяется Правилами.

Согласно п. 1 Правил под нормативом потребления коммунальной услуги понимается количественный показатель объёма потребления коммунального ресурса, применяемый для расчёта платы за коммунальную услугу при отсутствии приборов учёта.

В силу пп. 86, 87, 90 и 97 Правил при временном, то есть более пяти полных календарных дней подряд, отсутствии потребителя в жилом помещении, не оборудованном индивидуальным или общим (квартирным) прибором учёта, осуществляется перерасчёт размера платы за предоставленную потребителю в таком жилом помещении коммунальную услугу, за исключением коммунальной услуги по отоплению и газоснабжению на цели отопления жилых помещений.

Размер платы за коммунальную услугу по водоотведению подлежит перерасчёту в том случае, если осуществляется перерасчёт размера платы за коммунальную услугу по холодному водоснабжению и (или) горячему водоснабжению.

Перерасчёт размера платы за коммунальные услуги производится пропорционально количеству дней периода временного отсутствия потребителя, которое определяется исходя из количества полных календарных дней его отсутствия, не включая день выбытия из жилого помещения и день прибытия в жилое помещение.

Результаты перерасчёта размера платы за коммунальные услуги отражаются: а) в случае подачи заявления о перерасчёте до начала периода временного отсутствия – в платёжных документах, формируемых исполнителем в течение периода временного отсутствия потребителя в занимаемом жилом помещении; б) в случае подачи заявления о перерасчёте после окончания периода временного отсутствия – в очередном платёжном документе.

Изложенное даёт убедительную основу для вывода о том, что временное, более пяти полных календарных дней подряд, отсутствие потребителя в жилом помещении, не оборудованном индивидуальным или общим (квартирным) прибором учёта, не предполагает перерасчёта размера платы за предоставленную потребителям в других жилых помещениях, не оборудованных индивидуальным или общим (квартирным) прибором учёта, коммунальную услугу.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что какие-либо федеральные нормы, предоставляющие право субъекту Российской Федерации вводить своим правовым актом иной порядок перерасчёта размера платы за отдельные виды коммунальных услуг за период временного отсутствия потребителей в занимаемом жилом помещении, не оборудованном индивидуальным и (или) общим (квартирным) прибором учёта, чем это предусмотрено Правилами, отсутствуют.

Вопреки этому Правительством Москвы в оспариваемых нормах фактически введён иной порядок перерасчёта размера платы за

отдельные виды коммунальных услуг за период временного отсутствия потребителей в занимаемом жилом помещении, не оборудованном индивидуальным и (или) общим (квартирным) прибором учёта, чем это предусмотрено федеральным законодательством, а именно порядок, которым не исключается в случае временного отсутствия потребителя в жилом помещении, не оборудованном индивидуальным или общим (квартирным) прибором учёта, перераспределение на других жителей дома стоимости коммунальной услуги, не использованной отсутствующим жильцом.

С учётом изложенного Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации определила решение Московского городского суда от 6 мая 2014 г. отменить, принять новое решение, которым заявление С. удовлетворить.

Определение № 5-АПГ14-18

II. Практика применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

4. Часть 5 ст. 4⁵ КоАП РФ не предусматривает возможности приостановления течения срока давности привлечения к административной ответственности на период возвращения дела об административном правонарушении для рассмотрения по месту совершения правонарушения.

Постановлением мирового судьи судебного участка № 4 Ленинского района г. Нижний Новгород от 15 января 2013 г., оставленным без изменения решением судьи Ленинского районного суда города Нижний Новгород от 26 марта 2013 г., Г. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 12²⁷ КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде лишения права управления транспортными средствами сроком на один год.

Постановлением заместителя председателя Нижегородского областного суда от 6 сентября 2013 г. судебные акты оставлены без изменения.

В жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, Г. просил отменить указанные судебные акты.

Из содержания ч. 1 ст. 4⁵ КоАП РФ следует, что срок давности привлечения к административной ответственности за административное правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 12²⁷ КоАП РФ, составляет три месяца со дня его совершения.

В соответствии с ч. 5 ст. 4⁵ КоАП РФ срок давности привлечения к административной ответственности приостанавливается с момента удовлетворения ходатайства лица о рассмотрении дела по месту его жительства до момента поступления материалов судье, в орган, должностному лицу, уполномоченным рассматривать дело, по месту жительства лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении.

Согласно п. 6 ч. 1 ст. 24⁵ КоАП РФ производство по делу об административном правонарушении не может быть начато, а начатое производство подлежит прекращению при истечении сроков давности привлечения к административной ответственности.

Обстоятельства, послужившие основанием для возбуждения в отношении Г. дела об административном правонарушении, имели место 5 октября 2012 г.

31 октября 2012 г. Г. заявил ходатайство о рассмотрении дела по месту его жительства.

Определением мирового судьи судебного участка № 4 Ленинского района г. Нижний Новгород от 12 ноября 2012 г. указанное ходатайство было удовлетворено, дело об административном правонарушении в отношении Г. направлено мировому судье судебного участка № 2 Московского района г. Нижний Новгород.

Согласно правовой позиции, изложенной в Обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2009 года, право лица, в отношении которого ведётся производство по делу об административном правонарушении, на рассмотрение дела по месту его жительства может быть ограничено при необходимости защиты публичных интересов или интересов других участников производства по делу об административном правонарушении, в частности в случае наличия по делу об административном правонарушении потерпевшего, не согласного с передачей дела по месту жительства лица, привлекаемого к административной ответственности.

Из материалов дела об административном правонарушении суд установил, что потерпевший П. возражал против рассмотрения дела об административном правонарушении по месту жительства лица, в отношении которого велось производство по делу об административном правонарушении.

При таких обстоятельствах определением мирового судьи судебного участка № 2 Московского района г. Нижний Новгород от 11 декабря 2012 г. дело об административном правонарушении в отношении Г. было возвращено мировому судье судебного участка № 4 Ленинского района г. Нижний Новгород.

15 января 2013 г. дело об административном правонарушении рассмотрено мировым судьёй указанного судебного участка по месту совершения административного правонарушения.

КоАП РФ предусматривает приостановление срока давности привлечения к административной ответственности лишь в случае удовлетворения ходатайства лица, в отношении которого ведётся производство по делу об административном правонарушении, о рассмотрении дела по месту его жительства, когда время пересылки дела не включается в срок давности привлечения к административной ответственности.

При этом исходя из смысла ч. 5 ст. 4⁵ КоАП РФ течение названного срока приостанавливается лишь в случае рассмотрения дела по месту жительства лица, в отношении которого ведётся производство по делу об административном правонарушении.

Таким образом, срок давности привлечения Г. к административной ответственности не приостанавливался и истёк 5 января 2013 г.

Однако 15 января 2013 г. мировой судья судебного участка № 4 Ленинского района г. Нижний Новгород признал Г. виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 12²⁷ КоАП РФ, за пределами срока давности привлечения к административной ответственности, что в силу требований п. 6 ч. 1 ст. 24⁵ КоАП РФ является основанием для прекращения производства по делу об административном правонарушении.

Постановление № 9-АД13-9

5. До истечения десятидневного срока, отведённого владельцу транспортного средства для заключения договора страхования гражданской ответственности, водитель такого транспортного средства имеет право управлять им без соответствующего страхового полиса.

Постановлением инспектора БДПС ГИБДД УМВД России по г. Йошкар-Оле от 7 февраля 2013 г., оставленным без изменения решением судьи Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 4 апреля 2013 г., решением судьи Верховного Суда Республики Марий Эл от 8 мая 2013 г. и постановлением и.о. председателя Верховного Суда Республики Марий Эл от 20 августа 2013 г., С.А. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12³⁷ КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа в размере 300 рублей.

В надзорной жалобе заявитель просил отменить указанные судебные акты.

Изучив материалы дела об административном правонарушении и доводы жалобы, судья Верховного Суда Российской Федерации пришел к следующим выводам.

В соответствии с ч. 1 ст. 12³⁷ КоАП РФ управление транспортным средством в период его использования, не предусмотренный страховым полисом обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортного средства, а равно управление транспортным средством с нарушением предусмотренного данным страховым полисом условия управления этим транспортным средством только указанными в нём водителями, влечёт наложение административного штрафа в размере 500 рублей (в ред. Федеральных законов от 22 июня 2007 г. № 116-ФЗ, от 23 июля 2013 г. № 196-ФЗ).

Привлекая С.А. к административной ответственности, инспектор БДПС ГИБДД УМВД России по г. Йошкар-Оле исходил из того, что 7 февраля 2013 г. в 00 часов 14 минут возле дома 17 по улице К. в г. Йошкар-Оле С.А. управлял транспортным средством, будучи не вписанным в страховой полис. В связи с этим должностное лицо ДПС ГИБДД пришло к выводу о наличии в действиях С.А. состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12³⁷ КоАП РФ. Судебные инстанции с данными выводами согласились.

Указанные выводы Верховный Суд Российской Федерации не признал обоснованными.

В соответствии с ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее – Федеральный закон № 40-ФЗ) владельцы транспортных средств обязаны на условиях и в порядке, которые установлены названным законом и в соответствии с ним, страховать риск своей гражданской ответственности, которая может наступить вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц при использовании транспортных средств (в ред. Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 306-ФЗ).

Согласно ч. 2 указанной статьи при возникновении права владения транспортным средством (приобретении его в собственность, получении в хозяйственное ведение или оперативное управление и т.п.) владелец транспортного средства обязан застраховать свою гражданскую ответственность до регистрации транспортного средства, но не позднее чем через десять дней после возникновения права владения им (в ред. Федерального закона от 1 июля 2011 г. № 170-ФЗ).

Согласно Федеральному закону № 40-ФЗ владелец транспортного средства – это собственник транспортного средства, а также лицо, владеющее транспортным средством на праве хозяйственного ведения или праве оперативного управления либо на ином законном основании. Не является владельцем транспортного средства лицо, управляющее

транспортным средством в силу исполнения своих служебных или трудовых обязанностей, в том числе на основании трудового или гражданско-правового договора с собственником или иным владельцем транспортного средства.

Из системного толкования приведённых норм, а также согласно п. 2^{1.1} Правил дорожного движения Российской Федерации, предусматривающему обязанность водителя иметь при себе страховой полис лишь в случаях, установленных федеральным законом, Верховный Суд Российской Федерации пришёл к выводу, что до истечения десятидневного срока, отведённого владельцу транспортного средства для заключения договора страхования гражданской ответственности, водитель такого транспортного средства имеет право управлять им без соответствующего страхового полиса.

Из материалов дела суд усмотрел, что 5 февраля 2013 г. между С.М. и С.А. заключён договор безвозмездного пользования автомобилем, согласно которому С.М. передал С.А. во временное пользование принадлежащее ему на праве собственности транспортное средство – автомобиль.

При таких обстоятельствах С.А., являясь в соответствии со ст. 1 Федерального закона № 40-ФЗ владельцем указанного транспортного средства, вправе был застраховать свою гражданскую ответственность не позднее чем через 10 дней после возникновения права владения транспортным средством, то есть в данном случае последним днём истечения такого срока явилось 15 февраля 2013 г.

На момент управления С.А. 7 февраля 2013 г. транспортным средством – автомобилем, находящимся у него во временном владении на основании договора от 5 февраля 2013 г., предусмотренный указанным нормативным правовым актом срок для заключения договора страхования гражданской ответственности не истёк, что не лишало его права управлять таким транспортным средством без соответствующего страхового полиса и согласуется с п. 2^{1.1} Правил дорожного движения Российской Федерации.

На основании изложенного наличие в действиях С.А. состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12³⁷ КоАП РФ, исключается.

Постановление № 12-АД13-3

6. Под подложными государственными регистрационными знаками следует понимать государственные регистрационные знаки, изготовленные не на предприятии-изготовителе в установленном законом порядке, либо государственные регистрационные знаки с какими-либо изменениями, искажающими нанесённые на них предприятием-изготовителем

символы, а также государственные регистрационные знаки, выданные при государственной регистрации другого транспортного средства.

Постановлением мирового судьи судебного участка № 64 г. Уссурийска Приморского края от 28 июня 2013 г., оставленным без изменения решением судьи Уссурийского районного суда Приморского края от 24 июля 2013 г. и постановлением председателя Приморского краевого суда от 14 октября 2013 г., А. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 12² КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде лишения права управления транспортным средством сроком на 6 месяцев.

Основанием для привлечения А. к административной ответственности послужил тот факт, что он управлял автомобилем с заведомо подложным государственным регистрационным знаком.

В надзорной жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, заявитель просил отменить указанные судебные акты.

Из материалов дела суд установил, что 3 апреля 2013 г. А. управлял автомобилем, государственный регистрационный номер которого не соответствовал номеру шасси, указанному в карточке учёта транспортного средства.

В ходе рассмотрения дела об административном правонарушении А. указал на то, что он 3 апреля 2013 г. произвёл замену кузова принадлежащего ему и зарегистрированного в установленном порядке транспортного средства, что привело к изменению номера шасси автомобиля, в обоснование чего были представлены соответствующие подтверждающие документы.

Данные обстоятельства не позволили прийти к выводу о том, что государственный регистрационный знак, установленный на автомобиль, которым управлял А., является подложным, что исключает наличие в действиях А. объективной стороны состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 12² КоАП РФ.

В то же время в силу пункта 11 Основных положений по допуску транспортного средства к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения, утверждённых постановлением Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090, запрещается эксплуатация автомобилей, автобусов, автопоездов, прицепов, мотоциклов, мопедов, тракторов и других самоходных машин, если их техническое состояние и оборудование не отвечает требованиям Перечня неисправностей и условий, при которых запрещается эксплуатация транспортных средств.

Согласно п. 7¹⁸ данного перечня запрещается эксплуатация автомобилей, автобусов, автопоездов, прицепов, мотоциклов, мопедов,

тракторов и других самоходных машин, если в конструкцию транспортного средства внесены изменения без разрешения Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации или иных органов, определяемых Правительством Российской Федерации.

С учётом изложенного совершённое деяние переквалифицируется с ч. 4 ст. 12² КоАП РФ на ч. 1 ст. 12⁵ КоАП РФ, которой установлена административная ответственность за управление транспортным средством при наличии неисправностей или условий, при которых в соответствии с Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанностями должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения эксплуатация транспортного средства запрещена, за исключением неисправностей и условий, указанных в чч. 2 - 7 этой статьи.

Постановление № 56-АД/4-6

***III. Разъяснения по вопросам применения
Кодекса Российской Федерации об административных
правонарушениях***

ВОПРОС 1. Вправе ли судья, орган, должностное лицо, в производстве которого находится дело об административном правонарушении, отказать в принятии в качестве доказательства по делу материалов видеозаписи, произведённой видеорегистратором, установленным в транспортном средстве?

ОТВЕТ. Согласно ст. 24¹ КоАП РФ задачами производства по делам об административных правонарушениях являются всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела, разрешение его в соответствии с законом, обеспечение исполнения вынесенного постановления, а также выявление причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений.

Как следует из смысла ст. 26¹ и 26² КоАП РФ, обстоятельства, имеющие отношение к делу об административном правонарушении, устанавливаются путём исследования доказательств, к которым относятся любые фактические данные, на основании которых судья, орган, должностное лицо, в производстве которого находится дело, определяет наличие или отсутствие события административного правонарушения, а также виновность лица, привлекаемого к административной ответственности.

В ч. 2 ст. 26² КоАП РФ закреплено, что эти данные могут быть установлены не только протоколом об административном

правонарушении, объяснениями лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, показаниями потерпевшего, свидетелей, заключениями эксперта, но и иными документами, к которым в силу ч. 2 ст. 26⁷ КоАП РФ могут быть отнесены материалы фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи.

Частью 1 ст. 25¹ и ч. 2 ст. 25² КоАП РФ лицу, в отношении которого ведётся производство по делу об административном правонарушении, а также потерпевшему гарантируется право представлять доказательства, а также пользоваться иными процессуальными правами в соответствии с названным кодексом.

Следовательно, судья не вправе отказать в приобщении к материалам дела такой видеозаписи, которая впоследствии должна быть оценена по правилам ст. 26¹¹ КоАП РФ наряду со всеми иными собранными по делу доказательствами.

Иной подход означал бы нарушение прав лица, в отношении которого ведётся производство по делу об административном правонарушении, а также прав потерпевшего, гарантированных ст. 25¹ и 25² КоАП РФ.

ВОПРОС 2. Образуют ли объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 20²⁵ КоАП РФ, действия лица, выразившиеся в уклонении от отбывания административного наказания в виде обязательных работ, в случае, если такое лицо считается подвергнутым административному наказанию по указанной норме?

ОТВЕТ. Согласно ст. 3¹³ КоАП РФ обязательные работы заключаются в выполнении физическим лицом, совершившим административное правонарушение, в свободное от основной работы, службы или учёбы время бесплатных общественно полезных работ.

В соответствии с ч. 4 ст. 20²⁵ КоАП РФ уклонение от обязательных работ является административным правонарушением и влечёт наложение административного штрафа в размере от ста пятидесяти тысяч до трехсот тысяч рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток.

Частью 8 ст. 109² Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» предусмотрено, что в случае уклонения должника от отбывания обязательных работ, выразившегося в невыходе на обязательные работы без уважительных причин и нарушении трудовой дисциплины, подтверждённых документами организации, в которую должник направлен для отбывания обязательных работ, судебный пристав-исполнитель составляет протокол об административном правонарушении в соответствии с

Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях.

В ч. 12 ст. 32¹³ КоАП РФ под уклонением лица, которому назначено административное наказание в виде обязательных работ, от отбывания этого вида административного наказания понимается неоднократный отказ от выполнения работ, и (или) неоднократный невыход такого лица на обязательные работы без уважительных причин, и (или) неоднократное нарушение трудовой дисциплины, подтвержденные документами организации, в которой лицо, которому назначено административное наказание в виде обязательных работ, отбывает обязательные работы.

Из системного толкования приведенных норм следует, что ч. 8 ст. 109² Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ носит бланкетный характер и отсылает к правилам исполнения административного наказания в виде обязательных работ, закреплённым в ч. 12 ст. 32¹³ КоАП РФ.

Таким образом, объективная сторона названного административного правонарушения характеризуется действиями лица, которому назначен этот вид административного наказания, выразившимися в неоднократном отказе от выполнения работ, и (или) неоднократном невыходе такого лица на обязательные работы без уважительных причин, и (или) неоднократном нарушении трудовой дисциплины, подтвержденных документами организации, в которой лицо, которому назначено административное наказание в виде обязательных работ, отбывает этот вид наказания (ч. 12 ст. 32¹³ КоАП РФ).

Анализ состава данного административного правонарушения позволяет прийти к выводу, что оно не является длящимся и окончено с момента повторного нарушения лицом, привлечённым к административной ответственности, порядка отбывания административного наказания в виде обязательных работ.

При этом согласно ч. 4 ст. 4¹ КоАП РФ назначение административного наказания не освобождает лицо от исполнения обязанности, за неисполнение которой оно было назначено.

Таким образом, лицо, привлечённое к административной ответственности за уклонение от исполнения административного наказания в виде обязательных работ, должно отбыть обязательные работы в течение всего назначенного срока наказания.

Учитывая изложенное и принимая во внимание, что административное правонарушение, предусмотренное ч. 4 ст. 20²⁵ КоАП РФ, окончено с момента повторного совершения действий, указанных в ч. 12 ст. 32¹³ КоАП РФ, лицо, совершившее административное правонарушение в виде уклонения от обязательных работ, может быть привлечено к административной ответственности за указанное

правонарушение неоднократно в течение всего срока отбывания этого вида наказания, то есть и в случае, когда такое лицо уже подвергалось административному наказанию по ч. 4 ст. 20²⁵ КоАП РФ.

ВОПРОС 3. Возможно ли привлечение к административной ответственности по ч. 1 ст. 20²⁵ КоАП РФ лица, ранее подвергнутого административному наказанию за неуплату административного штрафа по указанной норме?

ОТВЕТ. Согласно ч. 1 ст. 20²⁵ КоАП РФ неуплата административного штрафа в установленный законом срок влечёт наложение административного штрафа в двукратном размере, административный арест на срок до пятнадцати суток, либо обязательные работы на срок до пятидесяти часов.

Сроки уплаты административного штрафа закреплены в ч. 1 ст. 32² КоАП РФ и подлежат исчислению с момента вступления постановления по делу об административном правонарушении в законную силу либо со дня истечения срока отсрочки или срока рассрочки, предусмотренных ст. 31⁵ данного кодекса.

В силу ст. 30³ и 31¹ КоАП РФ постановление по делу об административном правонарушении вступает в законную силу, если оно не было обжаловано или опротестовано, по истечении десяти дней с момента получения или вручения копии постановления лицом, привлекаемым к административной ответственности.

Анализ состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20²⁵ КоАП РФ, позволяет прийти к выводу, что с объективной стороны оно характеризуется бездействием лица, выразившимся в неуплате административного штрафа в установленный законом срок, независимо от того, за какое первоначальное правонарушение лицу, его совершившему, было назначено административное наказание в виде штрафа.

Таким образом, неуплата административного штрафа, наложенного на основании ч. 1 ст. 20²⁵ КоАП РФ, образует самостоятельный состав административного правонарушения, предусмотренный названной нормой.

ВОПРОС 4. Обязан ли судья приостановить исполнение постановления о назначении административного наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации в случае принятия Европейским Судом по правам человека обеспечительных мер, предписывающих Российской Федерации воздержаться от выдворения привлеченного к административной ответственности лица?

ОТВЕТ. В силу ст. 31⁶ КоАП РФ судья, орган, должностное лицо, вынесшие постановление о назначении административного наказания, приостанавливают исполнение постановления в случае принесения протеста на вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении до рассмотрения протеста, а также в иных случаях, предусмотренных названным кодексом.

При этом КоАП РФ не предусматривает возможности приостановления исполнения постановления о назначении административного наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации в случае принятия Европейским Судом по правам человека обеспечительных мер, предписывающих Российской Федерации воздержаться от выдворения привлеченного к административной ответственности лица.

Вместе с тем согласно ч. 2 ст. 1¹ КоАП РФ указанный кодекс основывается на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах Российской Федерации. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законодательством об административных правонарушениях, то применяются правила международного договора.

В соответствии с правилом 39 Регламента Европейского Суда по правам человека (в редакции от 1 июля 2014 г.) по обращению стороны в деле или любого другого заинтересованного лица либо по своей инициативе Палата или, в соответствующих случаях, председатель секции или дежурный судья вправе указать сторонам на обеспечительные меры, которые следует принять в интересах сторон или надлежащего порядка проведения производства по делу. Согласно Практическому руководству по применению обеспечительных мер (правило 39 Регламента Европейского Суда по правам человека), изданному Европейским Судом по правам человека, указанные меры являются обязательными для государства, в отношении которого эти меры были приняты.

В силу ст. 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. государства-участники обязываются воздерживаться от любого действия или бездействия, которое может воспрепятствовать эффективному осуществлению права на индивидуальную жалобу в Европейский Суд. Неисполнение государством обеспечительных мер может представлять собой нарушение ст. 1, 34 названной конвенции.

Европейский Суд придает особое значение обеспечительным мерам. Их цель, подчеркивается Европейским Судом, не только в осуществлении эффективного рассмотрения жалобы, но также в обеспечении эффективной защиты, предоставляемой заявителю

Конвенцией; такое указание впоследствии позволит Комитету Министров контролировать исполнение окончательного постановления Европейского Суда. Следовательно, указанные меры позволяют соответствующему государству соблюдать свое обязательство исполнять окончательное постановление Европейского Суда, которое имеет обязательную силу в соответствии со ст. 46 Конвенции. Решающее значение обеспечительных мер дополнительно подкрепляется тем фактом, что Европейский Суд указывает на них, как правило, в исключительных случаях на основании тщательного рассмотрения всех относимых обстоятельств. В большинстве подобных случаев заявители сталкиваются с реальной угрозой жизни и здоровью и последующей реальной угрозой тяжкого невосполнимого вреда в нарушение ключевых положений Конвенции. Эта важная роль обеспечительных мер в конвенционной системе не только подкрепляет правовое влияние на заинтересованные государства, как установлено последовательной прецедентной практикой, но также придает максимальное значение вопросу о соблюдении государствами-участниками указаний Европейского Суда в этом отношении (пп. 212 - 213 постановления от 25 апреля 2013 г. по делу *«Савриддин Джураев против Российской Федерации»*).

Таким образом, исходя из ч. 2 ст. 1¹ КоАП РФ и с учетом международно-правовых обязательств Российской Федерации, в случае принятия Европейским Судом по правам человека согласно правилу 39 Регламента обеспечительных мер, предписывающих Российской Федерации воздержаться от любых действий по высылке или выдаче или иному принудительному перемещению заявителя в третье государство, судье следует приостановить исполнение постановления о назначении административного наказания в виде административного выдворения.

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Судебная практика по гражданским делам

Военнослужащий, подлежащий обеспечению жильём для постоянного проживания на весь период военной службы по месту её прохождения, при увольнении, не связанном с предельным возрастом пребывания на военной службе, организационно-штатными мероприятиями или состоянием здоровья, оснований для обеспечения жильём по избранному месту жительства в ином населённом пункте не имеет.

Северо-Кавказский окружной военный суд 13 ноября 2013 г. отменил в апелляционном порядке решение Нальчикского гарнизонного военного суда от 5 августа 2013 г. об отказе Б. в удовлетворении заявления, в котором он просил признать незаконным утверждённое начальником Пограничного управления ФСБ России по Кабардино-Балкарской Республике (далее – Пограничное управление) решение жилищной комиссии в части отказа в изменении избранного им после увольнения с военной службы постоянного места жительства с г. Нальчика, где он проходил военную службу, на г. Пушкин Ленинградской области, и принял новое решение, которым данное решение жилищной комиссии признал незаконным.

В кассационной жалобе начальник Пограничного управления просил апелляционное определение отменить, а решение суда первой инстанции оставить в силе. В обоснование жалобы указывалось, что в связи с заключением заявителем первого контракта о прохождении военной службы до 1 января 1998 г. и увольнением в запас по истечении срока контракта он подлежит обеспечению на весь период службы жилым помещением на общих основаниях только по месту военной службы.

Рассмотрев материалы гражданского дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих признала, что судом апелляционной инстанции при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что Б. заключил первый контракт о прохождении военной службы 27 сентября 1993 г. и был назначен на воинскую должность после окончания военно-учебного заведения до 1 января 1998 г. 22 июля 2013 г., по истечении срока одного из новых контрактов, он принял решение об увольнении с военной службы в запас.

Оснований для увольнения с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, в связи с организационно-штатными мероприятиями и по состоянию здоровья у заявителя не имелось.

Ввиду обеспечения по месту военной службы в г. Нальчике служебным жилым помещением Б. по его заявлению был признан нуждающимся в жилом помещении по договору социального найма в том же населённом пункте.

Полагая, что он вправе быть обеспеченным жилым помещением по избранному постоянному месту жительства, заявитель повторно обратился в жилищную комиссию с заявлением о постановке на жилищный учёт для получения жилья в г. Пушкине Ленинградской области, однако на основании решения жилищной комиссии

Пограничного управления, утверждённого начальником управления, получил отказ.

Признавая отказ законным, гарнизонный военный суд со ссылкой на положения ст. 15 и 23 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» пришёл к выводу о праве заявителя быть обеспеченным жилым помещением по договору социального найма по месту военной службы и об отсутствии законных оснований для обеспечения его таким жильём по избранному месту жительства в ином населённом пункте.

Принимая по делу новое решение, суд апелляционной инстанции посчитал, что наличие у Б. права на выбор места жительства после увольнения с военной службы указывает на обязанность командования обеспечить его в этом месте жительства жилым помещением, в связи с чем положения федерального закона о праве военнослужащих, подлежащих обеспечению на весь период службы жилым помещением на общих основаниях и увольняемых по истечении срока контракта, только на жилое помещение по месту военной службы противоречат конституционному принципу о равенстве всех перед законом.

Такой вывод основан на неправильном толковании закона.

Согласно п. 1 ст. 15 Закона Российской Федерации от 22 января 1993 г. № 4338-1 «О статусе военнослужащих» военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, на первые пять лет военной службы (не считая времени обучения в военных образовательных учреждениях профессионального образования) предоставлялись служебные жилые помещения или общежития, а при продолжении военной службы свыше этих сроков – жилые помещения на общих основаниях.

Данный закон утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (далее – Федеральный закон № 76-ФЗ).

Согласно абзацу третьему п. 1 ст. 15 Федерального закона № 76-ФЗ военнослужащим, заключившим контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г. (за исключением курсантов военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования), предоставляется субсидия для приобретения или строительства жилого помещения либо жилые помещения, находящиеся в федеральной собственности, по выбору указанных граждан в собственность бесплатно или по договору социального найма, а при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более – по избранному месту жительства.

Содержание названных норм в их взаимосвязи указывает на то, что военнослужащие, заключившие контракт и назначенные после окончания военно-учебного заведения на воинские должности до 1 января 1998 г., подлежат обеспечению жилыми помещениями на общих основаниях по месту военной службы (в старой редакции Федерального закона № 76-ФЗ – после пяти лет военной службы после окончания военно-учебного заведения).

Каких-либо оснований для обеспечения таких военнослужащих жилыми помещениями для постоянного проживания не по месту военной службы в период её прохождения не имеется.

Согласно абзацу третьему п. 1 ст. 15 Федерального закона № 76-ФЗ право на обеспечение жилым помещением по избранному месту жительства у них возникает при увольнении с военной службы только при наличии определённых условий, а именно при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более.

Что касается военнослужащих, обеспечиваемых на весь период военной службы только служебным жильём, то в силу абзаца двенадцатого п. 1 ст. 15 Федерального закона № 76-ФЗ таким военнослужащим в случае их признания нуждающимися в жилых помещениях по достижении общей продолжительности военной службы 20 лет и более предоставляется жилищная субсидия или жилые помещения, находящиеся в федеральной собственности, по выбору указанных граждан в собственность бесплатно или по договору социального найма с указанным федеральным органом исполнительной власти по избранному постоянному месту жительства.

Поскольку Б. на весь период военной службы подлежал обеспечению жильём для постоянного проживания по месту прохождения военной службы и у него отсутствовали основания для увольнения по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, в связи с организационно-штатными мероприятиями или по состоянию здоровья, оснований для обеспечения его таким жильём по избранному месту жительства в ином населённом пункте не имелось.

Право заявителя при увольнении в запас на выбор постоянного места жительства, отличного от места военной службы, вопреки утверждению суда апелляционной инстанции, не предполагает в данном конкретном случае обязанность командования обеспечить его в этом месте жительства жилым помещением.

Что касается ссылки окружного военного суда на противоречие названных выше положений федерального закона конституционному принципу равенства всех перед законом, то она является ошибочной.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в определении от 14 мая 2013 г. № 693-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Нижегородцева Дмитрия Валерьевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», дифференциация в формах обеспечения жильём подлежащих увольнению с военной службы военнослужащих, заключивших первый контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г. и после этой даты, будучи обусловленной различиями в обеспечении их жильём в период прохождения военной службы и другими юридически значимыми обстоятельствами, не влечёт отступления от конституционного принципа равенства, поскольку данный принцип, гарантируя одинаковые права и обязанности для лиц, относящихся к одной категории субъектов права, не исключает возможность установления дифференцированного режима для различных категорий лиц, если такая дифференциация обусловлена объективными факторами и не носит произвольного, дискриминирующего характера. Подобный подход свидетельствует о намерении законодателя обеспечить преемственность нормативного регулирования права на жилище тех военнослужащих, на которых не распространяются новые, дополнительные формы обеспечения жилищных прав, не допустив при этом снижения ранее достигнутого уровня их социальной защищённости.

Таким образом, вывод суда первой инстанции о правомерности решения жилищной комиссии Пограничного управления об отказе в постановке заявителя на жилищный учёт для получения жилья в г. Пушкине Ленинградской области является правильным.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих апелляционное определение Северо-Кавказского окружного военного суда от 13 ноября 2013 г. отменила и оставила в силе решение Нальчикского гарнизонного военного суда от 5 августа 2013 г. по заявлению Б.

Определение № 205-КГ14-49

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЁННЫХ НАЦИЙ

В силу п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; ст. 3 – 33). Согласно п. «b» ч. 3 ст. 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

Практика международных (межгосударственных) органов, контролирующая исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении уголовных, гражданских дел, дел по экономическим спорам, а также дел об административных правонарушениях учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными договорными органами.

В сфере уголовно-правовых отношений

Комитет ООН по правам человека¹

Сообщение: *Михаил Пустовойт против Украины*. Сообщение № 1405/2005. Сообщение принято Комитетом 5 ноября 2013 г.

Тема сообщения: вынесение приговора о пожизненном заключении после несправедливого судебного разбирательства

Вопрос существа: равенство перед законом; пытки или жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание; права на защиту; право на заслушивание свидетелей; право не быть

¹ Комитет ООН по правам человека (далее – Комитет) действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (далее – Пакт) и Факультативного протокола к Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства - продолжателя Союза ССР признаёт компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под её юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

принуждаемым давать признательные показания; свобода искать, получать и распространять информацию.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что содержащееся в ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – Пакт) запрещение² дополняется позитивными требованиями п. 1 ст. 10 Пакта, в котором предусматривается, что «все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности»³. Он также напоминает о своём Замечании общего порядка № 21, где на государство-участника возлагается позитивное обязательство гарантировать уважение человеческого достоинства всех лиц, лишённых свободы, и обеспечивать им пользование «всеми правами, предусмотренными в Пакте, при условии соблюдения ограничений, неизбежных для жизни в неволе»⁴. Кроме того, Комитет напоминает о своём Замечании общего порядка № 32, в соответствии с которым «все государственные органы власти обязаны воздерживаться от предрешения исхода судебного разбирательства. В ходе судебного разбирательства подсудимые по общему правилу не должны заковываться в наручники или содержаться в клетках или каким-либо иным образом представлять на суде в облиии, указывающем на то, что они могут быть опасными преступниками»⁵, так как это может привести к нарушению п. 1 ст. 14 Пакта. Комитет ... отмечает, что п. 3 b) ст. 14 Пакта содержит важные элементы, направленные на обеспечение принципов справедливого судебного разбирательства, включая право обвиняемого на получение и использование документов, которые необходимы для подготовки защиты (п. 9² Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что государство-участник не доказало, что принятые в отношении автора меры соответствовали ст. 7 и пп. 1 и 3 b) ст. 14 Пакта.

² В силу ст. 7 Пакта «никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению или наказанию. В частности, ни одно лицо не должно без его свободного согласия подвергаться медицинским или научным опытам».

³ Замечание общего порядка № 20, п. 2.

⁴ Замечание общего порядка № 21 (1992 год) о гуманном обращении с лицами, лишёнными свободы, п. 3. *Официальные отчёты Генеральной Ассамблеи, сорок седьмая сессия. Дополнение № 40 (A/47/40), приложение VI, раздел B.*

⁵ Замечание общего порядка № 32 (2007 год) о праве на равенство перед судами и трибуналами и о праве каждого на справедливое судебное разбирательство, п. 30. *Официальные отчёты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят вторая сессия. Дополнение № 40, том I (A/62/40 (том I), приложение VI; и сообщение № 2120/2011, Ковалева и Козьяр против Беларуси. Соображения, принятые 29 октября 2012 г., п. 11⁴.*

В частности, оно не доказало, что помещение автора в металлическую клетку во время открытого судебного процесса в Верховном Суде с руками в наручниках за спиной было необходимо в целях обеспечения безопасности или отправления правосудия⁶ и что не было никаких других альтернативных возможностей, согласующихся с человеческим достоинством автора и с необходимостью избежать представления автора суду в облинии опасного преступника. Государство-участник также не доказало, что использование наручников в отношении автора, когда он знакомился с протоколом судебного заседания или когда его кассационная жалоба рассматривалась Верховным Судом, согласуется с его правом иметь достаточные возможности для подготовки своей защиты. По этой причине и в отсутствие другой приобщённой к делу информации Комитет приходит к выводу о том, что представленные факты свидетельствуют о нарушении прав автора, предусмотренных в ст. 7 Пакта, ввиду унижающего достоинство обращения с ним в ходе судебного разбирательства, о нарушении его прав, предусмотренных в п. 3 б) ст. 14 Пакта, ввиду вмешательства в подготовку его защиты и о нарушении его прав, предусмотренных в ст. 7 в сочетании с п. 1 ст. 14 Пакта, ввиду унижающего достоинство обращения, которое повлияло на справедливость судебного разбирательства (п. 9³ Решения).

Выводы Комитета: Комитет констатирует, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении государством-участником ст. 7 и п. 3 б) ст. 14, а также ст. 7 в совокупности с п. 1 ст. 14 Пакта (п. 10 Решения).

Сообщение: *Франком Китенге Баруани против Демократической Республики Конго*. Сообщение № 441/2010. Решение принято Комитетом 5 ноября 2013 г.

⁶ В соответствии с принципом 1 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (1988 год), все лица, подвергнутые задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности. Кроме того, в соответствии с п. 2 принципа 36 Свода принципов арест или задержание такого лица на период проведения следствия и судебного разбирательства осуществляется только в целях отправления правосудия на основаниях и в соответствии с условиями и процедурами, установленными законом. Запрещается введение ограничений в отношении такого лица, в которых нет непосредственной необходимости с точки зрения целей задержания или устранения помех для хода расследования или отправления правосудия, или поддержания безопасности и порядка в месте задержания.

Тема сообщения: произвольный арест и пытки; обвинения в шпионаже в пользу другого государства и в намерении свергнуть правительство.

Вопрос существа: пытки или жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание; произвольный арест, произвольное или незаконное вмешательство в личную и семейную жизнь, посягательство на неприкосновенность жилища.

Правовые позиции Комитета: в связи с п. 4 своего Замечания общего порядка № 8 (1982 год) по ст. 9 Пакта (право на свободу и личную неприкосновенность) и согласно своей правовой практике Комитет напоминает, что понятие «носящий произвольный характер» нельзя отождествлять с понятием «противозаконный», но его следует толковать более широко, включая в него элементы неуместности, несправедливости, непредсказуемости и ненадлежащего соблюдения норм процессуального права⁷. Это означает, что содержание под стражей должно быть не только законным, но также разумным и необходимым в любых обстоятельствах (п. 6⁵ Решения).

Комитет напоминает о п. 2 своего Замечания общего порядка № 8 и о своей правовой практике⁸, согласно которым значение термина «в срочном порядке» в соответствии с п. 3 ст. 9 должно определяться в каждом конкретном случае отдельно, однако такие задержки не должны превышать нескольких дней. Комитет ... напоминает, что срок задержания лица полицией до момента доставки такого лица к судье не должен превышать 48 часов⁹. Для соблюдения положений п. 3 ст. 9 Пакта любое превышение этого срока требует особого обоснования¹⁰(п. 6⁸ Решения).

⁷ См. сообщения № 1134/2002, *Горджи-Динка против Камеруна*. Соображения, принятые 17 марта 2005 г., п. 5¹; и *Ван Альфен против Нидерландов*, п. 5⁸.

⁸ Комитет счёл, что с учётом отсутствия каких-либо разъяснений государства-участника трёхдневная задержка в доставлении лица к судье не удовлетворяет требованию срочности, по смыслу п. 3 ст. 9 (см. сообщение № 852/1999, *Борисенко против Венгрии*. Соображения, принятые 14 октября 2002 г., п. 7⁴). См. также сообщения № 1910/2009, *Жук против Беларуси*, Соображения, принятые 30 октября 2013 г., п. 8³; № 2120/2011, *Ковалева и Козьяр против Беларуси*. Соображения, принятые 29 октября 2012 г., п. 11³; № 1787/2008, *Кови против Беларуси*, Соображения, принятые 27 марта 2013 г., пп. 7³–7⁵.

⁹ См. сообщение № 1592/2007, *Пичугина против Беларуси*. Соображения, принятые 17 июля 2013 г., п. 7⁴.

¹⁰ См. *Борисенко против Венгрии*, п. 7⁴. См. также принцип 7 Основных принципов, касающихся роли юристов, *восьмой Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.91.IV.2).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет приходит к выводу о том, что обращение¹¹, которому подвергся автор со стороны сотрудников национальной разведывательной службы с целью получения признания о его связях с правительством Руанды и о его плане по свержению правительства Демократической Республики Конго, представляет собой нарушение ст. 7 Пакта (п. 6⁴ Решения).

В связи со ст. 9 Пакта Комитет отмечает, что 16 апреля 2002 г. автор был арестован сотрудниками Особого управления полиции при Президенте, что в июле 2002 года он был доставлен в Суд государственной безопасности и что он содержался под стражей до 4 октября 2002 г. (п. 6⁵ Решения).

Имеющаяся в распоряжении Комитета информация позволяет предположить, что автор сообщения был арестован без соответствующего ордера сотрудниками Особого управления полиции при Президенте, что он был обвинён в шпионаже в пользу Руанды и в покушении на организацию переворота против Президента. Кроме того, имеющаяся в распоряжении Комитета информация не подтверждает того, что автору было предъявлено официальное обвинение, или того, что он был проинформирован о причинах своего ареста или о его юридическом обосновании. Он содержался под стражей с 16 апреля до июля 2002 года без доступа к правовой помощи и не имел контактов со своей семьёй до своего освобождения в октябре 2002 года. Он был доставлен в суд без предварительного уведомления, ему не было предъявлено никаких доказательств его вины, и он не был обвинён в совершении какого бы то ни было преступления. За отсутствием каких-либо объяснений со стороны государства-участника относительно законности, обоснованности и необходимости помещения под стражу автора Комитет считает, что имело место нарушение п. 1 ст. 9 Пакта (п. 6⁶ Решения).

Комитет считает, что, хотя автор был обвинён в преступлениях против общественной безопасности, отсутствие каких-либо официальных обвинений, информации об основаниях для ареста и о юридическом обосновании такого ареста, арест автора и его содержание под стражей представляют собой нарушение п. 2 ст. 9 Пакта (п. 6⁷ Решения).

Комитет считает, что задержка доставки автора сообщения [в суд] сроком в три месяца несовместима с требованием срочности, которое предусмотрено в п. 3 ст. 9 Пакта, и, таким образом, представляет собой нарушение этого положения (п. 6⁸ Решения).

¹¹ пытки, жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение.

Комитет считает, что отсутствие каких-либо представленных автору доказательств в связи с выдвигаемыми против него обвинениями и его содержание под стражей без доступа к адвокату или каких-либо контактов со своей семьей фактически лишили его возможности оспорить законность своего помещения под стражу в суде и, следовательно, являются нарушением п. 4 ст. 9 Пакта (п. 6⁹ Решения).

Выводы Комитета: Комитет констатирует, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении государством-участником ст. 7 и 9 Пакта (п. 7 Решения).

В соответствии с п. 3 ст. 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору эффективные средства правовой защиты, в частности: а) проведение тщательного и эффективного расследования его жалоб о пытках и жестоком обращении; б) обеспечение преследования, доставки в суд и наказания лиц, ответственных за совершённые нарушения; с) предоставление адекватной компенсации и принесение официальных публичных извинений автору сообщения и его семье за допущенные нарушения. Государству-участнику следует также принять меры по недопущению аналогичных нарушений в будущем (п. 8 Решения).

Сообщение: *Декстер Эдди Джонсон против Ганы*. Сообщение № 2177/2012. Решение принято Комитетом 27 марта 2014 г.

Тема сообщения: обязательная смертная казнь.

Правовые позиции Комитета: Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой автоматическое и обязательное назначение смертной казни представляет собой произвольное лишение жизни в нарушение п. 1 ст. 6 Пакта при обстоятельствах, когда смертная казнь назначается без учёта личных обстоятельств обвиняемого или обстоятельств конкретного преступления¹². Существование де-факто моратория на смертную казнь недостаточно для обеспечения соответствия обязательного смертного приговора положениям Пакта¹³. Комитет напоминает, что существование права ходатайствовать о помиловании или смягчении приговора, как этого требует п. 4 ст. 6

¹² В частности, сообщения № 1520/2006, *Мвамба против Замбии*. Соображения, принятые 10 марта 2010 г., п. 6³; № 1132/2002, *Чисанга против Замбии*. Соображения, принятые 18 октября 2005 г., п. 7⁴; № 845/1998, *Кеннеди против Тринидада и Тобаго*. Соображения, принятые 26 марта 2002 г., п. 7³ и № 806/1998, *Томпсон против Сент-Винсента и Гренадин*. Соображения, принятые 18 октября 2000 г., п. 8².

¹³ Сообщение № 1406/2005, *Вираванса против Шри-Ланки*. Соображения, принятые 17 марта 2009 г., п. 7².

Пакта, не обеспечивает адекватной защиты права на жизнь, поскольку эти дискреционные меры исполнительной власти сопряжены с широким комплексом иных соображений в сопоставлении с надлежащим судебным рассмотрением всех аспектов уголовного дела¹⁴(п. 7³ Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению заявления автора в соответствии с п. 1 ст. 6 Пакта о том, что раздел 46 Закона об уголовных преступлениях и других правонарушениях предусматривает смертную казнь в качестве единственно возможного наказания за преступление в форме убийства и что в Конституции государства-участника ничего не говорится о том, должен ли смертный приговор обязательно применяться в отношении лица, совершившего преступление в форме убийства. Комитет также принимает к сведению заявления государства-участника о том, что осуждённые могут обращаться с ходатайством о помиловании к Президенту; что Гана де-факто придерживается аболиционистской политики¹⁵ в отношении применения смертной казни, а также что смертные приговоры не выносятся в отношении некоторых категорий правонарушителей, в том числе беременных женщин, кормящих матерей, несовершеннолетних и лиц, страдающих психическими расстройствами и заболеваниями. Признавая, что государство-участник де-факто придерживается аболиционистской политики в отношении применения смертной казни, Комитет принимает во внимание заявление автора о том, что де-факто мораторий не даёт гарантии, что смертный приговор не будет приведён в исполнение впоследствии. В связи с этим Комитет отмечает заявление государства-участника о том, что оно до настоящего времени не проголосовало за резолюцию 62/149 Генеральной Ассамблеи, призывающую к введению всемирного моратория на смертную казнь (п. 7² Решения).

Комитет отмечает, что в данном случае при рассмотрении дела в суде первой инстанции и в апелляционном суде отсутствовала свобода судейского усмотрения для отказа после признания автора виновным в убийстве от назначения ему единственной предусмотренной законом меры наказания, то есть смертной казни. Комитет далее отмечает, что, хотя законодательство государства-участника исключает применение смертной казни для определённых категорий лиц, обязательное применение смертной казни для всех иных правонарушителей основано исключительно на категории преступления, в котором правонарушитель

¹⁴ Сообщение № 806/1998, *Томпсон против Сент-Винсента и Гренадин*. Соображения, принятые 18 октября 2000 г., п. 8².

¹⁵ Отказ от применения смертной казни.

признан виновным, без предоставления судье какой-либо возможности для оценки обстоятельств конкретного правонарушения (п. 7³ Решения).

Выводы Комитета: автоматическое назначение по делу автора смертной казни на основании раздела 46 Закона об уголовных преступлениях и других правонарушениях является нарушением прав автора, предусмотренных в п. 1 ст. 6 Пакта. Комитет также напоминает государству-участнику, что, став участником Пакта, оно обязалось принять законодательные меры, необходимые для выполнения его правовых обязательств¹⁶ (п. 7³ Решения).

В соответствии с п. 3 а) ст. 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору сообщения эффективное средство правовой защиты, включая замену назначенного автору наказания в виде смертной казни более мягким наказанием. Государство-участник также обязано принять меры для недопущения подобных нарушений в будущем, в том числе путём приведения своего законодательства в соответствие с положениями Пакта (п. 9 Решения).

Комитет ООН против пыток

См. приведённое ниже дело *Абделмалек против Алжира* (п. 11⁹ Решения)

В сфере административно-правовых отношений

Комитет ООН по правам человека¹⁷

Сообщение: *Клод Ори против Франции*. Сообщение № 1960/2010. Соображение принято Комитетом 28 марта 2014 г.

Тема сообщения: привлечение к ответственности члена «странствующей общины» за отсутствие автомобильной страховки и разрешения на передвижение.

Вопрос существа: право на свободу передвижения; дискриминация и равная защита закона.

Правовые позиции Комитета: Комитет ссылается на своё Замечание общего порядка № 27 (1999 год) о свободе передвижения, согласно которому ограничения, которые могут вводиться в отношении

¹⁶ Пункт 2 ст. 2 Пакта и Замечание общего характера № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства-участники Пакта. Официальные отчёты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят девятая сессия. Дополнение № 40, том I (A/59/40 (Vol.I), приложение III, пп. 7 и 13.

¹⁷ Комитет ООН по правам человека (далее – Комитет).

прав, защищаемых ст. 12 Пакта, не должны подрывать принцип свободы передвижения и должны регулироваться требованием о необходимости, предусмотренным в п. 3 этой статьи, и необходимостью обеспечения совместимости с другими признанными в Пакте правами¹⁸ (п. 8³ Решения).

Комитет признаёт, что для обеспечения безопасности и общественного порядка государству-участнику необходимо принимать контрольные меры к тому, чтобы лица, которые регулярно меняют место жительства, были и оставались идентифицируемыми и доступными для контакта (п. 8⁴ Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: согласно ст. 5 Закона от 3 января 1969 г. № 69-3 о занятии разъездными видами деятельности и о режиме, применяемом к лицам без определённого местожительства или местопребывания, совершающим поездки по Франции, которая была применима к автору на момент совершения указанных действий, налагала на лиц, не имеющих определённого местожительства или местопребывания в течение более 6 месяцев, проживающих в мобильном жилье и не получающих регулярного дохода, обязанность иметь для передвижения по Франции путевую книжку с условием её обязательного ежеквартального визирования. Статья 20 Указа от 31 июля 1970 г. № 70-708 также гласит, что в случае неполучения такой визы в установленный срок на соответствующее лицо налагается штраф, предусмотренный за правонарушение пятой категории¹⁹. Без сомнения, это положение ограничивает осуществление соответствующими лицами права на свободное передвижение (п. 1 ст. 12). Следовательно, Комитет должен определить, является ли такое ограничение допустимым с точки зрения п. 3 ст. 12 Пакта (п. 8³ Решения).

Комитет отмечает, что государство-участник не продемонстрировало, что необходимость являться через определённые периоды времени для визирования путевой книжки и вводить за нарушение этой обязанности уголовное наказание в виде штрафа (ст. 20 Указа от 31 июля 1970 г. № 70-708) является необходимой и соразмерной ожидаемому результату мерой. Из этого Комитет заключает, что подобное ограничение права на свободное передвижение автора не было

¹⁸ См. Замечание общего порядка № 27 (1999 год), *Официальные отчёты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят пятая сессия, Дополнение № 40*, том I, (A/55/40 (Vol. I), приложение VI, раздел A, п. 2.

¹⁹ Статья 131-13 Уголовного кодекса предусматривает, что правонарушениями пятой категории являются проступки, которые по закону наказываются штрафом в размере не более 1 500 евро; при повторном нарушении эта сумма может быть увеличена до 3 000 евро.

совместимо с условиями, предусмотренными в п. 3 ст. 12, и, следовательно, явилось нарушением п. 1 ст. 12 Пакта в отношении автора (п. 8⁵ Решения).

Выводы Комитета: Комитет считает, что указанные факты представляют собой нарушение государством-участником п. 1 ст. 12 Пакта (п. 9 Решения).

В соответствии с подп. а) п. 3 ст. 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору эффективное средство правовой защиты, в том числе ... снятие судимости и выплату надлежащей компенсации за понесённый ущерб, а также пересмотр соответствующих законодательных положений и практики их применения, принимая во внимание свои обязательства по Пакту. Государство-участник также обязано предпринять шаги по недопущению подобных нарушений в будущем (п. 10 Решения).

Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин²⁰

Сообщение: *Анхела Гонсалес Карреньо против Испании.* Сообщение № 47/2012. Решение принято Комитетом 16 июля 2014 г.

Правовые позиции Комитета: Комитет подчеркивает, что его задача заключается в оценке решений, принятых национальными органами власти в сфере их компетенции, на предмет их соответствия Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее – Конвенция) и в определении того, насколько принявшие эти решения органы власти принимали во внимание вытекающие из Конвенции обязательства (п. 9² Решения).

Комитет напоминает, что в вопросах попечительства над детьми и прав на свидание приоритет интересов ребёнка имеет первостепенное значение и что при принятии соответствующих решений национальные органы обязаны учитывать наличие контекста насилия в семье (п. 9⁴ Решения).

²⁰ Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее – Комитет) действует на основании Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 18 декабря 1979 г. Российская Федерация является участником данного протокола и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее – Конвенция), а также признаёт компетенцию Комитета на получение индивидуальных сообщений получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под её юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

Комитет также напоминает о своей общей рекомендации № 19, в соответствии с которой насилие в отношении женщины, которое ограничивает возможность пользоваться своими человеческими правами и фундаментальными свободами или вообще лишает такой возможности, в соответствии с международным правом или различными конвенциями о правах человека представляет собой дискриминацию, как она определяется в ст. 1 Конвенции²¹. Эта дискриминация не ограничивается действиями, совершёнными правительствами непосредственно или от их имени. Например, в силу п. е) ст. 2 Конвенции государства-участники обязуются принимать соответствующие меры для искоренения дискриминации в отношении женщин со стороны любых частных лиц, организаций или предприятий. На этом основании Комитет считает, что государства также несут ответственность за действия частных лиц, если они не проявляют надлежащего усердия в отношении предотвращения актов насилия и возмещения вреда жертвам (п. 9⁶ Решения).

Комитет напоминает, что в соответствии с п. а) ст. 2 Конвенции государства-участники обязаны обеспечивать законными и иными соответствующими средствами практическое выполнение принципа равенства мужчины и женщины и что в соответствии с п. f) ст. 2 и п. а) ст. 5 государства-участники обязаны принимать необходимые меры с целью изменения или отмены не только законов и существующих правил, но также обычаев и практики, которые дискриминируют женщин. Государства-участники также обязаны в соответствии с п. 1 ст. 16 принимать все необходимые меры по искоренению дискриминации в отношении женщин во всех вопросах, касающихся замужества и семейных отношений. В связи с этим Комитет отмечает, что стереотипы затрагивают право женщины на беспристрастное судебное разбирательство и что судебный корпус не должен применять жёсткие стандарты на основе предвзятых представлений о том, что представляет собой насилие в семье²² (п. 9⁷ Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: вопрос, стоящий перед Комитетом, касается ответственности государства за невыполнение своего долга заботиться о гражданах в отношении обстоятельств, приведших к убийству дочери автора. Комитет считает доказанным, что убийство связано с общим контекстом насилия в семье, которое имело место на протяжении нескольких лет, и это не оспаривается государством-участником. Данный контекст также включает отказ Ф.Р.К.²³ от выплаты алиментов и спор по поводу

²¹ Общая рекомендация № 19 о насилии в отношении женщин, пп. 6 и 7.

²² Сообщение № 20/2008, *В.К. против Болгарии*, заключение от 25 июля 2011 г., п. 9¹¹.

²³ Супруг А.Г. Карреньо, являющейся автором сообщения.

пользования семейным жилищем. Определяющим фактором данного дела, таким образом, является вопрос о том, в какой степени национальные органы проявили надлежащее усердие в этом деле и насколько продуманными были их решения с целью защиты автора и её дочери от возможных рисков в обстановке продолжительного насилия в семье (п. 9² Решения).

Комитет принимает к сведению аргументацию государства-участника в том смысле, что было невозможно предвидеть поведение Ф.Р.К. и что ничто не предвещало, судя по отчётам психологов и социальных служб, опасности для жизни или физического и психического здоровья несовершеннолетней. В свете содержащейся в деле информации Комитет не может согласиться с таким утверждением по следующим причинам. Во-первых, Комитет отмечает, что окончательному расторжению брака, объявленному 27 ноября 2001 г., предшествовала целая серия насильственных действий, направленных на автора, свидетелем которых часто оказывалась несовершеннолетняя дочь. Предписания судов в отношении раздельного проживания супругов игнорировались Ф.Р.К. без каких-либо юридических последствий для него. Единственный случай его наказания за оскорбления имел место в 2000 году, однако наказание ограничилось штрафом в размере 45 евро. Во-вторых, несмотря на обращения автора, в выданных властями приказах о раздельном проживании супругов ничего не говорилось о несовершеннолетней, а одно предписание 2000 года о раздельном проживании супругов, вынесенное в пользу автора, так и не было исполнено в результате апелляции, поданной Ф.Р.К., с целью не навредить отношениям между отцом и дочерью. В-третьих, в отчётах социальных служб неоднократно указывалось на то, что Ф.Р.К. использовал дочь для передачи враждебных высказываний в адрес автора. Также в них отмечалось, что для Ф.Р.К. трудно адаптироваться к малому возрасту несовершеннолетней. В-четвёртых, в одной из психологических экспертиз от 24 сентября 2001 г. в отношении Ф.Р.К. указывалось на наличие «маниакально-навязчивого расстройства с элементами психоза по поводу неверности сексуального партнера и тенденцией к искажению действительности, которая может привести к расстройству параноидального характера». В-пятых, в течение нескольких месяцев, на протяжении которых продолжались свидания без надзора, в ряде отчётов отмечалась вероятность неадекватных ситуаций, включая настойчивые расспросы несовершеннолетней отцом относительно частной жизни матери, а также необходимость сохранения контроля над режимом свиданий. Комитет также отмечает, что с момента разъезда супругов Ф.Р.К. систематически и без какого-либо оправдания не выполнял своё обязательство по выплате алиментов. Несмотря на неоднократные жалобы со стороны автора, указывавшей на

своё сложное экономическое положение, судебные органы приняли решение о блокировании счёта Ф.Р.К., на который зачислялась зарплата, только 13 февраля 2003 г. Аналогичным образом автор была вынуждена прождать три года, пока суд не провёл слушание по рассмотрению её обращения относительно пользования семейным жилищем (п. 9³ Решения).

Комитет отмечает, что за время установленного судом режима свиданий как судебные органы, так и социальные службы и эксперты-психологи свою основную задачу видели в нормализации отношений отца с дочерью, несмотря на оговорки, сделанные обеими этими службами по поводу поведения Ф.Р.К. В принятых этими службами решениях не отражена заинтересованность всесторонне оценить то, какую пользу или какой вред мог принести для несовершеннолетней установленный режим. Также следует отметить, что решение о переходе на режим свиданий без надзора было принято без предварительного выяснения мнения автора и её дочери и что не был принят во внимание в этих условиях продолжавшийся отказ Ф.Р.К. от выплаты алиментов. Все эти факты свидетельствуют о шаблонности действий на основе стереотипных представлений о праве на свидания, базирующихся на формальном равенстве, которое в данном случае давало явное преимущество отцу, несмотря на его противоправное поведение, и усугубляло положение матери и дочери как жертв насилия, ставя их в уязвимое положение. В связи с этим Комитет напоминает, что в вопросах попечительства над детьми и прав на свидание приоритет интересов ребёнка имеет первостепенное значение и что при принятии соответствующих решений национальные органы обязаны учитывать наличие контекста насилия в семье (п. 9⁴ Решения).

Комитет считает, что первоначально действия органов власти государства-участника были направлены на защиту несовершеннолетней исходя из контекста насилия в семье. Однако разрешение на свидания без надзора было предоставлено без соблюдения необходимой предосторожности и без учёта того, что характер насилия, определявший семейные отношения на протяжении ряда лет (что не оспаривается государством-участником) не изменился. В связи с этим достаточно вспомнить о судебном решении от 17 июня 2002 г. в отношении отдельных проявлений неадекватного обращения Ф.Р.К. с дочерью или что в тот период Ф.Р.К. продолжал безнаказанно уклоняться от обязанности уплаты алиментов и пользоваться семейным жилищем, несмотря на претензии автора в этом отношении (п. 9⁵ Решения).

В данном деле Комитет считает, что государственные органы при вынесении решения об установлении режима свиданий без надзора

исходили из стереотипных, а следовательно, дискриминационных представлений в контексте насилия в семье и не выполнили своё обязательство по обеспечению надлежащего надзора и, соответственно, обязательство согласно пп. а), d), е) и f) ст. 2, п. а) ст. 5 и подп. d) п. 1 ст. 16 Конвенции (п. 9⁷ Решения).

Комитет констатирует, что автору сообщения был причинён вред особой тяжести и нанесён невосполнимый ущерб в результате указанных нарушений и потери дочери. Помимо этого, её попытки получить возмещение ущерба ни к чему не привели. Комитет, таким образом, заключает, что отсутствие мер по возмещению ущерба представляет собой нарушение государством-участником своих обязательств согласно пп. b) и c) ст. 2 Конвенции (п. 9⁸ Решения).

Комитет отмечает, что государство-участник применило расширенную модель для борьбы с насилием в семье, которая включает законодательство, просвещение, образование и подготовку кадров. Вместе с тем для того, чтобы женщина – жертва насилия в семье могла пользоваться практической реализацией принципа недискриминации и реального равенства, своими человеческими правами и фундаментальными свободами, политическая воля, выраженная в данной модели, должна получить поддержку государственных служащих, уважающих обязательства в отношении надлежащей заботы о гражданах государства-участника²⁴. Данные обязательства включают обязанность определить наличие сбоев, пренебрежения или упущений со стороны социальных органов, которые могли привести к ситуации незащищённости потерпевших. Комитет считает, что в данном случае это обязательство не было выполнено (п. 9⁹ Решения).

Выводы Комитета: Комитет считает, что государство-участник нарушило права автора и её погибшей дочери по пп. а), b), c), d), е) и f) ст. 2, п. а) ст. 5 и подп. d) п. 1 ст. 16 Конвенции, принимаемым совместно со ст. 1 Конвенции и *Общей рекомендацией № 19* Комитета.

Комитет сформулировал в адрес государства-участника следующие рекомендации: а) в отношении автора сообщения: i) предоставить автору надлежащую компенсацию и обеспечить полное возмещение ущерба пропорционально тяжести нарушения её прав; ii) провести тщательное и беспристрастное расследование с целью определения сбоев в работе государственных структур, приведших к отсутствию безопасности для автора и её дочери;

б) в общем: i) принять соответствующие и эффективные меры в отношении случаев насилия в семье, предшествовавших моменту

²⁴ Сообщение № 5/2005, *Гёкце против Австрии*, заключение от 6 августа 2007 г., п. 12.1.2.

определения прав на попечительство над детьми и свидания с ними, с тем чтобы осуществление прав на свидания или попечительство не создавало угрозы безопасности для жертв насилия, включая детей. Приоритет интересов ребёнка и право ребёнка быть выслушанным должны превалировать при принятии всех соответствующих решений; ii) усилить ответственность с целью обеспечения должной заботы в действиях компетентных органов и возможности адекватно реагировать на ситуации, связанные с насилием в семье; iii) обеспечить обязательную подготовку судей и компетентного административного персонала по вопросам применения законов в области противодействия насилию в семье, которая бы включала подготовку по вопросам выявления насилия в семье и гендерных стереотипов, а также в отношении Конвенции, её Факультативного протокола и общих рекомендаций Комитета, в частности рекомендации № 19 (п. 10 Решения).

Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации²⁵

Сообщение: *А.М.М. против Швейцарии*. Сообщение № 50/2012. Решение принято Комитетом 18 февраля 2014 г.

Правовая позиция Комитета: Комитет ссылается на ст. 1 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (далее – Конвенция), согласно которой выражение «расовая дискриминация» означает любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения, имеющие целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления на равных началах прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной или любых других областях общественной жизни. Комитет ссылается также на п. 2 ст. 1, который гласит, что Конвенция не применяется к различиям, исключениям, ограничениям или предпочтениям, которые государства-участники проводят между гражданами и негражданами, и на п. 3 этой же статьи, согласно которому ничто в Конвенции не может быть истолковано как влияющее

²⁵ Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации (далее – Комитет) действует на основании Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г. Российская Федерация является участником Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (далее – Конвенция), а также признаёт компетенцию Комитета на получение индивидуальных сообщений получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под её юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

в какой-либо мере на положения законодательства государств-участников, касающиеся национальной принадлежности, гражданства или натурализации, при условии, что в таких постановлениях не проводится дискриминация в отношении какой-либо определённой национальности (п. 8⁵ Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: автор считает, что имеющийся у него статус временного пребывания и обусловленные этим статусом действия и позиции властей дают им возможность контролировать доступ автора к рынку труда, медицинскому обслуживанию, академическому и профессиональному образованию, вторгаться в его частную жизнь, а также действовать в любом органе вопреки интересам автора. По мнению автора, эти действия, обеспечивающие совершающим их лицам широкие возможности для маневра, на практике имеют прямое отношение к его происхождению, идентичности, биографии и личностным характеристикам. Комитет отмечает, что эти утверждения автора были убедительно подкреплены конкретными примерами действий, которые автор считает проявлениями дискриминации по отношению к нему. Комитет, в частности, отмечает утверждения автора о препятствиях ему в доступе к трудовой деятельности, к профессиональному и высшему образованию, а также в доступе к медицинскому обслуживанию (п. 8³ Решения).

Государство-участник утверждает, что жалобы автора основаны исключительно на его статусе с точки зрения законодательства об иностранцах, а не на его происхождении или его сомалийском гражданстве и что соответствующие положения применяются не только к гражданам Сомали или к какой-либо определённой группе лиц, по смыслу ст. 1 Конвенции. Комитет отмечает, что, по мнению государства-участника, временное пребывание представляет собой правовой статус и что между этим статусом и соответствующим лицом и его характеристиками, которые могут служить поводом для дискриминации, нет никакой особой связи (п. 8⁴ Решения).

Комитет считает, что автору не удалось однозначно показать, что проявления дискриминации, в которой он обвиняет сотрудников Водуазского центра по приёму мигрантов и судебные органы, связаны с его этническим происхождением или сомалийским гражданством, а не со статусом иностранца и разрешением на временное пребывание, которые предусмотрены швейцарским законодательством. Поэтому Комитет не убеждён в том, что представленные ему факты подтверждают проявление дискриминации, основанной «на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения», по смыслу ст. 1 Конвенции (п. 8⁶ Решения).

Комитет отмечает, что само государство-участник признало пагубные последствия статуса временного пребывания для основных сфер жизни этой категории неграждан, в ряде случаев длительное время остающихся в ситуации, которая призвана являться переходной. Поэтому Комитет обращает внимание государства-участника на его обязательства по Конвенции и ссылается на свою общую рекомендацию XXX (2004 год) о дискриминации неграждан, где Комитет, в частности, напомнил об обязательстве государств-участников принимать меры по ликвидации дискриминации неграждан относительно условий труда и требований, предъявляемых к работе, включая правила и практику занятости, имеющие дискриминационные цели или последствия²⁶ (п. 10 Решения).

Выводы Комитета: Комитет считает, что представленные ему факты не указывают на нарушение какого-либо положения Конвенции (п. 9 Решения).

Комитет рекомендует государству-участнику пересмотреть свои нормативные акты, регулирующие режим временного пребывания, чтобы по возможности снизить ограничения для использования и осуществления основных прав, прежде всего прав, связанных со свободой передвижения, особенно в случаях, когда действие такого режима продлевается во времени (п. 11 Решения).

Вопросы административного выдворения (выдачи)

Комитет ООН по правам человека²⁷

Сообщение: *X. против Дании.* Сообщение № 2007/2010. Сообщение принято Комитетом 26 марта 2014 г.

Тема сообщения: высылка автора в Эритрею.

Вопрос существа: риск причинения непоправимого ущерба в стране происхождения.

Правовые позиции Комитета: Комитет считает необходимым учитывать обязанность государства-участника в соответствии с п. 1 ст. 2 Пакта обеспечивать всем лицам, находящимся на его территории и под его юрисдикцией, признанные в Пакте права, в том числе при осуществлении процесса высылки неграждан²⁸. Комитет также

²⁶ Официальные отчёты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят девятая сессия, Дополнение № 18 (A/59/18), глава VIII, п. 33.

²⁷ Комитет ООН по правам человека (далее – Комитет).

²⁸ См. принятые Комитетом замечания общего порядка № 6 и 20; см. также сообщение № 1544/2007, *Мехрес Бен Абде Хамида против Канады.* Сообщения, принятые 18 марта 2010 г., п. 8².

напоминает о том, что государства-участники обязаны не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять каким-либо иным образом лицо со своей территории в тех случаях, когда неизбежным и предсказуемым последствием высылки будет являться реальная угроза причинения непоправимого вреда, предусмотренного в ст. 7 Пакта, либо в стране, в которую осуществляется высылка, либо в любой другой стране, в которую это лицо может быть выслано впоследствии²⁹. Комитет также отметил, что опасность должна существовать лично для человека³⁰ и что существует высокий порог для представления серьёзных оснований для определения существования реальной опасности причинения непоправимого вреда³¹. Таким образом, должны быть приняты во внимание все соответствующие факты и обстоятельства, включая общее положение с правами человека в стране происхождения автора³² (п. 9² Решения).

Комитет ссылается на свои решения, согласно которым, хотя следует придавать важный вес проведённой государством-участником оценке, как правило, именно суды государств-участников Пакта должны оценивать факты и доказательства по каждому конкретному делу, если только не будет установлено, что такая оценка носила явно произвольный характер или была равносильна отказу в правосудии³³ (п. 9³ Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает утверждения автора о том, что отсутствие у него эритрейского паспорта и отметки о выезде из страны делают его уязвимым, поскольку он не сможет доказать, что никогда не жил в Эритрее и покинул страну законным образом. Комитет также принимает к сведению утверждение автора о том, что эритрейские власти подвергают возвращающихся просителей убежища, которым было отказано в их просьбе, жестокому обращению. Комитет также отмечает утверждение государства-участника о том, что автор может получить эритрейский паспорт в

²⁹ Замечание общего порядка № 31 о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства-участники Пакта (2004 год), п. 12; см., в частности, сообщение № 1544/2007, *Мехрес Бен Абде Хамида против Канады*. Соображения, принятые 18 марта 2010 г., п. 8⁷; сообщение № 692/1996, *А.Р.Х. против Австралии*. Соображения, принятые 28 июля 1997 г., п. 6¹⁴.

³⁰ Сообщение № 692/1996, *А.Р.Х. против Австралии*. Соображения, принятые 28 июля 1997 г., п. 6⁶.

³¹ Сообщение № 1883/2008, *Х. против Швеции*. Соображения, принятые 1 ноября 2011 г., п. 5¹⁸.

³² Там же.

³³ См. там же и сообщение № 541/1993, *Эррол Симмс против Ямайки*, решение о неприемлемости, принятое 3 апреля 1995 г., п. 6².

посольстве Эритреи в Дании. Вместе с тем Комитет далее отмечает тот факт, что согласно достоверным источникам информации незаконные эмигранты, просители убежища, получившие отказ, и лица, уклоняющиеся от призыва, рискуют подвергнуться крайне жестокому обращению по возвращении в Эритрею и что автору придётся отказаться от прохождения военной службы по соображениям совести³⁴. Комитет считает, что государство-участник не обратило должного внимания на обеспокоенность тем, что личные обстоятельства автора, включая отсутствие у него возможности доказать, что он покинул Эритрею на законном основании, могут привести к тому, что его сочтут получившим отказ просителем убежища или лицом, не выполнившим требование о прохождении обязательной военной службы в Эритрее, или лицом, отказывающимся от военной службы по соображениям совести. Соответственно, Комитет считает, что государство-участник не признало потенциальный статус автора как лица, которому угрожает потенциальная опасность подвергнуться обращению, противоречащему требованиям ст. 7 Пакта. Поэтому Комитет считает, что высылка автора в Эритрею, если она будет осуществлена, будет представлять собой нарушение ст. 7 Пакта (п. 9³ Решения).

³⁴ См. подготовленные УВКБ *Руководящие принципы по оценке потребностей в международной защите просителей убежища из Эритреи* (апрель 2009 года): «Лица, уклоняющиеся от призыва/дезертиры, как сообщается, часто подвергаются пыткам» (стр. 14); «Согласно ряду сообщений, эритрейцам, подвергнутым принудительному возвращению, грозит арест без предъявления обвинений, содержание под стражей, жестокое обращение, пытки и порой смерть со стороны властей. Сообщается, что они содержатся под стражей без связи с внешним миром, в переполненных камерах, не отвечающих нормам гигиены, практически не имея доступа к медицинской помощи, иногда в течение длительных сроков... УВКБ известно по меньшей мере о двух эритрейских просителях убежища, прибывших в Судан после побега из-под стражи в Эритрее, куда они были высланы из Египта в июне 2008 года. Эритрейцы, которые были принудительно возвращены с Мальты в 2002 году и из Ливии в 2004 году, были арестованы по прибытии в Эритрею и подвергнуты пыткам. Возвращенные лица были направлены в две тюрьмы, расположенные на острове Дахлак и на побережье Красного моря, в которых, как по-прежнему считается, большинство заключенных содержится под стражей без связи с внешним миром. Также имеются неподтвержденные сообщения о том, что некоторые из лиц, возвращенных с Мальты, были убиты. В другом случае получившая отказ просительница убежища была задержана эритрейскими властями после ее принудительного возвращения из Соединенного Королевства. 14 мая 2008 г. иммиграционные службы Германии подвергли принудительному возвращению в Эритрею двух получивших отказ просителей убежища. Сообщается, что они были задержаны в аэропорту в Асмаре по прибытии и до сих пор содержатся под стражей без связи с внешним миром, при этом считается, что им угрожает применение пыток или других форм жестокого обращения.» (стр. 33-34).

Выводы Комитета: Комитет считает, что высылка автора в Эритрею, если она будет осуществлена, нарушит ст. 7 Пакта (п. 9⁵ Решения).

В соответствии с п. 3 а) ст. 2 Пакта государство-участник обязано с учётом своих обязательств по Пакту обеспечить автору эффективное средство правовой защиты, включая повторное рассмотрение в полном объёме утверждения автора об опасности подвергнуться в случае его возвращения в Эритрею обращению, противоречащему ст. 7 (п. 9⁵ Решения).

Сообщение: *Николай Валетов против Казахстана*. Сообщение № 2104/2011. Сообщение принято Комитетом 17 марта 2014 г.

Тема сообщения: экстрадиция в Кыргызстан.

Вопрос существа: принудительное возвращение; справедливое судебное разбирательство.

Правовые позиции Комитета: Комитет отмечает, что государства-участники не должны подвергать лиц опасности применения пыток или жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания по их возвращении в другую страну посредством выдачи, высылки или возвращения (*refoulement*)³⁵. Реализация этого принципа не должна зависеть ни от каких соображений относительно характера преступного поведения, в котором лицо подозревается или обвиняется³⁶. Комитет отмечает, что вытекающий из ст. 7 Пакта принцип запрещения высылки налагает на государство-участника обязательство провести тщательную оценку информации, которая была известна или должна была быть известной властям государства-участника на момент экстрадиции и которая имеет значение для определения сопряженных с экстрадицией рисков. Комитет напоминает, что если государство-участник переводит лицо, находящееся в пределах его юрисдикции, под юрисдикцию другого государства и имеются достаточные основания полагать, что для высланного лица возникнет реальная опасность причинения невозмездимого вреда, например, такого, о котором говорится в ст. 7

³⁵ Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 20 (1992) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания. *Официальные отчёты Генеральной Ассамблеи, сорок седьмая сессия. Дополнение № 40 (A/47/40), приложение VI, раздел А, п. 9.*

³⁶ См. сообщение № 2024/2011, *Израил против Казахстана*, п. 9.4.

Пакта, то государство-участник само может нарушить положения Пакта³⁷ (п. 14² Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению, что в ответ на жалобы автора от 29 июня и 27 июля 2011 г. государство-участник провело расследования в целях проверки утверждений о применении пыток. Вместе с тем Комитет принимает во внимание также не опровергнутые доводы автора о том, что «проверка стала простой формальностью», что автор не участвовал в процессе расследования, так и не был опрошен, а судебно-медицинская экспертиза не проводилась (п. 14³ Решения).

Комитет принимает к сведению также утверждение автора о том, что в результате пыток во время нахождения под стражей в Кыргызстане автор получил тяжкие телесные повреждения, приведшие к инвалидности. Комитет принимает во внимание также утверждение государства-участника о том, что утверждения автора о пытках со стороны кыргызстанских правоохранительных органов являются необоснованными и вызваны желанием остановить экстрадицию. По мнению Комитета, государство-участник не объяснило, почему оно отвергло утверждения автора о пытках, не проведя перед его высылкой судебно-медицинской экспертизы, которая могла бы подтвердить его заявление о наличии на его теле шрамов и следов пыток. Комитет отмечает также, что после экстрадиции государство-участник признало необходимость этого и просило Генеральную прокуратуру Кыргызстана провести медицинское обследование для проверки утверждений автора о применении пыток (п. 14⁴ Решения).

Комитет напоминает, что на момент экстрадиции автора властям государства-участника было известно или должно было быть известно о наличии заслуживающих доверия публичных докладов о широко распространённом применении в Кыргызстане пыток в отношении лиц, содержащихся под стражей³⁸. Комитет отмечает, что при оценке наличия реальной угрозы причинения непоправимого вреда в стране, направившей запрос об экстрадиции, компетентные органы власти Казахстана должны были принять во внимание все относящиеся к делу

³⁷ См. сообщение № 469/1991, *Нг против Канады*. Соображения, принятые 5 ноября 1993 г., п. 6²; и Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства-участники Пакта. *Официальные отчёты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят девятая сессия. Дополнение № 40*, том I (A/59/40 (vol. I), приложение III, п. 12.

³⁸ См. заключительные замечания Комитета по правам человека, Кыргызская Республика, ССРР/СО/69/КГЗ, 20 июля 2000 г., п. 7; доклад Комитета против пыток Генеральной Ассамблее, A/55/44, п. 74.

обстоятельства, включая общую обстановку в Кыргызстане. Комитет принимает к сведению, что государство-участник заручилось заверениями Генеральной прокуратуры Кыргызстана соблюдения права автора. Наличие заверений, их содержание, а также наличие и применение механизмов обеспечения их выполнения – всё это элементы, имеющие значение для общей оценки наличия или отсутствия реальной опасности запрещённого неправильного обращения. Комитет, однако, вновь указывает, что в предоставленных заверениях должен как минимум предусматриваться механизм мониторинга и их соблюдение должно гарантироваться практическими договорённостями, которые предусматривали бы их эффективное выполнение высылающим и принимающим государствами³⁹. Комитет принимает во внимание утверждение государства-участника о том, что сотрудники его посольства до сих пор не смогли посетить автора в месте его заключения в Кыргызстане, поскольку не получили соответствующего разрешения кыргызстанских властей. Государство-участник не сообщило Комитету, предпринимались ли им какие-либо действия в ответ на этот отказ в целях выполнения «дипломатических заверений», заключённых между Казахстаном и Кыргызстаном (п. 14⁵ Решения).

Комитет принимает к сведению также утверждения автора о том, что после экстрадиции он подвергся обращению, запрещённому ст. 7 Пакта, и что 11 мая 2012 г. в знак протеста против повторного применения пыток, нерасследования сделанных им заявлений о пытках и многочисленных других нарушениях своих прав человека автор объявил голодовку. Представители государства-участника не посетили автора в изоляторе временного содержания, несмотря на просьбу автора, адресованную государству-участнику. Такое бездействие может объясняться отсутствием практических договорённостей в рамках предоставленных заверений или недостаточными усилиями со стороны государства-участника относительно обеспечения выполнения заверений. С учётом данных обстоятельств Комитет приходит к выводу о том, что получение заверений общего характера от Генерального прокурора Кыргызстана не может считаться эффективным механизмом, защищающим автора сообщения от опасности применения пыток (п. 14⁶ Решения).

Комитет отмечает, что решение казахстанских властей выдать автора в Кыргызстан, принятое без проведения надлежащего расследования утверждений о пытках и без учёта заслуживающих доверия сообщений о широко распространённом применении пыток в

³⁹ См. сообщения № 1461/2006, 1462/2006, 1476/2006 и 1477/2006, *Максудов и др. против Кыргызстана*, п. 12⁵, и сообщение № 1416/2005, *Альзери против Швеции*. Соображения, принятые 25 октября 2006 г., п. 11⁵.

отношении лиц, содержащихся под стражей в этой стране, а также необоснованный отказ в проведении медицинского освидетельствования перед экстрадицией автора, указывают на серьёзные нарушения процедур принятия решений и свидетельствуют о том, что государство-участник не приняло во внимание серьёзные факторы риска, сопряжённые с экстрадицией. Комитет отмечает также, что неспособность государства-участника впоследствии посетить автора и проконтролировать условия его содержания в заключении говорит о том, что государству-участнику не следовало удовлетворяться получением заверений от Генеральной прокуратуры Кыргызстана в качестве действенной гарантии отсутствия угрозы нарушения прав автора (п. 14⁷ Решения).

Выводы Комитета: Комитет считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении Казахстаном прав автора сообщения, предусмотренных ст. 7 Пакта. Государство-участник нарушило также свои обязательства по ст. 1 Факультативного протокола к Пакту⁴⁰ (п. 15 Решения).

В соответствии с п. 3 а) ст. 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору сообщения эффективное средство правовой защиты, включая надлежащую компенсацию. Государству-участнику предлагается принять эффективные меры для наблюдения за положением автора сообщения в сотрудничестве с принимающим государством. Государству-участнику следует регулярно представлять Комитету обновлённую информацию о положении автора. Государство-участник обязано также предотвращать подобные нарушения в будущем (п. 16 Решения).

Комитет ООН против пыток⁴¹

Сообщение: *Никмеддин Альп против Дании*. Сообщение № 466/2011. Сообщение принято Комитетом 14 мая 2014 г.

⁴⁰ Государство-участник нарушило свои обязательства по Факультативному протоколу, осуществив экстрадицию заявителя прежде, чем Комитет мог завершить своё рассмотрение и изучение дела, а также подготовку и препровождение своих соображений.

⁴¹ Комитет ООН против пыток (далее – Комитет) действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. Российская Федерация является участником указанного международного договора и в качестве государства – продолжателя Союза ССР признаёт компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством - участником положений Конвенции.

Тема сообщения: депортация заявителя в Турцию.

Вопрос существа: угроза применения пыток по возвращении в страну происхождения.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что целью такой оценки⁴² является определение того, будет ли лично данному лицу угрожать предсказуемая и реальная опасность применения пыток в стране, в которую оно подлежит возвращению. Наличие практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в стране само по себе не является достаточным основанием для принятия решения о том, что после возвращения в эту страну тому или иному лицу будет угрожать опасность применения пыток; должны быть приведены дополнительные основания, подтверждающие, что соответствующему лицу будет лично угрожать такая опасность. Напротив, отсутствие постоянной практики грубых нарушений прав человека не означает, что какое-либо отдельное лицо не может быть подвергнуто пыткам в конкретных обстоятельствах его положения (п. 8² Решения).

Комитет ссылается на своё Замечание общего порядка № 1, согласно которому при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Хотя при оценке этого риска не следует брать за основу критерий «высокой степени вероятности», Комитет отмечает, что бремя доказывания, как правило, возлагается на заявителя, которому надлежит аргументированно изложить обстоятельства дела и доказать, что грозящая ему опасность является «предсказуемой, реальной и личной»⁴³(п. 8³ Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что заявитель утверждает, что он подвергался пыткам во время своего тюремного заключения в Турции в период 1983–1991 года и что государство-участник должно было распорядиться о проведении медицинского освидетельствования для уточнения достоверности его утверждений. Вместе с тем Комитет отмечает, что официальные органы государства-участника обстоятельно проанализировали все представленные заявителем доказательства, признали их недостаточно достоверными и не сочли медицинское освидетельствование необходимым. В дополнение к этому Комитет отмечает, что ходатайство заявителя о проведении медицинского освидетельствования было

⁴² Опасность применения пыток по возвращении в Турцию.

⁴³ См., в частности, сообщение № 203/2002, *А.Р. против Нидерландов*, решение, принятое 14 ноября 2003 г., п. 7³. См. также сообщение № 258/2004, *Дадар против Канады*, решение, принятое 23 ноября 2005 г., п. 8³.

сформулировано лишь на весьма поздней стадии, т.е. в рамках второго заявления о возобновлении процедуры предоставления убежища, представленного Апелляционному совету от имени заявителя в 2011 году. Более того, Комитет сомневается в целесообразности проведения любого медицинского освидетельствования по прошествии более чем 20 лет после предполагаемого применения пыток (п. 8⁴ Решения).

Комитет отмечает, что даже если он согласится с утверждением заявителя о том, что в прошлом его подвергали пыткам, особенно с учётом статуса беженца, предоставленного ему официальными органами Румынии, вопрос состоит в том, угрожает ли ему и сейчас опасность применения пыток в Турции. Комитет прежде всего принимает к сведению неоспоренную информацию из материалов дела о том, что статус заявителя в качестве беженца прекратился после его добровольного отъезда из Румынии и что он не признан в качестве беженца ни в одной другой стране. Комитет далее принимает к сведению утверждение заявителя о том, что в случае его возвращения в Турцию он будет подвергнут тюремному заключению либо для отбытия оставшейся части срока, назначенного ему по приговору 1988 года, либо в том случае, если будет признан виновным в осуществлении руководства политической партией Партия освобождения Курдистана (далее – ПОК) в Турции до своего отъезда из страны в 1990-е годы. В связи с этим Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что он прекратил свою деятельность в интересах ПОК не позднее 2000 года. Комитет также принимает к сведению информацию адвоката о том, что заявитель был помещён под стражу в Турции после его высылки из Дании 28 июня 2011 г. (п. 8⁵ Решения).

Комитет принял к сведению утверждение о том, что заявителю угрожает опасность подвергнуться пыткам по возвращении в Турцию, в частности, в связи с его участием в деятельности ПОК и его отказом от прохождения военной службы. Он также принял к сведению упоминание заявителя по поводу общего положения с правами человека в Турции и заключительных замечаний Комитета с упоминанием применения пыток в турецких тюрьмах. Вместе с тем Комитет напоминает, что одни только случаи нарушения прав человека в стране происхождения заявителя являются недостаточным основанием для того, чтобы Комитет пришёл к выводу о том, что заявителю лично угрожает опасность пыток. Комитет также отмечает, что заявитель не представил никаких других доказательств, позволяющих предположить, что после возвращения в Турцию он будет подвергнут тюремному заключению за свою прошлую политическую деятельность или за непрохождение военной службы, что в связи с этим ему будет назначено несоразмерное наказание или что он будет подвергнут обращению, представляющему собой нарушение

положений Конвенции. В этих обстоятельствах Комитет считает, что материалы дела не позволяют ему сделать вывод о том, что датские официальные органы, рассматривавшие дело, не произвели надлежащее расследование. Кроме того, Комитет отмечает, что в деле не содержится иных материалов, позволяющих установить, что по прошествии 20 лет после предположительно имевших место пыток заявитель будет подвергаться персональной, предсказуемой и реальной опасности применения пыток или подвергнется бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в стране своего происхождения (пункт 8⁶ Решения).

Выводы Комитета: Комитет приходит к выводу о том, что высылка заявителя в Турцию государством-участником не представляла собой нарушения ст. 3 Конвенции (п. 8⁷ Решения).

В сфере социально-трудовых отношений

Комитет ООН по правам инвалидов⁴⁴

Сообщение: *Лилиан Грёнинггер против Германии*. Сообщение № 2/2010. Сообщение принято Комитетом 4 апреля 2014 г.

Правовая позиция Комитета: Комитет отмечает, что ст. 27 Конвенции о правах инвалидов (далее – Конвенция) предполагает обязательство со стороны государств-участников создавать раскрепощающую и благоприятную среду для трудоустройства, в том числе в частном секторе. Комитет отмечает, что п. 1 а) ст. 4 Конвенции налагает на государство-участника общее обязательство принимать все надлежащие законодательные, административные и иные меры для осуществления прав, признаваемых в Конвенции, в связи с работой и занятостью. Он отмечает, что, как устанавливает статья 3, в своём законодательстве, политике и практике государству-участнику следует руководствоваться следующим: уважением присущего человеку достоинства, его личной самостоятельности, включая свободу делать свой собственный выбор, и независимости; недискриминацией; полным и эффективным вовлечением и включением в общество; и равенством возможностей. В данном случае Комитет считает, что существующая модель выделения интеграционных субсидий не способствует эффективному трудоустройству инвалидов (пункт 6² Решения).

Комитет отмечает, что п. 1 d) и e) ст. 27 Конвенции закрепляют права востребовать соответствующие меры поощрения возможностей

⁴⁴ Комитет ООН по правам инвалидов (далее – Комитет) действует на основании Конвенции о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г. Российская Федерация является участником указанного международного договора.

для трудоустройства – иметь эффективный доступ к общим службам трудоустройства, а также право помощи в поиске и получении трудоустройства (п. 6³ Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что положения социального законодательства в связи с выделением интеграционной субсидии носят дискриминационный характер, поскольку они применимы только к инвалидам, чья полная трудоспособность может быть восстановлена в течение 36 месяцев; они не создают никаких прав для инвалида, так как право требовать такую субсидию принадлежит исключительно работодателю; и то, как применяется дискреционное право при реализации таких положений агентствами по трудоустройству, ведёт к дальнейшей дискриминации. Комитет также принимает к сведению заявление государства-участника о том, что сын автора имеет право на такую интеграционную субсидию, если будут соблюдены правовые условия для её выделения. Правовые условия, по-видимому, состоят в том, что работодатель должен сделать сыну автора связывающее предложение о трудоустройстве и ходатайствовать об интеграционной субсидии, после чего агентство по трудоустройству оценивает ситуацию и принимает решение о продолжительности и сумме выделяемой интеграционной субсидии. Во всяком случае, согласно заявлению государства-участника субсидия составит максимум 70 процентов заработной платы на срок не свыше 60 месяцев. Комитет отмечает, что цель вышеупомянутой схемы интеграционных субсидий, по-видимому, состоит в том, чтобы поощрять частных работодателей к найму инвалидов. Комитет отмечает, однако, что указанная схема на практике требует от работодателей прохождения дополнительного процесса подачи заявки, продолжительность и исход которого носит неопределённый характер, а инвалид не имеет возможности принять участие в этом процессе. Комитет также отмечает, что общие льготы, которые носят предопределённый характер и предположительно известны работодателям, существуют, чтобы поощрять трудоустройство недавних выпускников, не страдающих инвалидностью. Комитет отмечает, что в случае сына автора вышеуказанная схема, по-видимому, служила для работодателей не в качестве стимула, а в качестве сдерживающего фактора. Комитет считает, что существующая модель выделения интеграционных субсидий не способствует эффективному трудоустройству инвалидов. Комитет констатирует в особенности, что очевидные трудности, с которыми сталкиваются потенциальные работодатели при попытке получить доступ к интеграционной субсидии, на которую они имеют право в связи с трудоустройством инвалида, сказываются на эффективности схемы интеграционных субсидий. Уже упомянутые административные сложности ставят заявителей в

неблагоприятное положение и могут, в свою очередь, обернуться косвенной дискриминацией (п. 6² Решения).

Комитет отмечает утверждение автора о том, что интеграционная субсидия является единственной наличной позитивной мерой, способствующей сыну автора в его интеграции на рынок труда. Комитет также принимает к сведению заявление государства-участника о широком комплексе мер, предусмотренных его законодательством, и заявление о том, что сын автора остаётся вправе рассчитывать на все «инструменты» по книгам Социального кодекса в отношении поощрения занятости и в отношении реабилитации и участия инвалидов, которые «уместны в его случае». Комитет, однако, отмечает, что государство-участник не конкретизирует, какие именно из этих мер применимы в случае сына автора. Комитет далее отмечает, что в действительности меры, применяемые ведомствами государства-участника, с тем чтобы помочь его интеграции на рынок труда, представляют собой следующее: предоставление пособия по безработице на неуказанный промежуток времени; проведение консультативных встреч; контроль того, оставался ли сын автора в географическом районе, к которому он был приписан, и регулярно ли он появлялся на встречах (п. 6³ Решения).

Комитет отмечает, что государство-участник, по-видимому, придерживается мнения о том, будто усилия сына автора по повышению своей квалификации за счёт дальнейшего образования и тот факт, что он временами принимал неполную занятость, составляют помеху усилиям агентств по трудоустройству с целью помочь ему. Комитет, наконец, отмечает, что комплекс мер, применяемых в случае сына автора, носил ограниченный характер по сравнению с обширным перечнем наличных мер, описанных государством-участником (п. 6³ Решения).

Выводы Комитета: Комитет считает, что схема интеграционных субсидий применительно к случаю сына автора не соответствует обязательствам государства-участника по п. 1 h) ст. 27 в сочетании со ст. 3 а), b), c) и e), п. 1 a) ст. 4 и п. 1 ст. 5 Конвенции (п. 6² Решения).

Комитет считает, что меры, принятые компетентными ведомствами государства-участника с целью помочь интеграции сына автора на рынок труда, не соответствуют стандарту обязательств государства-участника по п. 1 d) и e) ст. 27 в сочетании со ст. 3 а), b), c) и e), п. 1 a) и b) ст. 4 и п. 1 ст. 5 Конвенции (п. 6³ Конвенции).

Комитет вынес государству-участнику следующие рекомендации в отношении сына автора: государство-участник несёт обязанность исправить неисполненные им обязательства по Конвенции по отношению к сыну автора, в том числе путём переоценки его дела и применения всех наличных мер по отечественному законодательству, с

тем чтобы эффективно поощрять возможности для трудоустройства в свете Конвенции о правах инвалидов. Государству-участнику следует также предоставить сыну автора адекватную компенсацию, включая компенсацию расходов, понесённых при подаче данного сообщения (п. 7 Решения).

Принимая во внимание, что законодательство государства-участника по этому вопросу было принято до ратификации Конвенции, государство-участник несёт обязанность предпринять шаги по недопущению подобных нарушений в будущем, в том числе путём пересмотра содержания и функционирования схемы выделения интеграционных субсидий лицам, имеющим постоянную инвалидность, с целью обеспечить полное соблюдение относительно инвалидов принципов Конвенции и путём обеспечения потенциальным работодателям возможности эффективно востребовать схему всякий раз, когда это уместно (п. 7 Решения).

В сфере гражданско-процессуальных правоотношений

Комитет ООН по правам человека⁴⁵

Сообщение: *Ю.Б. против России.* Сообщение № 1983/2010. Решение принято Комитетом 25 марта 2014 г.

Тема сообщения: преследование и помещение автора в психиатрическое заведение после его критики в адрес прокурора и сына прокурора.

Вопрос существа: право на справедливое и открытое разбирательство компетентным, независимым и беспристрастным судом; произвольное задержание; бесчеловечное или унижающее достоинство обращение; условия задержания; право на частную жизнь; свобода слова; дискриминация.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что если судебные органы государства-участника налагают на частное лицо такое финансовое бремя, что ему де-факто перекрывается доступ в суд, то это могло бы вызвать вопросы по п. 1 ст. 14 Пакта⁴⁶ (п. 9⁴ Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: в отношении первоначальной жалобы автора на то, что он является жертвой нарушений Российской Федерацией его прав по п. 1 ст. 14 Пакта, поскольку Великолукский суд отказался разбирать его судебный

⁴⁵ Комитет ООН по правам человека (далее – Комитет).

⁴⁶ См. сообщение № 646/1995, *Линдон против Австралии*, решение от 20 октября 1998 г., п. 6⁴.

иск о возмещении морального вреда, причинённого ошибочной информацией о том, что он находится под следствием, которая была размещена на веб-сайте суда, Комитет отмечает заявление государства-участника о том, что, поскольку жалоба автора была связана с компенсацией морального вреда, ответчиком по этому судебному иску является Министерство финансов; что ... такие иски должны подаваться по месту нахождения ответчика, а именно в Тверской районный суд города Москвы, и что сообщение следует признать неприемлемым ввиду исчерпанности внутренних средств правовой защиты (п. 9³ Решения).

Комитет принимает к сведению разъяснения автора о том, что он не имеет средств, чтобы профинансировать исковое судопроизводство в городе Москве. Однако Комитет полагает, что в данном деле автор не обосновал такое утверждение для целей приемлемости. И поэтому данная часть сообщения является неприемлемой по ст. 2 Факультативного протокола (п. 9⁴ Решения).

Выводы Комитета: Комитет постановил признать сообщение неприемлемым (п. 10 Решения).

Запрет пыток, бесчеловечного или унижающего человеческого достоинства обращения

Комитет ООН против пыток⁴⁷

Сообщение: *Нуар Абделмалек против Алжира*. Сообщение № 402/2009. Решение принято Комитетом 23 мая 2014 г.

Тема сообщения: применение пыток в период содержания под стражей с целью получения признаний.

Вопрос существа: пытки или жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение; обязательство по систематическому наблюдению за проведением допроса; обязательство по проведению быстрого и беспристрастного расследования; право на эффективное средство правовой защиты; право на компенсацию; запрещение использовать признания, полученные с применением пыток.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает об обязательстве провести быстрое и беспристрастное расследование, когда существуют достаточные основания полагать, что имел место акт пытки⁴⁸(п. 11⁷ Решения).

⁴⁷ Комитет ООН против пыток (далее – Комитет).

⁴⁸ Сообщение № 269/2005, *Али Бен Салем против Туниса*, решение, принятое 7 ноября 2007 г., п. 16⁷.

Комитет напоминает, что ст. 14 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (далее – Конвенция) признаёт не только право на справедливую и адекватную компенсацию, но и налагает на государства-участники обязательство обеспечивать то, чтобы жертва пыток получала возмещение. Комитет считает, что это возмещение должно охватывать весь ущерб, причинённый жертве, а также, помимо иных мер, восстановление в правах, компенсацию, равно как и соответствующие меры, гарантирующие неповторение нарушений, с учётом во всех случаях обстоятельств каждого дела (п. 11⁸ Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что во все периоды содержания под стражей заявитель подвергался другим жестоким видам обращения и унижениям и что он был избит перед слушанием его дела 4 июля 2005 г., он не получал надлежащей медицинской помощи и в течение всех этих лет заключения его питание было недостаточным, он содержался в камерах без окна, спал голым и в наручниках прямо на полу, не имея возможности лечь в полный рост. Комитет констатирует, что эти утверждения подтверждаются составленными во Франции медицинскими заключениями от 6 марта 2007 г. и от 28 августа 2008 г. Комитет сделал вывод о том, что указанное обращение подразумевает сильную боль и страдание, по смыслу ст. 1 Конвенции (п. 11² Решения).

Комитет отмечает утверждение заявителя о том, что эта сильная боль и страдание были причинены государственными должностными лицами, в частности сотрудниками Управление разведки и безопасности (далее – УРБ) и жандармерии, с ведома высокопоставленных чиновников и молчаливого согласия судебной власти. Комитет отмечает, что это обращение было применено с целью получить от заявителя показания или признания, наказать и запугать его и оказать на него давление из-за его предполагаемых политических убеждений. Комитет констатирует, что государство-участник не отвергло эти утверждения. Комитет считает, что описанные действия составляют элементы, представляющие собой пытку, по смыслу ст. 1 Конвенции. Кроме того, Комитет считает, что тайное содержание заявителя под стражей, а также унижения и бесчеловечные условия заключения, сопряжённые с актами пыток, перенесённых заявителем, также составляют элементы, представляющие собой нарушение ст. 1 Конвенции (п. 11³ Решения).

Заявитель указал на нарушение п. 1 ст. 2 Конвенции, рассматриваемого в совокупности со ст. 1 Конвенции, в том смысле, что государство-участник не выполнило свои обязательства по предупреждению пыток, перенесённых жертвой, и наказанию за них. Комитет отмечает аргументацию заявителя, согласно которой он стал

непосредственной жертвой существующих пробелов в законодательстве и практике проведения допросов в Алжире, включая тот факт, что это законодательство позволяет задерживать подозреваемого на 12 дней без контактов с внешним миром, в частности с семьей, и без помощи адвоката или независимого врача, и тот факт, что период предварительного заключения может быть продлён сверх этого срока. Комитет также отмечает утверждение заявителя о том, что он содержался под стражей в помещениях УРБ, где нет никакого контроля со стороны компетентных судебных властей. Комитет констатирует, что государство-участник не оспорило эти утверждения. Комитет ссылается на свои последние адресованные государству-участнику заключительные замечания, в которых он с озабоченностью отметил, что законный срок предварительного заключения может фактически несколько раз продляться, что закон не гарантирует права на пользование услугами адвоката в период предварительного заключения и что право лица, находящегося в предварительном заключении, на доступ к врачу и общение со своей семьёй не всегда соблюдается на практике⁴⁹ (п. 11⁵ Решения).

Комитет отмечает изложенный заявителем довод о том, что он не пользовался никакой законной защитой во время своего допроса. Комитет напоминает, что в своих последних заключительных замечаниях он рекомендовал государству-участнику предусмотреть создание национального реестра задержанных лиц. Учитывая недостаток информации, сообщённой государством-участником по этим вопросам, и доводы, содержащиеся в его заключительных замечаниях, Комитет может только констатировать, что в данном случае государство-участник не обеспечило выполнение своих обязательств, вытекающих из ст. 11 Конвенции (п. 11⁶ Решения).

Комитет отмечает утверждение заявителя о том, что, несмотря на его неоднократные жалобы в различные судебные органы, государство-участник так и не провело быстрого и беспристрастного расследования спустя более 12 лет после инкриминируемых деяний⁵⁰. Комитет отмечает, что государство-участник не оспорило это утверждение. При отсутствии разъяснений государством-участником причин непроведения спустя более десяти лет после свершившихся фактов какого-либо расследования актов пытки в течение различных периодов содержания заявителя под стражей, о которых неоднократно упоминал последний, Комитет приходит к выводу о нарушении ст. 12 Конвенции, рассматриваемой отдельно и в совокупности со ст. 6 и 7 Конвенции.

⁴⁹ Заключительные замечания Комитета против пыток в отношении третьего периодического доклада Алжира, принятые 13 мая 2008 г. (CAT/C/DZA/CO/3), п. 5.

⁵⁰ Жестокое и бесчеловечное обращение, пытки.

Комитет считает, что государство-участник не выполнило налагаемое на него ст. 13 Конвенции обязательство, которое заключается в обеспечении заявителю права на предъявление жалобы и на быстрое и беспристрастное расследование компетентными властями такой жалобы (п. 11⁷ Решения).

Комитет принимает к сведению утверждения заявителя, в соответствии с которыми государство-участник лишило его всякой компенсации по той причине, что оно не приняло его жалобу к рассмотрению и не провело быстрое публичное расследование. Учитывая непроведение быстрого и беспристрастного расследования, несмотря на многочисленные заявления об актах пыток, которым подвергался заявитель, и ссадины, которые можно было увидеть на его лице, когда он предстал перед судом, в частности 4 июля 2005 г., Комитет делает вывод о том, что государство-участник также не выполнило свои обязательства по ст. 14 Конвенции (п. 11⁸ Решения).

Комитет также отмечает утверждение заявителя о том, что заявления и признания, полученные с применением пыток, были оставлены в материалах его дела и легли в основу вынесенного ему обвинительного приговора. Комитет напоминает о своих Заключительных замечаниях, в которых он отметил свою сохраняющуюся обеспокоенность в связи с отсутствием в законодательстве государства-участника нормы, чётко предусматривающей, что любое заявление, которое, как установлено, было сделано под пыткой, не может быть использовано в качестве доказательства в ходе любого судебного разбирательства⁵¹. В свете представленной заявителем информации, которая была подтверждена информацией, имевшейся в распоряжении Комитета на момент принятия своих Заключительных замечаний, Комитет сделал вывод о нарушении в данном случае ст. 15 Конвенции (п. 11⁹ Решения).

В отношении соблюдения процедуры, предусмотренной ст. 22 Конвенции, Комитет отмечает, что в письме от 15 декабря 2010 г. заявитель проинформировал Комитет о своём желании отозвать жалобу, поданную им в Комитет; что адвокату заявителя, видимо, было направлено ещё одно письмо последнего от 21 октября 2010 г.; что в этих двух письмах излагаются различные причины для отзыва жалобы и что 31 марта 2011 г. заявитель в конечном итоге решил оставить свою жалобу на рассмотрение Комитета. Комитет может лишь констатировать туманные обстоятельства, связанные с просьбами об отзыве жалобы, а затем о возобновлении процедуры заявителем, и отсутствие сотрудничества со стороны государства-участника в части, касающейся

⁵¹ CAT/C/DZA/CO/3, п. 18.

представления замечаний относительно приемлемости и существа дела. Комитет вновь заявляет, что в ходе процедуры рассмотрения индивидуального сообщения по ст. 22 Конвенции государство-участник обязано добросовестно сотрудничать с Комитетом и воздерживаться от любых действий, способных воспрепятствовать этой процедуре. Комитет хотел бы обратить внимание государства-участника на его обязательства по ст. 22 Конвенции и сожалеет о том, что оно до сих пор ограничивалось лишь запросами о подтверждении намерения заявителя отозвать свою жалобу, не давая возможности полностью прояснить ситуацию с нарушениями, от которых пострадал заявитель (п. 11¹⁰ Решения).

Выводы Комитета: Комитет делает вывод о том, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении ст. 1; п. 1 ст. 2, рассматриваемого вместе со ст. 1; ст. 11; ст. 12, рассматриваемой отдельно и в совокупности со ст. 6 и 7; ст. 13; ст. 14 и 15 Конвенции (п. 12 Решения).

Сообщение: *Марьяно Эдуардо Аро против Аргентины.* Сообщение № 366/2008. Решение принято Комитетом 23 мая 2014 г.

Тема сообщения: пытки в пенитенциарном учреждении.

Вопрос существа: оперативное и беспристрастное расследование, право на возмещение ущерба.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что он подвергся пыткам и неправомерному обращению со стороны сотрудников отделения полиции Комодоро-Ривадавии и 17 ноября 2003 г. перенёс двустороннюю тестикулярную абляцию и получил ранения в области шеи; что жалоба, поданная в прокуратуру 19 ноября 2003 г., была произвольно отклонена по большей части на основании медицинских заключений, являвшихся ошибочными, о чём свидетельствует клинико-психологическое заключение от 7 декабря 2007 г., подготовленное по просьбе адвокатов защиты; что ходатайство о возобновлении производства по делу было поверхностно изучено представителями прокуратуры, а его жалоба так и не была рассмотрена судьёй, несмотря на серьёзный характер полученных им ранений. С учётом этих обстоятельств автор утверждает, что судебные власти государства-участника не приняли мер для проведения надлежащего и эффективного расследования и наказания виновных лиц. Более того, его защита была осложнена тем, что ему вводились неразрешённые дозы препаратов, с тем чтобы препятствовать даже им показаний в отношении виновных сотрудников полиции. В результате этого его жалоба была произвольно

отклонена, а лица, виновные в насилии, не были наказаны (п. 9² Решения).

Комитет отмечает, что в ходе рассмотрения жалобы автора о предполагаемом применении пыток в период с 19 ноября 2003 г. по 15 апреля 2004 г. сотрудники второго отдела прокуратуры Комодоро-Ривадавии запросили информацию о состоянии физического и психического здоровья автора у сотрудников как тюремной администрации, так и областной больницы; взяли показания у полицейских, находившихся на дежурстве 17 ноября 2003 г., а также у третьих лиц, не связанных с жалобой, в том числе у врачей и пожарного, оказавших помощь автору, и других заключённых, содержащихся в том же отделении полиции, что и автор. Впоследствии, в период с 23 августа по 20 ноября 2006 г., сотрудник Генеральной прокуратуры и начальник отделения полиции, подведомственного прокуратуре, вновь изучили информацию, содержащуюся в материалах дела, и опросили ряд лиц и органов власти, причастных к случившемуся или присутствовавших при описанных событиях и подтвердивших свои первоначальные заявления или показания, данные прокуратуре (п. 9³ Решения).

Из текста решения о закрытии дела, принятого вторым отделом прокуратуры Комодоро-Ривадавии 15 апреля 2004 г., и доклада представителей прокуратуры по вопросу о ходатайстве возобновить производство по делу от 9 октября 2006 г., подкрепляемого докладами следственной полиции от 6 и 20 ноября 2006 г., Комитету стало ясно, что решение об отклонении жалобы автора основывалось не только на медицинских заключениях о состоянии его здоровья, но и на доказательствах, докладах и заявлениях, поступивших из разных источников, причём в случае некоторых из них не возникает очевидного конфликта интересов, как, например, в случае пожарного, оказавшего помощь автору, и других задержанных того же отделения, а данные ими показания совпадают. С другой стороны, Комитет считает, что ввиду противоречий в заключениях врачей и психологов о состоянии здоровья автора таковые не могут рассматриваться в качестве убедительных доказательств, позволяющих с полной достоверностью прояснить вопрос о том, кто несёт ответственность за описанные события. В данных обстоятельствах Комитет считает, что информация, содержащаяся в материалах дела, не позволяет ему заключить, что расследование событий, имевших место 17 ноября 2003 г., не носило достаточно беспристрастного характера, как того требуют положения ст. 12 и 13 Конвенции. В связи с этим Комитет приходит к выводу о том, что имеющаяся в его распоряжении информация не позволяет заключить, что автор стал жертвой обращения, противоречащего предусмотренным

в Конвенции обязательствам, в связи с указанными событиями (п. 9⁴ Решения).

Выводы Комитета: Комитет приходит к выводу о том, что представленные на его рассмотрение факты не свидетельствуют о нарушении положений Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (п. 10 Решения).

***Условия содержания под стражей и
в местах лишения свободы***

Комитет ООН по правам инвалидов⁵²

Сообщение: *X. против Аргентины.* Сообщение № 8/2012. Соображение принято Комитетом 11 апреля 2014 г.

Условия содержания под стражей.

Правовая позиция Комитета: Комитет напоминает, что в соответствии с п. 2 ст. 14 Конвенции инвалиды, лишённые свободы, имеют право на обращение, соответствующее целям и принципам Конвенции, включая обеспечение разумных приспособлений. Помимо этого, Комитет также напоминает, что доступность является одним из основополагающих принципов Конвенции и в качестве такового применяется в том числе и в случаях, когда инвалиды лишены свободы. Государство-участник обязано обеспечить гарантии доступности в его пенитенциарных учреждениях такого права всем инвалидам, лишённым свободы. В связи с этим государства-участники должны принимать надлежащие меры, включая выявление и устранение препятствий и барьеров, с тем чтобы наделять инвалидов, лишённых свободы, возможностью вести независимый образ жизни и всесторонне участвовать во всех аспектах повседневной жизни в месте заключения, в том числе обеспечить им доступ наравне с остальными лишёнными свободы лицами к различным физическим объектам и услугам, как-то ванным комнатам, прогулочным дворикам, библиотекам, классным комнатам и мастерским, медицинским, психологическим, социальным и юридическим услугам (п. 8⁵ Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает корректировочные меры, принятые государством-участником для устранения барьеров, мешающих доступности физических объектов в пенитенциарном учреждении. Тем не менее Комитет считает, что государство-участник не привело убедительных доказательств того, что

⁵² Комитет ООН по правам инвалидов (далее – Комитет).

модификаций, сделанных в пенитенциарном комплексе, достаточно для обеспечения автору самостоятельного (насколько это возможно) доступа к ванной комнате и душу, прогулочному дворику и медицинской службе. В связи с этим Комитет отмечает, что государство-участник не ссылалось на какие-либо факторы, которые помешали бы ему принять необходимые меры для содействия индивидуальной мобильности автора сообщения, а также не опровергло утверждения автора о сохранении физических препятствий для передвижения (п. 8⁵ Решения).

Комитет приходит к выводу о нарушении государством-участником своих обязательств по подп. а) и б) п. 1 ст. 9 и п. 2 ст. 14 Конвенции (п. 8⁵ Решения).

Комитет отмечает, что необеспечение надлежащих мер и достаточных разумных приспособлений, в которых может возникнуть необходимость у инвалидов, лишенных свободы, может представлять собой обращение, противоречащее п. 2 ст. 15 Конвенции⁵³. Однако в данном случае Комитет считает, что не располагает достаточными доказательствами, позволяющими ему прийти к выводу о нарушении п. 2 ст. 15 Конвенции (п. 8⁷ Решения).

Медицинская помощь и реабилитационное лечение.

Правовая позиция Комитета: Комитет напоминает, что в соответствии со ст. 25 Конвенции инвалиды имеют право на наивысший достижимый уровень здоровья без дискриминации по признаку инвалидности, ввиду чего государства-участники обязаны принимать все надлежащие меры для обеспечения доступа инвалидов к услугам в сфере здравоохранения, в том числе к реабилитации. Кроме того, в ст. 26 Конвенции предусмотрено, что государства-участники принимают эффективные и надлежащие меры к тому, чтобы наделить инвалидов возможностью для достижения и сохранения максимальной независимости, полных физических, умственных, социальных и профессиональных способностей и полного включения и вовлечения во все аспекты жизни, в том числе с помощью комплексных реабилитационных и реабилитационных услуг и программ, причём таким образом, чтобы эти программы и услуги начинали реализовываться как можно раньше и были основаны на многопрофильной оценке нужд и сильных сторон индивида. В свете этих положений, рассматриваемых совместно с п. 2 ст. 14, Комитет напоминает, что государства-участники несут особую ответственность в связи с этим ввиду той

⁵³ В силу п. 2 ст. 15 Конвенции государства-участники принимают все эффективные законодательные, административные, судебные или иные меры к тому, чтобы инвалиды наравне с другими не подвергались пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания.

степени контроля и власти, которую тюремная администрация осуществляет над инвалидами, лишенными свободы по решению суда (п. 8⁹ Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: в данном случае нет никаких сомнений в том, что автор сообщения нуждался в медицинской помощи и реабилитационном лечении. Поэтому Комитет отмечает, что со времени его помещения в Федеральный пенитенциарный комплекс (далее – ФПК) Эсейсы 26 мая 2011 г. пенитенциарному учреждению не удалось на регулярной основе обеспечивать автору реабилитационное лечение, назначенное лечащими врачами Института ФЛЕНИ. Вместе с тем автор несколько раз отказывался от прохождения курса реабилитационного лечения в ФПК Эсейсы или внешних больницах по выбору тюремной администрации. Впоследствии, благодаря действиям Федеральной кассационной палаты по уголовным делам, с июля 2013 года удалось организовать постоянные посещения кинезиолога и психолога в реабилитационном центре Сан-Хуан-де-Дьос и в самой тюремной больнице. Комитет отдаёт себе отчёт в расхождении между утверждениями автора сообщения и государства-участника о качестве и адекватности реабилитационного лечения автора во время нахождения в тюрьме. Тем не менее Комитет отмечает, что, с одной стороны, утверждения автора не были подкреплены в достаточной мере убедительными доказательствами, а, с другой стороны, судебные органы приняли меры для удовлетворения медицинских потребностей автора (п. 8¹⁰ Решения).

Комитет не располагает достаточными доказательствами, позволяющими ему прийти к выводу о нарушении ст. 25 и 26 Конвенции (п. 8¹⁰ Решения).

Угроза для жизни и здоровья автора ввиду состояния шейного отдела позвоночника.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что 7 апреля 2010 г. врачи, наблюдавшие автора в Институте ФЛЕНИ, рекомендовали проходить лечение в амбулаторных условиях; что после этой даты автор помещался на лечение в медицинские центры, в том числе в учреждение, выбранное им самим, и проходил медицинские осмотры и обследования; что медицинские заключения не позволяют сделать однозначный вывод относительно возможных последствий таких поездок с учётом состояния шейного отдела позвоночника (п. 8¹¹ Решения).

В свете имеющейся в его распоряжении информации Комитет считает, что он не располагает фактами, позволяющими заключить, что поездки из пенитенциарного учреждения и обратно в специально оборудованной машине скорой помощи в сопровождении врача, а также

содержание автора сообщения в тюрьме представляют собой нарушения ст. 10 и 25 Конвенции (п. 8¹¹ Решения).

Выводы Комитета: Комитет по правам инвалидов приходит к выводу о том, что государство-участник не выполнило свои обязательства, вытекающие из подп. а) и б) п. 1 ст. 9, п. 2 ст. 14 и ст. 17 Конвенции, и выносит государству-участнику следующие рекомендации: а) в отношении автора сообщения: государство-участник обязано восстановить предусматриваемые Конвенцией права автора путём осуществления модификаций в месте заключения для обеспечения доступа к физическим объектам и услугам в тюрьме наравне с другими заключёнными. Государство-участник также должно возместить автору судебные издержки, связанные с рассмотрением данного сообщения. Кроме того, с учётом плохого состояния здоровья автора Комитет просит государство-участника проследить за тем, чтобы при уважении к праву пациента самостоятельно соглашаться на медицинское лечение или отказываться от него автору сообщения был обеспечен доступ к надлежащему и своевременному медицинскому уходу согласно показаниям, а также постоянный и неограниченный доступ к надлежащему реабилитационному лечению; б) общего характера: государство-участник обязано принять меры для недопущения аналогичных нарушений в будущем. В частности, государство обязано: i) предусмотреть надлежащие меры и достаточные разумные приспособления в случае их необходимости для надления инвалидов, лишённых свободы, возможностью вести независимый образ жизни и всесторонне участвовать во всех аспектах жизни в месте заключения; ii) предусмотреть надлежащие меры и достаточные разумные приспособления в случае их необходимости для обеспечения инвалидам, лишённым свободы, наравне с другими заключёнными доступа к физическим объектам в месте заключения и предоставляемым в нём услугам; iii) принять надлежащие меры для обеспечения инвалидам, лишённым свободы, доступа к медицинской помощи и реабилитации, с тем чтобы они могли пользоваться правом на наивысший достижимый уровень здоровья без дискриминации; iv) гарантировать, чтобы в результате недостаточной доступности или отсутствия разумных приспособлений условия содержания под стражей инвалидов не усугублялись и не оборачивались дополнительными физическими и психологическими страданиями, которые могут принять формы жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и отразиться на личной физической и психической целостности; v) обеспечить проведение на регулярной основе соответствующей подготовки судей и других работников судебных органов и сотрудников пенитенциарных центров, в особенности медицинских работников, по

вопросам сферы охвата Конвенции и Факультативного протокола к ней (п. 9 Решения).

Тексты приведённых документов, принятых международными договорными органами ООН, находятся на официальном сайте Организации Объединённых Наций (http://www.un.org/ru/rights/treaty_based_bodies.shtml):

Комитет по правам человека –

<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/CCPRIndex.aspx>

Комитет против пыток –

<http://www.ohchr.org/en/hrbodies/cat/pages/catindex.aspx>

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин –

<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CEDAW/Pages/CEDAWIndex.aspx>

Комитет по правам инвалидов –

<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CRPD/Pages/Jurisprudence.aspx>

Тексты указанных документов также размещены на внутреннем сайте Верховного Суда Российской Федерации в разделе «Ведомственный контур» (папка Международное право).

ПРАКТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Извлечения из постановлений, принятых в сфере уголовно-правовых отношений

1. В постановлении Большой Палаты по делу «**Свинаренко и Сляднев против России**» от 17 июля 2014 г. (далее – постановление) Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) установил нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с чрезмерно длительным рассмотрением уголовного дела в отношении Свинаренко А.С. и Сляднева В.А.; ст. 3 Конвенции – в связи с содержанием заявителей в зале суда в ходе названного судебного разбирательства в месте, огороженном металлическими прутьями, с перекрытием из проволоки (далее – металлическая клетка).

Обстоятельства дела: заявители, проживающие в Магаданской области, жаловались на содержание их в зале судебных заседаний суда первой инстанции в металлической клетке, а также на чрезмерную длительность (более шести лет) судебного разбирательства по уголовным делам.

Позиция Европейского Суда: применительно к нарушению ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) отклонены доводы российских властей о том, что «содержание заявителей в металлической клетке было направлено на предотвращение возможного побега, пресечение неправомерного поведения подсудимых и их защиту от потерпевших» (п. 121 постановления). Обращено внимание на то, что «не было представлено доказательств наличия угрозы безопасности в судебном заседании, которая оправдывала бы содержание заявителей в металлической клетке, а также того, что суд вообще рассматривал вопрос о наличии такой угрозы и необходимости применения к заявителям соответствующей меры» (п. 137 постановления).

С учётом изложенного сочтено, что «содержание Свиноаренко А.С. и Сляднева В.А. на обозрении присяжных заседателей и общественности в металлической клетке на протяжении всего судебного разбирательства (более 2 лет) явилось средством унижения заявителей, что оно подрывало их репутацию и вызывало у них чувство униженности, беспомощности, страха и собственной неполноценности» (п. 129 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «в Российской Федерации применение металлической клетки носит повсеместный характер в отношении всех подсудимых, содержащихся под стражей, без учета их конкретной ситуации, на основании приказов МВД России, которые имеют гриф «для служебного пользования» и не опубликованы» (пп. 123, 124 постановления).

Вместе с тем, как отмечено, в большинстве других стран вместо металлических клеток при необходимости используются защитные светопрозрачные ограждения (с обеспечением надлежащих условий для участия подсудимых в процессе, в том числе достаточной площади светопрозрачного ограждения, наличия вентиляции и оборудования, позволяющего подсудимому конфиденциально общаться с защитником и обращаться к суду и присяжным заседателям, и т.д.) (п. 119 постановления).

Наряду с этим установлено, что согласно практике Европейского Суда использование металлических клеток относится к вопросам справедливости судебного разбирательства, в том числе презумпции невиновности, права подсудимого на эффективное участие в судебном

разбирательстве и получение им реальной и эффективной правовой помощи (п. 132 постановления).

На основании изложенного сделан вывод о том, что «само по себе содержание подсудимого в металлической клетке в зале суда с учётом его объективно унижительного характера не соответствует нормам цивилизованного поведения в демократическом обществе, является унижением человеческого достоинства и нарушает ст. 3 Конвенции» (п. 138 постановления).

Что касается чрезмерно длительного рассмотрения Магаданским областным судом уголовного дела в отношении Свиноаренко А.С. и Сляднева В.А., Европейский Суд установил, что у первого заявителя этот срок составил шесть лет и десять месяцев, а у второго шесть с половиной лет при рассмотрении дела в двух инстанциях. Европейский Суд, приняв во внимание сложность дела и трудности, с которыми столкнулся областной суд, все же пришёл к выводу, что длительность судебного разбирательства по уголовному делу заявителей не соответствовала требованию о рассмотрении дела в разумный срок (п.144 постановления).

2. В постановлении по делу *«Александр Дементьев против России»* от 28 ноября 2014 г. (далее – постановление) Европейский Суд констатировал отсутствие нарушений пп.1, 3 «с» ст. 6 Конвенции в связи с предположительным несоблюдением права заявителя на справедливое судебное разбирательство ввиду необеспечения судом личного участия заявителя в судебном заседании по вопросу назначения ему наказания по совокупности приговоров.

Обстоятельства дела: заявитель, отбывающий наказание в Архангельской области, жаловался на то, что не было обеспечено его участие в заседании суда, рассматривавшего вопрос о способе исполнения наказания, ранее назначенного ему судом.

Позиция Европейского Суда: Европейский Суд подчеркнул, что «не будучи абсолютным, право каждого обвиняемого на эффективную защиту через адвоката, назначенного властями, если это необходимо, является одной из основ справедливого судебного разбирательства ...[статья] 6 Конвенции не препятствует лицу в добровольном отказе, прямом или подразумеваемом, от права на гарантированное судебное разбирательство. Однако, чтобы отвечать целям Конвенции, такой отказ должен быть выражен в недвусмысленной форме и сопровождаться минимальными гарантиями, соизмеримыми со значением отказа. Кроме того, он не должен идти вразрез с важными общественными интересами» (пп. 40, 41 постановления).

Европейский Суд отметил, что «в соответствии со своей юрисдикцией областной суд мог только пересчитать срок наказания заявителя, заменив исправительные работы на лишение свободы, по арифметической формуле, предусмотренной законом... несмотря на то, что при пересчёте срока наказания областной суд должен был учесть среди прочего личность заявителя, а также смягчающие и отягчающие обстоятельства каждого преступления, его задачей было просто вынести решение относительно срока наказания в пределах от одного дня до двух месяцев, которое заявитель должен был отбыть по приговору» (п. 45 постановления).

По мнению Европейского Суда, «областной суд в целях обеспечения справедливого разбирательства мог надлежащим образом рассмотреть дело на основании только материалов дела и письменных замечаний сторон без непосредственной оценки доказательств, представленных лично заявителем» (п. 46 постановления).

Европейский Суд также установил, что «заявитель не представил никаких письменных заявлений в ответ на запрос, направленный администрацией исправительной колонии в отношении пересчёта срока его наказания, а также не предпринял никаких попыток добиться представления в суде своих интересов адвокатом, предоставленным государством или выбранным им самим» (п. 49 постановления).

Европейский Суд пришёл к выводу, что, несмотря на то, что о судебном заседании по вопросу о назначении наказания заявитель узнал лишь за день до его проведения, нет оснований полагать, что данная задержка в извещении настолько ущемила права заявителя, чтобы заявлять о несправедливом судебном разбирательстве (п. 51 постановления).

3. В постановлении Европейского Суда по делу «*Зенков против России*» от 6 марта 2014 г. (далее – постановление) Европейский Суд установил нарушение п. 1 ст. 5 Конвенции в связи с незаконным содержанием заявителя под стражей в следственном изоляторе в отсутствие соответствующего судебного акта, а также ст. 3 Конвенции – в связи с необеспечением Зенкову А.А. надлежащих условий содержания в названном следственном изоляторе.

Обстоятельства дела: в 2006 году заявитель был задержан по подозрению в мошенничестве. Городской суд вынес постановление о заключении его под стражу. Содержание Зенкова А.А. под стражей продлевалось несколько раз. 16 ноября 2007 г. городской суд *post factum* дал разрешение на заключение заявителя под стражу с 21 октября по 16 ноября 2007 г.

В 2007 году по приговору городского суда, оставленному без изменения судами кассационной и надзорной инстанции, заявитель был признан виновным в мошенничестве и приговорён к десяти годам лишения свободы. В 2010 году он был освобождён условно-досрочно.

Позиция Европейского Суда: неизменной остаётся позиция Европейского Суда, согласно которой «заявитель лишается статуса жертвы, если национальные власти признали либо в прямой форме, либо по существу, а затем предоставили соответствующую и достаточную компенсацию за нарушение Конвенции» (п. 46 постановления).

В данном деле Европейский Суд отметил, что «...компенсация, предоставленная заявителю, была соответствующей...однако... данная сумма намного ниже, чем сумма, которую он обычно присуждает в подобных делах против Российской Федерации» (пп. 50 - 51 постановления)⁵⁴.

Европейский Суд пришёл к выводу, что «разрешение на предварительное содержание под стражей заявителя было дано с запозданием, в нарушение применимых национальных правил уголовного судопроизводства» и что «...предоставленная заявителю компенсация была недостаточной» (пп. 53, 60 постановления).

См. также постановление Европейского Суда по делу «Горбуля против России».

Извлечения из постановлений, принятых в сфере гражданско-правовых и административных отношений

1. В постановлении Европейского Суда по делу «**Балакин против России**» от 27 июня 2013 г. (далее – постановление) Европейский Суд констатировал отсутствие нарушения п. 1 ст. 6 Конвенции ввиду прекращения производства по иску заявителя об обязанности городской администрации предоставить ему дополнительную жилую площадь во внеочередном порядке.

Обстоятельства дела: заявитель требовал внеочередного предоставления жилья с целью улучшения жилищных условий на том основании, что его дочь является инвалидом, страдающим тяжелой формой диабета, дающего ей (её семье) право на первоочередное получение жилой площади (на улучшение жилищных условий) на основании приказа Минздрава СССР от 28 марта 1983 г. № 330 и постановления Правительства Российской Федерации от 27 июля 1996 г.

⁵⁴ Президиум областного суда присудил заявителю 15 000 рублей (примерно 380 евро на тот период) в качестве компенсации морального ущерба в связи с незаконным содержанием под стражей.

№ 901. В соответствии с судебными постановлениями производство по делу заявителя было прекращено и ему было отказано в удовлетворении требований о предоставлении улучшенного жилья в связи с неподведомственностью данных дел суду.

Позиция Европейского Суда: Европейский Суд счёл положения законодательства, на которых были основаны требования заявителя, отражающими лишь признание государством намерения предоставить жильё тогда, когда для этого будут иметься необходимые ресурсы. А поэтому включение в список ожидающих улучшения жилищных условий не предоставляет лицу какого-либо права, реализации которого можно было бы требовать, и, соответственно, не налагает на государство никакой обязанности реализовать отсутствующее право (п. 47 постановления).

По мнению Европейского Суда, «у заявителя не было достаточного основания для иска или права, которое можно защищать в суде... невозможность предъявления заявителем иска к местному органу власти следовала не из иммунитета, срока или иного процессуального препятствия, а из применимых принципов, регулирующих материальное право на улучшение жилищных условий за счёт государства» (п. 51 постановления).

Европейский Суд пришёл к выводу, что, «хотя районный суд и прекратил производство по делу, он поступил так, заслушав заявителя и подробно разъяснив, почему «право на улучшение жилищных условий», на которое ссылался заявитель, не подлежит судебной защите... по сути, районный суд рассмотрел довод, выдвинутый заявителем, поэтому форма национального решения (прекращение производства по делу без вынесения окончательного решения по существу дела) не столь важна... любое дополнительное слушание по фактам дела после установления судом того, что требование заявителя не подлежит судебной защите, «повлекло бы только затягивание национального разбирательства в отсутствие необходимости», поскольку единственное альтернативное решение, которое районный суд мог предложить заявителю, по-видимому, заключалось в отказе в удовлетворении исковых требований, так как закон не наделял заявителя правом, которое он стремился защитить» (п. 52 постановления).

2. В постановлении Европейского Суда по делу *«Новая Газета и Бородянский против России»* от 28 марта 2013 г. (далее – постановление) Европейский Суд установил отсутствие нарушения ст. 10 Конвенции ввиду вмешательства в право заявителей на свободу выражения мнения посредством удовлетворения судом исковых требований к заявителям о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Обстоятельства дела: заявители обратились в Европейский Суд в связи с удовлетворением иска о защите чести, достоинства и деловой репутации, поданного против них губернатором Омской области в связи с опубликованной критической статьёй. Согласно решению суда, вступившему в силу, первый заявитель – «Редакционно-издательский дом «Новая газета» – был обязан опубликовать опровержение оскорбительных утверждений, а также оба заявителя были обязаны выплатить компенсацию морального вреда истцу.

Позиция Европейского Суда: Европейский Суд отметил, что «свобода выражения мнения составляет одну из существенных основ демократического общества и одно из главных условий для его прогресса и самореализации каждого гражданина... с учётом п. 2 ст. 10 Конвенции она распространяется не только на «информацию» или «идеи», которые благосклонно принимаются или считаются безвредными или нейтральными, но также на оскорбляющие, шокирующие или причиняющие беспокойство» (п. 27 постановления).

Европейский Суд установил, «чтобы играть значительную роль в освещении вопросов, представляющих общественный интерес и значимых для общества, журналистам позволяется прибегать к определённой степени преувеличения, провокации и даже к достаточно несдержанным высказываниям» (п. 29 постановления).

Однако Европейский Суд подчеркнул, что «статья 10 не гарантирует прессе неограниченной свободы выражения своего мнения, даже когда речь идёт о вопросах, привлекающих большое внимание со стороны общества. Пользуясь свободами, гарантированными Конвенцией, журналист при исполнении своих обязанностей связан принципами профессиональной ответственности, в частности он должен быть добросовестным, предоставлять точную информацию из надёжных источников, объективно отражать мнение тех, кто вовлечён в обсуждение соответствующего вопроса, и воздерживаться от погони за сенсациями в чистом виде» (п. 37 постановления).

В данном деле Европейский Суд отметил, что «высказывания в адрес [губернатора] были сделаны в контексте статьи, раскрывающей широкомасштабные мошеннические схемы, задействованные определёнными лицами в области. Хотя между выдачей кредитов по подложным документам и личностью или служебным положением [губернатора] и не проводилась явная и непосредственная связь, в статье делался намёк на личную связь между ним и известным казахским политиком» (п. 36 постановления).

Европейский Суд установил, что «[заявители] не представили никаких доказательств того, что сделанные ими заявления имели какие-

либо фактические основания, поскольку, по их мнению, оценочное суждение не требует доказательств» (п. 39 постановления).

В связи с тем, что упоминание о вовлечённости политика в мошеннические схемы несомненно нанесло урон его репутации, Европейский Суд пришёл к выводу, что «довод заявителей о том, что у них не было ни намерения, ни желания создать подобный эффект, недостаточен для оправдания отступления от принципов «добросовестности» в журналистской деятельности... Учитывая, что заявители не представили, по меньшей мере, минимальных фактических оснований для подобных утверждений... вмешательство в право заявителей было произведено на «существенных и достаточных» основаниях» (п. 43 постановления).

3. В постановлении Европейского Суда по делу *«Горбуля против России»* от 6 марта 2014 г. (далее – постановление) Европейский Суд отклонил, как необоснованную, жалобу заявителя на предполагаемое нарушение ст. 3 Конвенции в связи с якобы имевшим место непредоставлением Горбуле В.В. медицинской помощи во время содержания его в следственном изоляторе и в исправительном учреждении.

Вместе с тем установлено нарушение ст. 3 Конвенции – в связи с необеспечением заявителю надлежащих условий содержания в названных учреждениях, а также ст. 13 Конвенции – ввиду отсутствия у Горбули В.В. эффективных средств правовой защиты от соответствующих нарушений.

Обстоятельства дела: В 2006 году заявитель был признан виновным в причинении тяжкого вреда здоровью, повлёкшему по неосторожности смерть потерпевшего, и приговорён к 10 годам лишения свободы. В 2008 году на основании решения суда присяжных он был признан виновным в нескольких разбойных нападениях и убийстве и приговорён к пожизненному заключению.

Позиция Европейского Суда: Европейский Суд отметил, что «для того, чтобы считаться эффективными, превентивные и компенсаторные средства правовой защиты должны быть взаимодополняющими» (п. 54 постановления).

Европейский Суд установил, что «хотя проверка надзирающим прокурором играет важную роль в обеспечении соответствующих условий содержания под стражей, представления или постановления прокурора главным образом являются отношениями между надзирающим органом и органом, подпадающим под надзор, и не

предназначены для принятия превентивных мер или возмещения понесшему ущерб лицу» (п. 55 постановления).

По мнению Европейского Суда, «гражданский иск о компенсации в соответствии с деликтными положениями Гражданского кодекса не может предложить заявителю другого возмещения, кроме... компенсации, и не способен положить конец ситуации длящегося нарушения, такого как отсутствие личного пространства или отсутствие определённого размещения в соответствующем исправительном учреждении, или ненадлежащая медицинская помощь...такое средство правовой защиты не предлагает обоснованных перспектив успеха, в частности потому, что решение зависит от установления вины властей, что имеет низкую степень вероятности в ситуации, когда внутригосударственные правовые нормы предусматривают применение определенной меры, к примеру, определённых условий содержания под стражей или одиночного заключения» (п. 56 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «...даже в делах, в которых российские суды присудили компенсацию за условия содержания под стражей, неудовлетворительные в свете внутригосударственных судебных требований, уровень компенсации был необоснованно занижен в сравнении с компенсациями, присуждёнными Судом в аналогичных делах» (п. 56 постановления).

Таким образом, Европейский Суд пришёл к выводу, что в данном деле «...ни одно из предложенных властями средств правовой защиты не являлось эффективным средством правовой защиты, которое могло бы быть использовано для предотвращения предполагаемых нарушений или их продолжения с предоставлением заявителю надлежащего и достаточного возмещения в связи с его жалобами в соответствии со статьёй 3 Конвенции» (п. 57 постановления).

См. также постановление Европейского Суда по делу «Зенков против России».

Неофициальный перевод текстов постановлений получен из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека и в цитатах не изменён.

Тексты постановлений находятся на внутреннем сайте Верховного Суда Российской Федерации в разделе «Ведомственный контур» (папка Международное право).

**Управление систематизации законодательства и
анализа судебной практики Верховного Суда
Российской Федерации**